

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
ИМПЕРАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ**

А. И. Изотов

PONTES PRAGENSES

Volume 37

Published by

THE CENTER FOR RELIGIOUS AND CULTURAL DIALOGUE
AT THE HUSSITE FACULTY OF THEOLOGY
CHARLES UNIVERSITY, PRAGUE

Board of Editors:

Zdeněk R. Dittrich (*Utrecht*)
David R. Holetton (*Toronto*)
(†) **Gert Hummel** (*Saarbrücken*)
Alexander Kolesnyk (*Berlin*)
Zdeněk Kučera (*Praha*)
Jan B. Lášek — *Secretary of the Board* (*Praha*)
(†) **Richard Plaschka** (*Wien*)

Электронная версия монографии, изданной в 2005 году в Брно.
При цитировании ссылки на книжное издание обязательны.

К 250-летию МГУ имени М.В. Ломоносова

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
и
Редакционного совета Pontes Pragenses
Центра религиозного и культурного диалога
при Гуситском теологическом факультете
Карлова университета в Праге*

Рецензенты:

доктор филологических наук профессор В. Ф. Васильева
доктор филологических наук профессор М. В. Всеволодова
кандидат филологических наук доцент В. В. Белоусова

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ИЗОТОВ
ANDREJ IVANOVIČ IZOTOV

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
КАТЕГОРИЯ ИМПЕРАТИВНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

ČESKÁ A RUSKÁ VÝZVA
JAKO
FUNKČNĚ SÉMANTICKÁ KATEGORIE

KATALOGIZACE V KNIZE — NÁRODNÍ KNIHOVNA ČR

Izotov, Andrej Ivanovič

Funkcional'no-semantičeskaja kategorija imperativnosti v sovremennom češskom jazyke v sopostavlenii s russkim = Česká a ruská výzva jako funkčně sémantická kategorie / Andrej Ivanovič Izotov. – Brno : L. Marek, 2005. – 274 s. (Pontes pragenses ; sv. 37)

ISBN 80-86263-62-2

811.162.3 * 811.161.1 * 81'366.593 * 81'37

- čeština
- ruština
- rozkazovací způsob
- sémantika
- srovnávací studie

811.16 – Slovanské jazyky

V roce 2005 vydalo nakl. L. Marek, Pekařská 18, 602 00 Brno
Vytiskla tiskárna PBTisk, Příbram
1. vydání nákladem 1000 výtisků

© Andrej Ivanovič Izotov, 2005
ISBN 80-86263-62-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	8
ВВЕДЕНИЕ.....	10
Глава 1. СТРУКТУРА ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ИМПЕРАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ.....	14
1.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОБУДИТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ	14
1.1.1. Категориальная и некатегориальная императивность	14
1.1.2. Побуждение и прагматика.....	16
1.1.3. Модель структуры побудительного высказывания.....	19
1.2. ИЛЛОКУТИВНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОБУДИТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ.....	24
1.3. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, МАРКИРОВАННЫЕ ПО ПРИЗНАКУ <i>ИНДИКАЦИЯ</i> <i>ВЫСОКОЙ СТЕПЕНИ ВЕРОЯТНОСТИ КАУЗИРУЕМОГО</i> <i>ДЕЙСТВИЯ</i>	37
1.3.1. «Авторитарные» побудительные высказывания	38
1.3.2. «Пермиссивные» побудительные высказывания	59
1.3.3. «Инструктивные» побудительные высказывания	62
1.4. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, МАРКИРОВАННЫЕ ПО ПРИЗНАКУ <i>ИНДИКАЦИЯ</i> <i>ВЫСОКОЙ СТЕПЕНИ МОТИВИРОВАННОСТИ</i> <i>КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ</i>	64
1.5. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, МАРКИРОВАННЫЕ ПО ПРИЗНАКУ <i>ИНДИКАЦИЯ</i> <i>ПОЛЕЗНОСТИ ДЛЯ АГЕНСА КАУЗИРУЕМОГО</i> <i>ДЕЙСТВИЯ / ВОЗДЕРЖИВАНИЯ ОТ ДЕЙСТВИЯ</i>	75
1.6. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, НЕ МАРКИРОВАННЫЕ ПО НАЗВАННЫМ ВЫШЕ ПРИЗНАКАМ.....	83
1.7. ИЛЛОКУТИВНО НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЕ ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ	88
Глава 2. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПОДКАТЕГОРИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ИМПЕРАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ	90

2.1. БАЗОВЫЕ ТИПЫ ИЛЛОКУТИВНО УНИВЕРСАЛЬНОГО ПОБУЖДЕНИЯ 2 ЛИЦА.....	90
2.2. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ТИПЫ ИЛЛОКУТИВНО УНИВЕРСАЛЬНОГО ПОБУЖДЕНИЯ 2 ЛИЦА	101
2.2.1. Чешские конструкции типа <i>pojď(te)</i> + инфинитив и русские типа <i>давай</i> + индикатив	101
2.2.2. Чешские конструкции типа <i>koukej</i> (+ <i>ne-</i>) + инфинитив и русские типа <i>смотри</i> (+ <i>(не)</i>) + индикатив	105
2.3. БАЗОВЫЕ ТИПЫ ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ПОБУЖДЕНИЯ	114
2.3.1. «Коинцидентальная» перформативность	117
2.3.2. «Некоинцидентальная» перформативность	129
2.4. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ТИПЫ ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ПОБУЖДЕНИЯ	132
2.5. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ТЕМАТИЗАЦИЮ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ	135
2.5.1. Конструкции с формами 2 лица ед. и мн. числа индикатива	136
2.5.2. Конструкции с формами 1 лица индикатива.....	138
2.5.3. Конструкции, оформленные сослагательным наклонением / кондиционалом.....	140
2.6. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ТЕМАТИЗАЦИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ.....	155
2.7. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ТЕМАТИЗАЦИЮ НЕОБХОДИМОСТИ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ.....	156
2.8. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ТЕМАТИЗАЦИЮ ПОЛЕЗНОСТИ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ	169
2.9. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ТЕМАТИЗАЦИЮ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ.....	174
2.10. ПОБУЖДЕНИЕ В РАМКАХ УСТАРЕВШИХ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМ ОБРАЩЕНИЯ	181
2.10.1. «ОНИКАНЬЕ»	181
2.10.2. «ОНКАНЬЕ»	194
Глава 3. ИНКЛЮЗИВНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ....	200
3.1. ИЛЛОКУТИВНО УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИНКЛЮЗИВНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ	200
3.1.1. Синтетический императив 1 лица мн. числа.....	200

3.1.2. Чешские конструкции типа <i>pojď(te) zpívat</i> и русские типа <i>давай(те) (будем) петь</i>	203
3.2. ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ИНКЛЮЗИВНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ	206
3.3. «НЕКАТЕГОРИАЛЬНОЕ» ИНКЛЮЗИВНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ	207
3.3.1. Конструкции с формами 1 лица мн. числа индикатива	207
Глава 4. ПОБУЖДЕНИЕ «ТРЕТЬЕГО ЛИЦА» В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ	211
4.1. ИЛЛОКУТИВНО УНИВЕРСАЛЬНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ «ТРЕТЬЕГО ЛИЦА»	211
4.1.1. Чешские конструкции типа <i>ať zpívá / zpívají</i> и русские типа <i>пусть поёт / поют</i>	211
4.1.2. Реликты синтетического императива 3 лица ед. числа.....	221
4.1.3. Чешский страдательный императив	223
4.2. ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ПОБУЖДЕНИЕ «ТРЕТЬЕГО ЛИЦА»	225
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	228
ИСТОЧНИКИ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	230
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ И ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	Ошибка! Закладка не определена.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография подготовлена на кафедре славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, ее отдельные положения обсуждались на заседаниях кафедры в виде научных докладов и сообщений, и автор выражает признательность всем проявившим к ней внимание коллегам за ценные замечания и пожелания, а заведующему кафедрой доценту В. П. Гудкову и декану факультета профессору М. Л. Ремнёвой — за творческую обстановку на кафедре и факультете.

Бесконечна благодарность автора доктору филологических наук профессору А. Г. Широковой, учеником которой автору посчастливилось быть более двух десятилетий. Профессор А. Г. Широкова рецензировала первый вариант данной работы, и ее ценные замечания во многом определили структуру монографии.

Автор благодарен своим рецензентам — докторам филологических наук профессорам В. Ф. Васильевой и М. В. Всеволодовой, а также кандидату филологических наук доценту В. В. Белоусовой.

Автор благодарит докторов филологических наук профессоров Е. В. Клобукова и Е. В. Петрухину, а также доктора филологических наук В.А. Татарина, знакомившихся с настоящей работой в процессе ее подготовки.

Автор благодарен редакции *Pontes pragenses* за внимание, проявленное к настоящей рукописи, и прежде всего секретарю редакции профессору Яну Б. Лашеку. Долгом автора будет также отметить, что благодаря профессору Яну Б. Лашеку он имел возможность пользоваться научными изданиями, недоступными либо труднодоступными за пределами Чехии.

Автор признателен сотрудникам Института Чешского национального корпуса при философском факультете Карлова университета в Праге за любезно предоставленную возможность пользоваться собранным ими материалом.

Настоящая монография посвящена памяти выдающихся филологов А. Г. Широковой и Фр. Мареша — людей разных политических взглядов и разной судьбы, но одинаково преданных славистике. Профессор Венского университета с 1968 года, академик Фр. Мареш

возобновил лекции в Карловом университете в Праге благодаря усилиям Гуситского теологического факультета и создаваемого при нем Центра религиозного и культурного диалога, издающего серию *Pontes pragenses*. Секретарю серии профессору Я. Б. Лашеку автор обязан знакомством с Фр. Марешом.

Монография выходит в год 250-летия Московского университета, а легший в ее основу текст впервые обсуждался на кафедре славянской филологии МГУ в год 650-летия Карлова университета в Праге. Автор хочет надеяться, что она станет еще одним звеном, объединяющим оба дорогих для него университета.

Москва — Прага, 25.01.2005

А. И. Изотов

ВВЕДЕНИЕ

Реализуясь прежде всего в рамках так называемой «целеустановочной модальности», категория императивности, которая рассматривается нами в качестве категории функционально-семантической, вступает в сложное взаимодействие с другими конституентами модального комплекса, в частности, с единицами плана «волеустановочной модальности» (характеристика обозначаемой ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости, желательности¹), плана эмоциональной и качественной оценки содержания высказывания, плана утверждения / отрицания. Поэтому неудивительно, что интерес к проблемам императива и императивности в последние годы растет. Так, последние годы отмечены появлением целого ряда крупных работ по данной тематике, среди них докторские диссертации Л. А. Бирюлина (1992), Ц. Саранцацрал (1993), Л. А. Сергиевской (1995), М. А. Безяевой (2002), монографии Е. И. Беляевой (1992), Й. Крекича (1993), Л. А. Бирюлина (1994), М. Г. Безяевой (2002), коллективная монография «Типология императивных конструкций» под редакцией Л. А. Бирюлина и В. С. Храковского (1992), переизданная монография В. С. Храковского и А. П. Володина (2002). Мощным стимулом для разработки проблематики явились ленинградская конференция «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность» (1988) и выход монографии «Темпоральность. Модальность» из серии «Теория функциональной грамматики» коллектива авторов под руководством А. В. Бондарко (1990). Ежегодно по тем или иным аспектам проблематики успешно защищаются кандидатские диссертации.

А. В. Бондарко разработаны понятие функционально-семантического поля императивности и понятие императивной ситуации, В. С. Храковским и Л. А. Бирюлиным сформулировано опирающееся на принятое в теории речевых актов трехуровневое содержательное определение побудительного высказывания и исчислены прагматические факторы, влияющие на семантическую интерпретацию побуждения, Ц. Саранцацрал, Л. А. Сергиевской и Й. Крекичем весьма обстоятельно описаны побудительные высказывания совре-

¹ В русистике этот тип модальности принято называть «внутрисинтаксической» модальностью, ср. работы Г. А. Золотовой, М. В. Всеволодовой.

менного русского языка², практически всеми исследователями предлагаются свои варианты семантико-прагматического членения русского массива побудительных речевых актов.

Тем не менее даже для русского материала далеко не все проблемы могут считаться окончательно решенными. Предложенная В. С. Храковским и Л. А. Бирюлиным смысловая структура побудительного высказывания не описывает некоторых социально значимых подтипов побуждения (например, *разрешения, предложения, приглашения*). Не охарактеризован лингвистический механизм транспозиции наклонений на уровне функционально-семантических категорий. Сама множественность вариантов классификации побудительных интерпретаций косвенно свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки проблематики.

Следует также отметить своего рода асимметрию обработки чешского и русского материала. В то время как русскому императиву посвящены многочисленные исследования (в частности, все четыре названные выше докторские диссертации), для богемистики в целом не характерен интерес к императиву и императивности, которые рассматриваются с явно недостаточной степенью полноты в грамматических описаниях общего характера, ср. напр. [Grepel, Karlík 1986; Mluvnice češtiny 1987; Příruční mluvnice češtiny 1996]. Между тем в современном чешском языке, так же, как и в русском, речь идет о весьма сложном феномене, лежащем на пересечении разных пластов модального комплекса.

² Й. Крекич, исходя из положения создателя термина «перформатив» Дж. Остина о том, что любое высказывание, способное «развернуться» в эксплицитное перформативное высказывание, является *имплицитным* или *скрытым* перформативным высказыванием («С поля» = «Я объявляю, провозглашаю, выставляю или выкликаю вас с поля» [Остин 1986: 62-63]), и мнения Ю. Д. Апресяна о приоритете перформативной формулы перед перформативным глаголом («Прости!» = «Прошу у тебя прощения» [Апресян 1995. Т. 2: 203]), толкует это положение предельно расширительно — в разряд имплицитных побудительных перформативов попадает абсолютное большинство побудительных высказываний, и хотя его монография называется «Побудительные перформативные высказывания», речь в ней идет фактически о варианте систематизации средств побуждения современного русского языка. В соответствии с избранным Й. Крекичем углом зрения, центральную область русского побудительного массива составляют эксплицитные перформативные высказывания с перформативными глаголами из заданного списка, а высказывания с императивом занимают место на периферии.

На последующих страницах мы рассматриваем явления чешского языка в сопоставлении с функционально схожими явлениями языка русского, так как взгляд через призму близкородственного языка позволяет точнее определить структурные связи между элементами языковой системы, проявляет скрытые механизмы функционирования ее элементов. Очевидные межъязыковые различия на более глубоком уровне анализа оборачиваются сходствами, а сходства — различиями. Так, при первом знакомстве со средствами и способами выражения побуждения в современных чешском и русском языках поражает масштаб межъязыковых различий, в частности: а) не совпадают инвентари императивных форм, конструкции с которыми относятся к наиболее специфицированным средствам выражения побуждения в обоих языках (это несоответствие относится ко всем формам — кодифицированным и некодифицированным, синтетическим и аналитическим, узуальным и малоупотребительным); б) чешский и русский императив характеризуются нетождественным семантическим объемом и неравными транспозиционными возможностями; в) для чешского и русского речеупотребления свойственна неодинаковая узуальная предпочтительность в выборе тех или иных средств и способов выражения неспецифицированного побуждения (побуждения через вопрос, через оптативность, через презентно-футуральную индикативность и т. п.).

С другой стороны, включение проблематики императива в проблематику более широкую — в изучение проблем модальности и семантико-прагматических аспектов речевой деятельности позволяет «снять» многие межъязыковые различия, определить единый механизм функционирования изучаемой категории, пригодный для обоих языков.

Сказанное позволяет считать настоящее исследование *актуальным*.

В качестве основного источника фактического материала мы использовали доступный через Интернет подготовленный в Карловом университете в Праге электронный «Чешский национальный корпус» (Český Národní Korpus)³ и прежде всего его составную часть — подкорпус SYN2000 (около 100 миллионов словоформ), образуемый текстами, представляющими основные функциональные стили современного чешского языка. Мы благодарны сотрудникам Институ-

³ <http://ucnk.ff.cuni.cz/>

та Чешского национального корпуса при философском факультете за любезно предоставленную возможность пользоваться этим материалом.

Помимо этого, следуя обычной в богемистике и русистике практике, мы пользовались эксцерпциями из художественных произведений чешских и русских авторов XIX и XX вв., имея в виду то обстоятельство, что многие из этих произведений (речь идет прежде всего о так называемой «школьной классике») не только отражают (прямо или косвенно) языковую ситуацию соответствующего времени, но и участвуют в формировании индивидуальной языковой компетенции *современного* читателя. При этом некоторые произведения чешской и русской художественной литературы были подвергнуты нами сплошной выборке. Речь идет о приблизительно равных по объему книгах (романах, повестях, сборниках рассказов – см. «Источники фактического материала»), написанных и опубликованных в течение последних десятилетий, материал которых (около 5 тысяч чешских и столько же русских эксцерпций) использовался нами при статистических выкладках.

Кроме того, привлекались (но не учитывались при статистических выводах) примеры из других художественных произведений (в том числе из произведений XIX века), из научных и публицистических текстов, из теле- и кинофильмов, реплики, услышанные на улице, в транспорте, а также примеры (с соответствующими отсылками) других исследователей.

Большая часть приводимых чешских примеров снабжена нашими переводами (иногда мы использовали, отмечая это, опубликованные чужие переводы), причем в каждом конкретном случае мы пытались найти приемлемый компромисс между «экстерной» и «интерной» эквивалентностью.

Глава 1. СТРУКТУРА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ИМПЕРАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

1.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОБУДИТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

1.1.1. Категориальная и некатегориальная императивность

В посвященных проблемам императивности отечественных исследованиях преобладает, как правило, комплексный ономаσιологически-семасиологический подход, когда вначале рассматриваются побудительно употребленные конструкции с императивными формами, а затем их функциональные эквиваленты.

Речь идет прежде всего о концепции А. В. Бондарко, вводящего понятие *императивной ситуации*, основными элементами которой являются: 1) субъект волеизъявления (C_1), 2) субъект-исполнитель (C_2), 3) предикат, раскрывающий содержание волеизъявления, исходящего от C_1 и обращенного к C_2 : каузируется действие (в широком смысле), направленное на преобразование пока (в момент волеизъявления t_1) ирреальной ситуации в ситуацию, которая по замыслу говорящего должна стать в результате каузируемого действия (в момент или период t_2) реальной. Такое преобразование предполагает: а) презентно-футуральную перспективу от момента волеизъявления (t_1) к более позднему моменту или периоду (t_2): $t_1 \rightarrow t_2$, б) направленность на превращение ирреального (ИР) в реальное (Р). В качестве особого элемента императивной ситуации выделяется признак *бенефактивности* каузируемого действия. К предпосылкам императивной ситуации относится возможность или необходимость изменения наличной ситуации, существование потенциального исполнителя, а также возможность и правомочность для говорящего выступить в качестве C_1 , сообщив конкретному адресату статус C_2 .

В соответствии со способом представления смыслового содержания повелительности выделяются два типа императивности: *категориальная (прямая) императивность*, когда императивная семанти-

ка выступает как категориальное значение особых морфологических и синтаксических форм (*Передайте, пожалуйста, соль!*; *Молчать!*), и **некатегориальная (косвенная) императивность**, когда императивный смысл передается посредством формы с иным (неимперативным) основным значением в особых условиях функционирования данной формы или конструкции. Некатегориальная императивность может быть, в свою очередь, **эксплицитной**, когда императивный смысл непосредственно выражается (эксплицируется) через вопрос (*Не могли бы вы передать соль?*), через оптативность (*Вам бы помалкивать!*), через футуральную индикативность (*Пойдешь на почту и отправишь письмо!*), и **имплицитной**, когда императивный смысл лишь имплицитно выражается пропозитивным содержанием высказывания (*Мы хотим есть!* = *Принеси поесть!*), формально же не выражен, см. [Теория... 1990: 80-87].

Следует, однако, отметить, что для того, чтобы разграничить категориальную и некатегориальную императивность, предварительно надо решить отнюдь не самоочевидный вопрос, какие именно формы могут и должны считаться императивными. С синтетическим императивом ситуация более или менее ясна — можно исходить из формы как данной величины и из сложившейся традиции. Однако что понимать под синтаксическим императивом? Ведь если мы вслед за авторами [Mluvnické češtiny 1987] будем рассматривать в качестве единиц синтаксического уровня существующие в языке устойчивые комплексы выразительных средств, то границы синтаксического императива раздвинутся достаточно широко, чтобы поглотить большую часть «некатегориальной» императивности, которая, впрочем, в силу данного обстоятельства перестанет быть некатегориальной. Нельзя не согласиться с мнением, что «трудности, с которыми сталкивается классификация этого рода (а также ее неизбежная ограниченность) связаны, с одной стороны, с отсутствием четких границ между языковыми конвенциями и конвенциями употребления и, с другой стороны, с невозможностью исчислить все типы высказываний, которые могут приобретать иллокутивную силу побуждения в тех или иных условиях общения» [Булыгина, Шмелев 1988: 31].

1.1.2. Побуждение и прагматика

Для лингвистических исследований последних десятилетий характерна отчетливая «прагматизация», императивность и побудительность исследуются прежде всего в русле теории речевых актов, ядро которой было заложено в лекциях Дж. Л. Остина в Гарвардском университете в 1955, опубликованных в [Austin 1962].

Центральным понятием теории речевых актов является понятие *речевого акта*, интерпретируемого как способ осуществления целенаправленных действий с помощью средств языка в процессе речепроизводства и заключающегося в произнесении говорящим высказывания, адресованного слушающему в определенной обстановке с конкретной целью. Речевой акт рассматривается как трехуровневое единство, представляющее собой три вида действий: *локуцию*, *иллокуцию* и *перлокуцию*. Дж. Л. Остин предложил классификацию речевых актов, которая, однако, как и классификации некоторых его последователей [Vendler 1972; Fraser 1975], отчасти [Wierzbicka 1972], опиралась на английский материал.

Поэтому для нас более интересна была классификация Дж. Р. Серля, которая, хотя также опирается на материал английского языка, имеет более универсальный характер. Дж. Р. Серль предложил 12 параметров классификации речевых актов:

(1) *Различия в цели данного (типа) акта*. Так, иллокутивная цель приказа может быть охарактеризована как попытка добиться того, чтобы слушающий нечто сделал. Цель описания — в том, чтобы представить (правильно или неправильно, точно или неточно) некоторое положение вещей. Цель обещания — в том, чтобы взять на себя обязательство совершить нечто.

(2) *Различия в направлении приспособления между словами и миром*. Некоторые иллокуции в качестве части своей иллокутивной цели имеют стремление сделать так, чтобы слова соответствовали миру, другие — так, чтобы мир соответствовал словам. Утверждения попадают в первую категорию, обещания и просьбы — во вторую.

(3) *Различия в выраженных психологических состояниях*. Человек, констатирующий, утверждающий, объясняющий или заявляющий, что *p*, *выражает убеждение, что p*; человек, который обещает, клянется, угрожает или ручается, что сделает *a*, *выражает намерение сделать a*; человек, который приказывает, командует, просит,

чтобы слушающий Н сделал А, *выражает желание (пожелание, потребность), чтобы Н сделал А*; человек, приносящий извинение за совершение А, *выражает сожаление по поводу совершения А*, и т. д. В общем случае, производя любой иллокутивный акт с некоторым пропозициональным содержанием, говорящий выражает некоторое свое отношение, состояние и т. п., касающееся этого пропозиционального содержания. Это имеет место даже если говорящий неискренен, даже если он не имеет в действительности того убеждения, желания, намерения, не испытывает того сожаления или удовольствия, которое он выражает.

(4) *Различия в энергичности, или в силе, с которой подается иллокутивная цель.* Так, высказывания «Я предлагаю пойти в кино» и «Я настаиваю на том, чтобы мы пошли в кино» обладают одинаковой иллокутивной целью, но подаваемой с различной степенью энергичности.

(5) *Различия в статусе или положении говорящего и слушающего в той мере, в какой это связано с иллокутивной силой высказывания.* Если генерал побуждает рядового убраться в комнате, — это, конечно, команда или приказ. Если же рядовой попытается побудить генерала сделать то же самое, то это может быть советом, предложением или просьбой, но никак не приказом.

(6) *Различия в том способе, которым высказывание соотносено с интересами говорящего и слушающего.* Речь идет о различиях, например, между похвалой и жалобой, поздравлением и соболезнованием.

(7) *Различия в соотношении с остальной частью дискурса.* Высказывания типа «Я отвечаю», «Я заключаю», «Я возражаю» служат для того, чтобы соотнести одни высказывания с другими, иные же носят более самостоятельный характер.

(8) *Различия в пропозициональном содержании, определяемые на основании показателей иллокутивной силы.* Так, различие между сообщением и предсказанием связано с тем обстоятельством, что предсказание должно делаться о будущем, а сообщение о прошедшем или настоящем.

(9) *Различия между теми актами, которые всегда должны быть речевыми актами, и теми, которые могут осуществляться как речевыми, так и неречевыми средствами.* Так, можно расклассифицировать объекты, сказав «Я отношу это к классу А, а это — к клас-

су В», однако можно просто сложить все предметы типа А в коробку для А, а все предметы типа В в коробку для В.

(10) *Различия между теми актами, которые требуют для своего осуществления внеязыковых установлений, и теми, которые их не требуют.* Есть большое количество иллокутивных актов, требующих существования некоторого внеязыкового установления, а также некоторого специального положения говорящего и слушающего в рамках этого установления. Так, для того, чтобы сочетать браком, приговорить к тюремному заключению, отлучить от церкви, удалить игрока с поля или объявить войну соседнему государству, недостаточно, чтобы произвольный говорящий сказал произвольно слушающему «Объявляю вас мужем и женой», «Отлучаю тебя» и т. п. Нужно еще, чтобы говорящий занимал определенное положение в рамках некоторого установления внеязыкового порядка.

(11) *Различия между теми актами, в которых соответствующий иллокутивный глагол употреблен перформативно, и теми, в которых перформативное употребление глагола отсутствует.* Не все иллокутивные глаголы являются перформативными. Так, можно осуществить речевой акт приказа, произнеся «Приказываю...», но нельзя совершить акт похвалы, произнеся «Настоящим я хваюсь...».

(12) *Различия в стиле осуществления иллокутивных актов.* Так, различия между оглашением и сообщением по секрету не обязательно связано с каким-либо различием в иллокутивной цели или пропозициональным содержанием, а только в стиле осуществления иллокутивного акта.

На основе данных двенадцати критериев Дж. Р. Серль выделил пять следующих классов речевых актов:

- *репрезентативы*, информирующие слушающего о положении дел в действительности;
- *директивы*, представляющие попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил;
- *комиссивы*, которыми говорящий возлагает на себя обязательство совершить определенное действие;
- *экспрессивы*, выражающие психологическое состояние говорящего;
- *декларации*, вносящие изменения в статус указываемых объектов самим фактом произнесения, см. [Серль 1986: 172-177, 179-188].

Для нашего исследования было важным также существующее в литературе различие *прямых* и *косвенных* речевых актов, *простых* и *гибридных*, *институализованных* и *неинституализованных*, *инициативных* и *реактивных*:

Иллокутивная сила *прямых* речевых актов соответствует языковой семантике использованного формального средства, иллокутивная сила *косвенных* речевых актов выводится из буквального значения формального средства с учетом речевой ситуации, ср., например, [Searle 1975; Conrad 1983]. *Простым* речевым актом является, например, *приказ* (директивный речевой акт), *гибридным* — *приглашение*, совмещающее признаки директивного и комиссивного речевых актов, ср. [Wunderlich 1977; Hancher 1979]. *Неинституализованные* речевые акты имеют более или менее универсальный узус (например, речевые акты *констатации* или *вопроса*), тогда как *институализованные* речевые акты специфичны для определенных видов общения (например, *проповедь*) [Wunderlich 1980: 296]. *Инициативные* речевые акты выступают в качестве стимула к тем или иным речевым или неречевым действиям адресата, а *реактивные* сами являются реакцией на то или иное действие [Mluvnice češtiny 1987: 306].

1.1.3. Модель структуры побудительного высказывания

В целях ономаσιологически ориентированного описания функционально-семантической категории императивности мы воспользовались (в несколько модифицированном виде) предложенной Л. А. Бирюлиным и В. С. Храковским (которые опираются, в свою очередь, на принятое в теории речевых актов трехуровневое представление высказываний) моделью структуры содержания побудительного высказывания, включающей в себя: 1) план прескрипции (= иллокутивный акт), который включает Прескриптора, Получателя прескрипции и Исполнителя прескрипции; 2) план коммуникации (= локутивный акт), который включает Говорящего⁴, Слушающего / Слушающих (= Получателя / Получателей прескрипции) и Лицо / Лиц, не участвующее в коммуникативном акте, т.е. 3-е л. ед./мн.ч.; 3) план каузируемого положения вещей (= пропозициональный акт), который включает некое действие Р и его Агенса

⁴ У Л. А. Бирюлина и В. С. Храковского *Говорящего* (= *Прескриптора*).

(= Исполнителя прескрипции). Возражая широко распространенному мнению, что Слушающий (= Получатель прескрипции) и Агенс (= Исполнитель прескрипции) непременно должны быть одним и тем же лицом, Л. А. Бирюлин и В. С. Храковский склонны считать, что Агенсом действия (= Исполнителем прескрипции) может быть любой из заданных участников коммуникативного акта и любая теоретически допустимая совокупность этих участников. Тезис о факультативности кореференции Слушающего и Агенса позволяет обосновать возможность расширения массива побудительных высказываний, в частности, включения в него высказываний типа *Пусть он (они) еще подождет (подождут)! Пойдём(те) скорей! Пойду(-ка) подгоню их!* и т. п. [Типология... 1992: 8-9]

Мы склонны выдвинуть еще один тезис — тезис о факультативности кореференции Говорящего и Прескриптора. Это позволит на законном основании включить в анализируемый массив явно побудительные высказывания, в которых говорящий дистанцируется (более или менее решительно) от роли Прескриптора, беря на себя лишь посреднические функции. Прескриптором же подобного побуждения является лицо, непосредственно не участвующее в конкретном коммуникативном акте, ср.: *Господин директор просит Вас еще немного подождать*. Как нам представляется, сюда можно отнести случаи, когда Прескриптор персонально не определен, т.е. когда в его роли выступает как бы сам миропорядок в целом, ср.: *Вы должны быть более внимательны!* Отметим, что подобные ‘*долженствовательно-побудительные*’ высказывания, возможные и в русском речепотреблении, в речепотреблении чешском весьма узуальны, ср.: *Musíš pryč!* букв. ‘Ты должен уйти’, *Už máte jít* букв. ‘Нам уже надо идти’.

Нам представляется также необходимым отметить еще один важный компонент содержательной структуры побудительного высказывания, незаслуженно недооцениваемый, как нам кажется, даже в весьма солидных исследованиях (ср. [Русская грамматика 1979: 195; Типология... 1992: 7]), — каузацию *возможности* действия Агенса. *Возможность*, безусловно, может быть интерпретирована через *необходимость* (например ‘*возможность некоторого действия*’ как ‘*отсутствие необходимости воздержания от него*’ или как ‘*отсутствие необходимости некоторого альтернативного действия*’, что хорошо прослеживается, в частности, на примерах употребления

чешских модальных глаголов *musi, muset* с отрицанием и без него), однако нам представляется оправданным введение данного компонента как самостоятельного, тем более, что он может выступать на передний план в семантической структуре некоторых социально значимых семантических интерпретаций побуждения, таких как *разрешение, предложение, приглашение*, ср.: *Садитесь, пожалуйста = 'Вы можете сесть'*.

Суммируя изложенное, мы склонны охарактеризовать в качестве *побудительных* такие высказывания, в которых Говорящий сообщает Слушающему о *необходимости* и / или *возможности* осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и / или *возможность* осуществления Агенсом данного действия может обуславливаться *волеизъявлением* одного из участников плана коммуникации и / или его *интересами*. Естественно, что 'воздержание от действия' также является своего рода 'действием'; равно как 'сообщение о необходимости' или 'сообщение о возможности' может значить не только 'необходимость' или 'возможность', но и 'отсутствие необходимости' или 'отсутствие возможности'.

Предлагаемая нами модель функционально-семантической категории императивности базируется на предлагаемой выше формуле следующим образом:

Ядро функционально-семантической категории императивности образуют конструкции, формирующие иллокутивно универсальные и иллокутивно специфицированные побудительные высказывания в условиях минимального дискурсного окружения, при этом Говорящий равен Прескриптору, а Слушающий равен Агенсу. Безусловно необходимыми критериями отнесенности к ядру являются критерии употребительности и стилистической немаркированности. В современных чешском и русском языках данным условиям отвечают конструкции с синтетическим императивом 2 лица, формирующие иллокутивно универсальные побудительные высказывания, и эксплицитные перформативные конструкции *1 л. ед. числа перформативного глагола + инфинитив / отглагольное существительное / придаточное предложение*, формирующие иллокутивно специфицированные побудительные высказывания.

Периферию функционально-семантической категории императивности образуют конструкции, формирующие побудительные высказывания, не отвечающие приведенным выше условиям (например, высказывания с инклюзивным побуждением, с побуждением третьего лица, самопобуждением и т. д.), а также конструкции, формирующие побудительные высказывания через тематизацию того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания (через тематизацию каузируемого действия или его последствий, тематизацию возможности этого действия, его необходимости или полезности, тематизацию волеизъявления говорящего, адресата или иного лица / лиц).

Для того, чтобы хотя бы вкратце представить взаимную соотносительность вычленяемых подобным образом конститuentов функционально-семантической категории императивности в современных чешском и русском языках, мы подвергли статистической обработке приблизительно равные (по пять тысяч единиц для каждого языка) массивы чешских и русских примеров, извлеченных сплошной выборкой из произведений современной художественной прозы (мы старались использовать соотносительные по объему произведения⁵), см. далее четыре диаграммы, из которых первая и вторая учитывают абсолютное число примеров того или иного типа, а третья и четвертая — их процентное соотношение.

Предлагаемые диаграммы иллюстрируют как принципиальную инвариантность структуры функционально-семантической категории императивности в сопоставляемых языках (ср. сходство контуров диаграмм 1 и 2), так и наиболее существенные особенности реализации данной категории в чешском и русском языковых пространствах, такие как бóльшая узуальность для чешского речеупотребления побуждения через тематизацию необходимости или возможности каузируемого действия, что безусловно связано с бóльшей по сравнению с русскими функциональной нагруженностью чешских модальных глаголов⁶, и бóльшая узуальность иллюкутивно специфицированного побуждения для речеупотребления русского, о чем свидетельствуют также и особенности функционирования чешских и русских интерпретирующих предикатов [Изотов 1998: 87].

⁵ См. отмечанные астериком произведения в списке использованной художественной литературы.

⁶ Ср. [Сопоставительные исследования...: 215-216].

Диаграмма 1

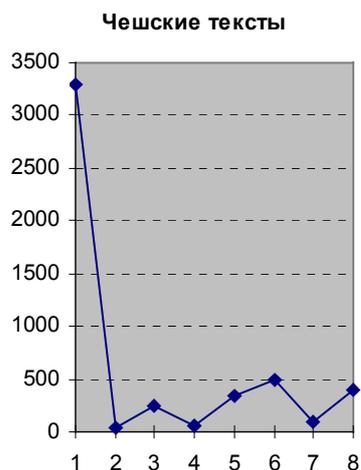

Диаграмма 2

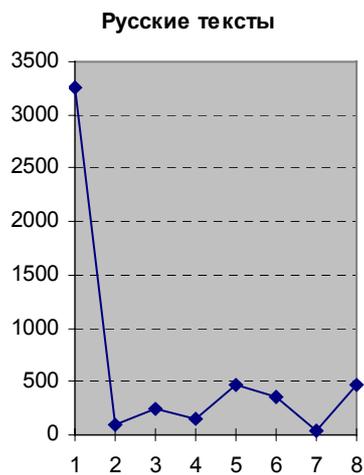

Диаграмма 3

Диаграмма 4

1. Базовые типы иллокутивно универсального побуждения.
2. Базовые типы иллокутивно специализированного побуждения.
3. Периферийные типы иллокутивно универсального побуждения.
4. Периферийные типы иллокутивно специализированного побуждения.
5. Побуждение через тематизацию действия.

6. Побуждение через тематизацию необходимости или возможности действия.
7. Побуждение через тематизацию волеизъявления.
8. Иные способы побуждения.

Дальнейшее же описание функционально-семантической категории императивности предполагает анализ составляющих ее подкатегорий, выделяемых на основе той или иной категориальной ситуации побуждения (например, *ситуация 1*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Слушающему; *ситуация 2*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Слушающему + Говорящему; *ситуация 3*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Лицу, не участвующему в коммуникативном акте; *ситуация 4*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Говорящему и т. д. При этом наиболее значимыми и для чешского, и для русского языков, безусловно, являются подкатегории, базирующиеся на первых трех *ситуациях*.

1.2. ИЛЛОКУТИВНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОБУДИТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В рамках общей совокупности побудительных высказываний традиционно выделяются конкретные подтипы побуждения («приказ», «просьба», «предложение» и т. п.), которые различаются по ряду параметров, таких, как степень настоятельности побуждения, субординация участников акта коммуникации, бенефактивность (в чьих интересах — говорящего, адресата либо кого-то ещё предполагается осуществление каузируемого действия), спровоцированность / неспровоцированность акта побуждения, определённости / неопределённости референции и т. д.

Выражаясь императивной конструкцией, все эти подтипы побуждения могут сигнализироваться интонацией⁷, лексическим значени-

⁷ Ср. часто цитируемое: «*Приходи!*, сказанное с интонацией мольбы, означает то же самое, что *Я умоляю тебя прийти*; *Приходи!*, сказанное с интонацией приказа, означает то же самое, что *Я приказываю тебе прийти*; *Приходи!*, сказанное с интонацией совета, означает то же самое, что *Я советую тебе прийти*, и т. д.» [Вежицка 1985: 256].

ем императивной формы⁸, а также контекстом и ситуацией высказывания⁹ и не имеют специальных грамматических средств для своего выражения, по крайней мере, не имеют в русском языке¹⁰.

В специальной литературе мы можем встретиться с самыми разными комбинациями подтипов побуждения. Так, в 10 работах [Артёмов 1966; Брым 1974; Виноградов 1938; Исаченко 1960; Косилова 1962; Милых 1953; Мучник 1955; Немешайлова 1961; Пешковский 1956; Русская грамматика 1980] В. С. Храковский и А. П. Володин обнаружили около 30 различных семантических интерпретаций императивных конструкций, большая часть которых совпала со значениями знаменательных каузативных глаголов, и перечислили эти интерпретации, отмечая в скобках, сколько источников из названных десяти данную интерпретацию выделяют. Это просьба (8), совет [= рекомендация, наставление] (8), приказание (7), приглашение (7), увещевание [= убеждение] (6), требование (5), разрешение [= допущение] (5), заклинание (4), предложение (4), призыв (4), согласие (4), пожелание (4), мольба (4), предупреждение (3), команда (3), распоряжение [= инструкция] (2), наказ (2), разъяснение (1), одобрение (1), привлечение внимания (1), извинение (1), привет (1), долженствование (1), невыполнимость (1), подстрекательство (1), принуждение (1), предположение (1), предостережение (1), вызов (1), упрашивание (1). Нельзя не разделить сомнений В. С. Храковского и А. П. Володина в том, все ли единицы приведённого спи-

⁸ Очевидно, что, например, интерпретационные возможности высказывания *Убирайся!* существенно уже интерпретационных возможностей высказывания *Приходи!* из примера А. Вежицкой.

⁹ Ср.: «Обстоятельства высказывания оказывают очень важную помощь. Так, мы можем сказать: “*Ego* слова я воспринимаю как приказ, а не как просьбу”» [Остин 1986, 71-72].

¹⁰ В. С. Храковский мотивирует неправомочность рассматривать мольбу, приказ, совет и т.п. как частные грамматические значения, выражаемые специальным грамматическим средством («интонацией мольбы», «интонацией приказа», «интонацией совета» и т.п.) тем обстоятельством, что «каждая из семи выделяемых в русском языке интонационных конструкций (ИК) соотносится, как правило, более чем с одной семантической интерпретацией повелительных предложений» [Теория... 1990: 203]. Отметим, впрочем, что и А. Вежицка цитируемым тезисом отнюдь не постулирует наличие однозначного соответствия между набором интонаций и набором типов высказываний, а лишь возражает тем лингвистам, которые видят в высказывании с императивной конструкцией «приказ», сужая тем самым его интерпретационные возможности.

ска в равной степени важны и не представляют ли многие из них всего лишь «отдельные каузативные (и не только каузативные) лексемы, которые к тому же иногда являются синонимичными» [Храковский, Володин 1986: 133-134].

Интересную систематизацию существующих в отечественной лингвистике способов определения видов побуждения предлагает Е. А. Филатова, выделяющая *интуитивный способ* [Пешковский 1956; Гвоздев 1955; Милых 1953; Емасова 1954; Шмелев 1955; Прокочник 1955; Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 1958; Немешайлова 1961; Элиешюте 1968], *способ исчисления перформативов и иллокутивов* и *способ исчисления иллокутивных целей речевых актов*, применяемые в рамках теории речевых актов, *способ исчисления интерпретирующих предикатов* [Дорошенко 1986; Шаронов 1989], *способ установления дифференциальных признаков побудительной речевой ситуации* [Андреева 1971; Храковский, Володин 1986], *способ семантико-прагматического анализа побудительных высказываний* [Бирюлин 1992] и отчасти [Саранцацрал 1993], см. [Филатова 1997: 62-70].

Как нам представляется, несколько огрубляя ситуацию, существующие семантические классификации видов побуждения можно условно разделить на две группы: одни исследователи анализируют по степени синонимичности представленные в том или ином (например, в русском) языке глаголы речевой каузации, другие исходят из классификационных критериев, принятых в теории речевых актов. Оба подхода (первый более традиционен, второй в настоящее время несколько популярнее) имеют свои плюсы и минусы. К недостаткам первого можно отнести опасность смешения базовых и маргинальных семантических интерпретаций (что налицо, например, в одной из последних интересных классификаций данного типа в [Панин 1993: 86]) и трудности его применения при сопоставительных исследованиях, к недостаткам второго — необходимость введения дву- или даже многословных определений, при этом «степень субъективизма» исследователя практически ничем не ограничена (так, в материалах ленинградской конференции (1988) мы находим множество подобных интерпретаций: от «смягченной просьбы» [с. 30, 67] до «мягкого приказа» [так! см. с. 58], ср.: «настоятельное требование», «равнодушное разрешение», «просьба-мольба», «сдержанная,

но настойчивая просьба», «резко настоятельная просьба», «неохотное согласие», «равнодушно-презрительное согласие» [все на с. 29]).

К сожалению, большинство предлагаемых классификаций никак нельзя считать безупречными. Так, В. С. Храковский и А. П. Володин, критически проанализировав классификацию М. В. Косиловой¹¹ и охарактеризовав более позднюю классификацию И. С. Андреевой¹² как «недостаточно четкую и последовательную», предлагают собственную классификацию¹³, которая, увы,

¹¹ Предложено три классификационных признака, каждый из которых принимает три значения. I. Отношение между участниками коммуникативного акта: 1) адресат зависит от воли говорящего, 2) между адресатом и говорящим нет зависимости, 3) говорящий зависит от воли адресата; II. Отношение говорящего к действию: 1) хочет его исполнения, 2) считает его исполнение целесообразным, 3) не хочет его исполнения; III. Отношение адресата к действию: 1) хочет его исполнения, 2) его отношение к действию неизвестно, 3) не хочет его исполнения. Из теоретически полного набора логических возможностей сочетаний классификационных признаков приводятся только те, которым соответствуют определенные интерпретации побуждения (при этом, впрочем, одной и той же интерпретации могут соответствовать различные наборы классификационных признаков): I₁, II₁, III₂ – приказ; I₁, II₁, III₃ – требование; I₁, II₂, III₁ – разрешение, запрещение; I₁, II₂, III₂ – приказ; I₁, II₂, III₃ – требование; I₁, II₃, III₁ – разрешение, допущение; I₂, II₁, III₂ – призыв, просьба; I₂, II₂, III₁ – согласие; I₂, II₂, III₂ – совет, предположение; I₂, II₂, III₃ – убеждение, увещание, предостережение; I₃, II₁, III₂ – мольба, упрощение [Косилова 1962], приводится по [Храковский, Володин 1986: 135].

¹² Различается «смягченное» побуждение (*просьба, мольба, уговаривание, упрощение, убеждение*), «категорическое» побуждение (*приказ, запрет, команда, требование*) и «нейтральное» побуждение (*совет, пожелание, приглашение*) [Андреева 1971].

¹³ Учитываются такие обстоятельства, как спровоцированность или неспровоцированность акта побуждения (A1 — «импульс каузации» исходит от говорящего, A2 — от слушающего), заинтересованность в исполнении каузируемого действия (B1 — исполнение каузируемого действия в интересах говорящего, B2 — в интересах слушающего), субординация (B1 — говорящий ставит себя выше слушающего, B2 — говорящий ставит себя не выше слушающего), в связи с чем выделяются: A1, B1, B1 — *приказ*, A1, B1, B2 — *просьба*, A1, B2, B1 — *инструкция*, A1, B2, B2 — *предложение*, A2, B2, B1 — *разрешение*, A2, B2, B2 — *совет*.

Кроме того, оговаривается *санкция* (каузируется продолжение уже осуществляющегося действия), которая может накладываться на все названные интерпретации, кроме *инструкции*, и *пожелание* (каузируются действия и состояния, в норме не подконтрольные воле человека типа *Опомнись!*, *Ликуй!*, *Будь здоров!* или же состояния персонифицированного объекта неживой природы типа *Пы-*

также уязвима. И дело не только в том, что для характеристики «санкции» и «пожелания» авторам приходится обращаться к иным критериям. Не оговорено место в таблице анализируемых чуть далее «запрета» (с. 147 след.) и «предостережения» (с. 150 след.). В более поздних работах В. С. Храковский квалифицирует в качестве «запрета» каузацию неисполнения контролируемого действия (типа *Не рисуй!, Не читай эту книгу!*), а в качестве «предостережения» – каузацию неисполнения неконтролируемого действия (типа *Не поскользнься!, Стекло не разбей!*) [Типология... 1992: 35]. Это может означать, что и «запрет», и «предостережение» (аналогично «санкции» и «пожеланию») накладываются на выделенные шесть интерпретаций. Мы склонны, однако, вслед за [Searle 1969], [Wierzbicka 1972] и [Mluvnice češtiny 1987] рассматривать «запрет» прежде всего как коррелят «приказа» и «разрешения» (общий компонент — признаваемое собеседником право говорящего быть «инстанцией, обладающей полномочиями»¹⁴), а «предостережение» – как коррелят «совета» («советом» каузируется действие, *желательное* для адресата, а «предостережением» – действие *нежелательное*). Нам не кажется удачным использование в качестве классифицирующего параметра «импульс каузации». По этому и только (!) по этому критерию В. С. Храковский и А. П. Володин противопоставляют *совет* — *предложению*, а *разрешение* — *инструкции*, но ведь и совет, и разрешение могут реализовываться не только в *реактивных*, но и в *инициативных*¹⁵ высказываниях. Так, нетрудно представить инициативное *разрешение* (ср. обращение директора к посетителю: *Присаживайтесь!* = *‘Вы можете присесть’*), что же касается советов,

лай, камин!, Гори, прежняя жизнь!), накладываются на все шесть интерпретаций (приказ-пожелание, просьба-пожелание и т. д.) [Храковский, Володин 1986: 136-145].

¹⁴ А также, видимо, то, что говорящий данным речевым актом (*приказом, запретом* или *разрешением*) принимает на себя ответственность за последствия каузируемого действия.

¹⁵ Принятое в [Mluvnice češtiny 1987: 306] разграничение *инициативных* высказываний, которые выступают в качестве стимула к тем или иным речевым или неречевым действиям адресата, и высказываний *реактивных*, которые сами являются реакцией на то или иное действие адресата, представляется нам более удачным с т. з. внутренней формы, чем использование В. С. Храковским в более поздних работах разграничения *фактивных* и *пермиссивных* интерпретаций побудительных высказываний [Теория... 1990: 204], [Типология... 1992: 15].

то они даются говорящим по собственной инициативе, пожалуй, чаще, чем запрашиваются¹⁶. В более поздних работах В. С. Храковский отмечает, что «совет может быть и пермиссивным, и фактитивным» [Теория... 1990: 204], ср. аналогичный тезис в [Типология... 1992: 15].

Нам представляется, что теоретически и инициативными («фактивными»), и реактивными («пермиссивными») могут быть *все* приводимые в таблице В. С. Храковского и А. П. Володина интерпретации, ср., например, реактивный «приказ»: *«Виноват: обмолвился, — отвечал Савельич. — Злодеи не злодеи, а твои ребята-таки поширили да порастаскали. Не гневись: конь и о четырех ногах, да спотыкается. Прикажи уж дочитать»*. / *«Дочитывай»*, — сказал Пугачев (А. С. Пушкин. Капитанская дочка). Различие же между «советом» и «предложением» мы склонны видеть, вслед за авторами [Mluvnické češtiny 1987: 345], не в инициативности или реактивности, а в том, что предложением каузируется *возможное* действие Агенса, а советом — *желательное* (т. е. полезное для него). Принципиальная уязвимость «табличных» классификаций обусловлена, на наш взгляд, тем обстоятельством, что таблица предполагает, как правило, определенную дискретность, а нередко и некую симметричность, а при семантическом структурировании императивности речь может идти именно о полевом и никак не о дискретном структурировании. Выявляемые подтипы побуждения являются не фрагментами чего-то целого и равномерного с четко очерченными границами и симметрично противопоставленными по тому или иному набору признаков. Это скорее своего рода локальные сгущения поля с преобладанием тех или иных свойств. Это структурирование не может быть симметричным, так как различные типы побуждения «социально неравнозначны» – очевидно даже без статистических выкладок, что речевые акты, содержащие *просьбу*, используются в процессе человеческой коммуникации заметно активнее, чем, скажем, речевые акты, выражающие *команду* или *лозунг*. Это структурирование не может быть даже формально симметричным, так как те или иные подтипы

¹⁶ Во всяком случае, по свидетельству анализирующей английской материал Е. И. Беляевой «реактивные суггестивные ситуации на бытовом уровне не типичны для данного Р[ечевого] А[кта], их доля в общем корпусе контекстов составляет лишь 8 %. Частотность их выше в официальной обстановке общения между профессионалами» [Беляева 1992: 124].

побуждения выделяются прежде всего не по *набору* тех или иных признаков, а скорее по какому-то одному уникальному признаку или, реже, по уникальной комбинации признаков. Так, *команда* предполагает немедленное начало выполнения каузируемого действия, для прочих же выделяемых нами подтипов побуждения этот признак (немедленное / отложенное выполнение каузируемого действия) несуществен, ср., например, *совет*: *Ешь как следует, до ужина ещё далеко* (немедленное выполнение) :: *Ешь больше фруктов* (отложенное выполнение). Для *лозунга* характерна неконкретность, временная и персональная нелокализованность каузируемого действия. *Распоряжение* предполагает обоснованную уверенность говорящего в том, что адресат действительно выполнит либо, по крайней мере, попытается выполнить каузируемое действие и т. д.

Однозначная интерпретация того или иного подтипа побуждения не всегда возможна. Очень часто мы имеем дело со своего рода переходными случаями, когда побуждение может восприниматься неоднозначно. Нередко подобная многозначность, когда сквозь просьбу просвечивает приказ, а сквозь совет — предостережение, изначально замысливается говорящим¹⁷. Следует помнить, что выделенные выше подтипы побуждения представляют собой не дискретные объекты, а также своего рода микрополя с ядром (когда данный подтип побуждения однозначно и непротиворечиво выражен определённой конвенциализованной в языке для данного подтипа структурой) и более или менее размытой периферией (когда речь идёт о всевозможных транспозиционных процессах и когда корректная интерпретация побуждения предполагает учёт не только собственно языковых, но и иных факторов)¹⁸. А если мы примем во вни-

¹⁷ Ср. следующие реплики из детективного телесериала, в котором речь идет, конечно же, не о *совете* или *просьбе*, а о *предостережении*, переходящем в *угрозу*: [подозреваемый — следователю:] У меня есть влиятельные друзья, в том числе и в полиции, и я *настоятельно советую* не причинять мне неприятности. <...> Последний раз *прошу* вас: Не доставляйте мне неприятности (ОРТ, 25.09.1998).

¹⁸ Ср., например, следующие два фрагмента (курсив наш): Положение княгини [Трубецкой] стало гораздо тягостней с тех пор, как ей разрешили поселиться в этом медвежьем углу. Заметьте, что на языке угнетенных в интерпретации угнетателя *разрешения* считаются *приказаниями*; Император мне *разрешил*, т.е., иначе говоря, *приказал* присутствовать на бородинских торжествах. (Кюстин А. Николаевская Россия).

мание склонность «этикетной» речи именно к непрямому, завуалированному способу выражения, то большое количество «пограничных» случаев будет вполне объяснимым.

В более поздних работах В. С. Храковский уже не возвращается к «табличной» классификации, допуская, что «в принципе в каждом конкретном языке, в том числе и в русском, есть столько семантических интерпретаций повелительных предложений, сколько в этом языке представлено несинонимичных глаголов речевой каузации» [Теория... 1990: 204]. Данный тезис представляется нам методологически важным, так как позволяет нам сопоставлять, допуская неодинаковое картирование поля императивности различными языками, семантические интерпретации побуждения в современных чешском и русском языках, не подгоняя данные одного языка под данные другого. Дело не только в том, что один язык может располагать особой лексемой там, где другому требуется двусловное сочетание (ср. русск. *мольба* и чешск. *úpěnlivá prosba*; функциональное противопоставление *prosba* :: *úpěnlivá prosba* букв. 'просьба' :: 'слёзная, жалобная просьба' мы находим, например, в [Flídrová 1980: 215]. Менее заметны, а потому более сложны случаи неполного соответствия понятий. Так, чешскому *vůzva* в русском языке соответствуют, по свидетельству [ЧРС 1976], *воззвание, обращение; вызов, призыв*. Однако в чешском речепотреблении этим словом обозначается не только «настоятельное побуждение к реализации / нереализации некой деятельности, мотивируемой социальными, этическими и подобными факторами»¹⁹, ср. следующий пример:

“*Strejdo, pojd' nám na chvíli
chytat, aspoň do tý doby, než
vyrovnáme,*” *vyzval ho pihovatý
klučina s nazrzlými vlasy.*
(M. Kapek. A je to gól!)

«*Дяденька, постой у нас в во-
ротах, хотя бы пока мы не
сравняем счёт*», *позвал* [букв.
призвал] *его рыжий веснуш-
чатый мальчуган*'.

Как мы видим, в данном (равно как и во множестве подобных) примере отсутствует не только «этическая или социальная мотивация каузируемого действия», но и постулируемая для данного подтипа побуждения в [Flídrová 1980: 217] «сильная зависимость адресата от говорящего». Иначе говоря, семантический и функциональ-

¹⁹ Так характеризуется *vůzva* в [Mluvnice češtiny 1987: 343], и эта характеристика, пожалуй, подходит к русскому *призыву*.

ный потенциал чешского *vyzva* заметно шире семантического и функционального потенциала русского *призыва*, что обуславливает и в свою очередь поддерживается обычной практикой употребления термина *vyzva* (в отличие от русского *призыва*) в качестве общеродового (ср. русское общеродовое понятие *побуждение*)²⁰.

Мы считаем, что и в чешском, и в русском языковом пространстве (как, по-видимому, в любом естественном языке) количество вариантов семантического членения поля императивности достаточно велико и едва ли поддается точному определению, так как разные носители языка могут членить это поле по-разному в зависимости от своей языковой компетенции и склада характера: для кого-то существует только *приказ* и *просьба* (все, что не просьба — приказ, а все, что не приказ — просьба), в языковой картине мира другого существует еще и *совет*, кто-то третий улавливает (или, вернее, определяет для себя) разницу между *приказом* и *приказанием* и т. д. Более того, мы вполне допускаем, что даже в языковом сознании одного и того же человека подтипы побуждения могут в разное время группироваться неодинаково. При этом очевидно, что некоторые (наиболее социально значимые) семантические интерпретации будут выделяться в принципе всеми носителями языка и всегда, а другие (маргинальные) — не всеми и не всегда. Так, легко представить носителя русского языка, не видящего различий между упомянутыми выше *приказом* и *приказанием*, но вряд ли кто-то в твердом уме и трезвой памяти перепутает *приказ* и *просьбу*. Полевая природа категории императивности, как мы уже отмечали, допускает различные варианты своего структурирования, может быть выделено (и реально выделяется в конкретных актах коммуникации) разное число подтипов побуждения, при этом чем «мельче» будет членение, чем большее количество несинонимичных интерпретаций будет выделяться, тем выше вероятность несовпадения мнений различных носителей языка и, как следствие, тем больше будет отмечаться различий при межъязыковом сопоставлении.

²⁰ Мы можем столкнуться со своего рода переносом чешского узуса на русский материал в работах, написанных чехами по-русски, ср.: «Структурное значение дебитивности находит отражение прежде всего в основной функции этих [императивных – А. И.] форм – в п р и з ы в н о й функции, т.е. в выражении прямого приказания, совета, предостережения, просьбы, увещания...» [Русская грамматика 1979: 193].

Тем не менее мы склонны исходить из принципиальной соотносительности основных социально значимых семантических интерпретаций побудительных высказываний в современных чешском и русском языках, не закрывая глаза на отсутствие однозначного соответствия вычленяемых носителем того или другого языков спектров частных семантических интерпретаций²¹.

Сравним список наиболее социально значимых семантических интерпретаций побуждения в русском речепотреблении В. С. Храковского и Л. А. Бирюлина²² с аналогичным списком М. Грепла и П. Карлика²³ и с основными типами речевых актов, анализируемых

²¹ О том, как могут расходиться взгляды по этому поводу разных носителей даже одного языка, достаточно красноречиво говорит приводившийся ранее список из [Храковский, Володин 1986: 134].

²² *Приказ, просьба, требование, предложение, разрешение / неразрешение, совет* [Типология... 1992: 15]; в [Теория... 1990: 204] то же, кроме *неразрешения*. Список [Храковский, Володин 1986: 137] пополнился *требованием* (делившимся ранее между *приказом* и *просьбой*), но лишился *инструкции*.

²³ Посвященные побудительным высказываниям подразделы «Синтаксиса литературного чешского языка» названных авторов [Grepl, Karlik 1986] выглядят следующим образом (русские соответствия чешским каузативам приводятся по [ЧРС 1976]): *Rozkaz (příkaz), zákaz* 'приказ, приказание, распоряжение, предписание' ('приказ, распоряжение, поручение, требование'), 'запрещение, запрет, воспрещение'; *Povel* 'команда, приказ'; *Prosba* 'просьба, прошение'; *Vybídnutí* 'предложение, просьба, призыв, приглашение'; *Výzva* 'воззвание, обращение, вызов, призыв'; *Varování, vyhrůžka, výstraha* 'предостережение, предупреждение', 'угроза, острастка', 'предостережение, предупреждение'; *Návrh, rada (doporučení)* 'проект, предложение', 'совет' ('рекомендация'); *Dovolení* 'разрешение, позволение'. Эти подразделы практически без изменения вошли в соответствующую главу третьего тома пражской академической «Грамматики чешского языка» [Mluvnice češtiny 1987: 339-346]. В брненской «настойной грамматике чешского языка» М. Грепл несколько видоизменил данную классификацию, включив в подраздел «Побудительные высказывания» также абзац *Návod, recept, instrukce* 'указание, рецепт, инструкция' и выделив абзацы *Varování, vyhrůžka, výstraha* и абзац *Dovolení* в отдельные подразделы [Příruční mluvnice češtiny 1996: 603-619]. В богемистике представлены, естественно, и более подробные классификации. Так, в [Flidrová 1980] мы встречаем все названные интерпретации (кроме *vybídnutí* и *vyhrůžka*), а также такие интерпретации, как *úpěnlivá prosba* 'мольба'; *žádost* 'заявление, ходатайство, прошение, просьба, желание, пожелание'; *přesvědčování* 'убеждение'; *vábění* 'привлечение, прельщение, соблазнение, заманивание'; *lákání* 'привлечение, приманивание, соблазнение, заманивание, выманивание'; *rokup* 'указание, инструкция, директива'; *předpis* 'предписание, инструкция, рецепт'; *instrukce* 'инструкция, предписание'; *roučení* 'наставление, внушение, поучение, назидание, инструкция'; *souhlas*

А. Вежбицкой²⁴, мы склонны рассматривать в качестве функционально соотносительных следующие вычлняемые в чешском и русском речепотреблениях семантические интерпретации побудительных высказываний: *приказ* — *rozkaz*, *запрет* — *zákaz*, *инструкция* — *instrukce*, *разрешение* — *dovolení*, *просьба* — *prosba*, *требование* — *žádost*, *предостережение* — *varování*, *предложение* — *návrh*, *совет* — *rada*, *призыв* — *vůzva*, которые могут быть сгруппированы следующим образом:

- Подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация высокой степени вероятности каузируемого действия*: русск. *приказ, запрет, разрешение, инструкция*; чешск. *rozkaz, zákaz, dovolení, instrukce*.
- Подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия*: русск. *просьба, требование*; чешск. *prosba, žádost*.
- Подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация полезности для Агенса каузируемого действия / воздерживания от действия*: русск. *совет, предостережение*; чешск. *rada, varování*.
- Подтипы побуждения, не маркированные ни по одному из названных выше признаков: русск. *предложение, призыв*; чешск. *návrh, vůzva*.

Данные четыре группы соотносятся с рассматриваемыми А. Н. Барановым четырьмя типами побуждения (*приказом, просьбой, советом, предложением*), в различной степени противоречащих (или не противоречащих) «принципу вежливости» Дж. Лича²⁵:

‘согласие, разрешение, одобрение’; *rozvání* ‘приглашение’; *domluva* ‘уверщевания, убеждения, уговоры’; *paromenutí* ‘замечание, наставление’; *nařízení* ‘распоряжение, предписание, постановление, приказ, указ’; *důtklivé upozornění* ‘настоятельное предупреждение’.

²⁴ Нас интересовало истолкование А. Вежбицкой таких речевых актов, как *сообщение, вопрос, просьба, приказ, запрет, позволение, требование, возражение, поручение, гарантия, обещание, предостережение, угроза, совет, наставление (инструкция)* [Wierzbicka 1972]; использована терминология русского перевода в [Вежбицка 1986].

²⁵ «Принцип вежливости» дополняет разработанный в теории речевых актов «принцип кооперации» Г. П. Грайса [Грайс 1985] и состоит в следовании следующим максима́м: 1. Максима такта: «Соблюдай интересы другого», «Не нарушай границ его личной сферы». 2. Максима великодушия: «Не затрудняй

«Поскольку императив в узком смысле основывается на “праве” приказывать, то смещение акцента на когнитивно-эмоциональную сферу говорящего, например, на то, что требуемое положение дел необходимо именно для говорящего, приводит к появлению у императива черт просьбы, ср. *Закрой дверь, а то мне холодно*. Однако просьба еще достаточно “сильна”, ибо выполнение желаний адресата — одно из неперенных условий вежливого поведения. Апелляция к интересам адресата приводит к превращению императива в совет: *В ваших же интересах отказаться от его предложения*. Однако еще более нейтрально предложение, поскольку при его использовании снимается свойственный совету оттенок превосходства говорящего, ср. *Давай откажемся от его предложения*» [Баранов 1988: 17].

Названные семантические интерпретации побудительных высказываний представляют собой абстракции, при более пристальном рассмотрении способные распасться на ряд более конкретных подтипов побуждения либо вычленять из себя подтип побуждения, маркированный по какому-либо специфическому признаку. Так, русское **приказ** может развернуться в ряд **распоряжение, приказ, приказание, повеление, команда...** чешский **rozkaz** — в ряд **rozkaz, příkaz, příkázání, povel...** и т. д. Исследующая побудительно употребленные полипредикативные высказывания современного русского языка Л. А. Сергиевская говорит об «основных видах повелений» и об их «коннотациях»: **приказ** (коннотации — **распоряжение, требование, запрещение, команда**), **призыв** (коннотация — **лозунг**), **предложение** (коннотации — **приглашение, предписание, пожелание**), **просьба** (коннотации — **мольба, утешение, заявление**), **совет** (коннотации — **наставление, назидание, предостережение, разъяснение**) [Сергиевская 1995: 77-79]. Наша интерпретация соотносительности «основных видов повелений» и их «коннотаций» отличается от интерпретации исследовательницы тем, что мы настаиваем на динамичном, текучем характере каких бы то ни было иерархизаций в рассматриваемой области, недаром рассуждающая о «семи грехах прагматики» Д. Франк предостерегает от соблазна впасть в *gage taxonomique*, подчеркивая, что «расплывчатость [vagueness] оказы-

других». 3. Максима одобрения: «Не хули других». 4. Максима скромности: «Отстраняй от себя похвалы». 5. Максима согласия: «Избегай возражений». 6. Максима симпатии: «Выказывай благожелательность» [Leech 1983].

вается существенным свойством языковых выражений» [Франк 1986: 369]. *Распоряжение, требование, запрещение, команда* только тогда могут рассматриваться в качестве «коннотаций» *приказа*, когда под *приказом* понимается разновидность побуждения, маркированная по признаку *декларация высокой степени обязательности каузируемого действия для реципиента*, то есть когда это слово используется в качестве родового понятия. Только тогда *распоряжение (требование, запрещение, команда) = приказ* + *сумма эмоционально-оценочных компонентов, сопровождающих денотативное значение в реальном речевом акте и влияющих на конечный смысл воспринимаемого высказывания* (рабочее определение коннотации, используемое в [Потапова 1997: 6]), в ином случае *приказ* сам является коннотацией. Подчеркиваем, что мы считаем такую точку зрения возможной, но не единственной возможной. Если рассматривать в качестве «родового» признака *приказа* не признак «высокой степени обязательности каузируемого действия», а признак «высокой степени вероятности каузируемого действия», как мы это делаем в настоящем исследовании, то *требование*, характеризующееся *высокой* степенью обязательности каузируемого действия для реципиента речи и *низкой* степенью вероятности этого действия (ср., например, [Красных 1998: 189]), не будет объединяться с *распоряжением, запрещением, командой*. Мы склонны полагать, что в то время как для носителя русского языка в *приказе* на первый план выступает признак «высокой степени обязательности», для носителя чешского языка — признак «высокой степени вероятности», именно поэтому для русского *требование* ближе к *приказу*, а для чеха *žadost* ближе к *просьбе*²⁶, так что «перед нами типичная ситуация межкультурного конфликта, когда наблюдающие

²⁶ В этом плане чешский язык проявляет, безусловно, большее сходство с немецким, чем с русским. Исследователи, сопоставляющие восприятие императивности носителями русского и немецкого языков, на основании экспериментальных данных приходят к заключению, «что наиболее однозначно с минимальным числом коннотативных значений носителями обоих языков интерпретируются такие императивные действия, как *приказ* и *мольба*. Наибольшие расхождения в субъективной оценке сообщений и наибольшее число коннотативных значений имеют императивные действия *просьба* и *требование*», и отмечают, в частности, «большую категоричность [требования] для носителей русского языка и меньшую — для носителей немецкого языка» [Потапова, 1997: 9, 36], ср. также [Шенберг 1988].

один и тот же объект по-разному делят присущие ему признаки на существенные / несущественные» [Гудков 1997 а: 75]. Избранные нами принципы семантического членения поля императивности позволяют, как нам представляется, разрешить в некоторой степени эту конфликтную ситуацию.

1.3. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, МАРКИРОВАННЫЕ ПО ПРИЗНАКУ ИНДИКАЦИЯ ВЫСОКОЙ СТЕПЕНИ ВЕРОЯТНОСТИ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ

Подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация высокой степени вероятности каузируемого действия*, естественным образом распадаются на три группы в зависимости от того, что обуславливает эту высокую вероятность:

1) условно²⁷ **приказ** (чешск. *příkaz*) — высокая степень вероятности каузируемого действия обуславливается авторитарным положением Говорящего;

2) условно **разрешение** (чешск. *dovolení*) — предполагается, что действие не осуществляется лишь потому, что существуют некие препятствия или ограничения, которые Говорящий компетентен снять речевым актом **разрешения**;

3) условно **инструкция** (чешск. *instrukce*) — предполагается, что Агенса не собирается отравиться, сжечь телевизор или компьютер, заблудиться в чужом городе и т. д., а потому будет неукоснительно выполнять то, что написано в поваренной книге, в технической документации, в путеводителе или же что он слышит от опытной домохозяйки, телемастера или местного жителя, у которого он спросил дорогу.

²⁷ «Условно», потому что данное слово в русском языке зарезервировано для обозначения одной из частных семантических интерпретаций — (воинского, директорского и т. п.) приказа. В данном же случае речь идет о родовом понятии — семантической интерпретации, которая при более тщательном рассмотрении легко распадается на целый спектр семантических интерпретаций: (собственно) приказ, команда, распоряжение, указание, запрет и т.п. Мы сочли необходимой эту оговорку, поскольку иногда можно встретиться с сентенциями типа рассуждения о неточности термина *повелительное* высказывание, поскольку о *повелении* речь идет далеко не всегда и т. д., ср., например, рассуждение о термине *rozkazovací* в [Müllerová 1979: 28].

Естественно, что между названными группами нет четких границ: *запрет* (чешск. *zákaz*) соотносится и с *приказом*, и с *разрешением*; *указание* (чешск. *pokyn*) как разновидность *приказа* может перерасти в *инструкцию* и т. д.

1.3.1. «Авторитарные» побудительные высказывания

В случае с «авторитарными» побудительными высказываниями принятая нами формула побудительного речевого акта выглядит следующим образом:

Говорящий сообщает Слушающему о *необходимости* и *возможности* осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и *возможность* данного действия обуславливается *волеизъявлением* Прескриптора.

Поскольку чешский и русский языки семантически структурируют поле императивности не совсем одинаково, соотношения между чешскими и русскими побудительными интерпретациями далеко не всегда однозначны, поэтому предлагаемое далее разбиение на параграфы носит несколько условный характер (не все интерпретации вынесены в названия этих параграфов, некоторые интерпретации упоминаются в нескольких параграфах, некоторые русские или чешские интерпретации не будут иметь формального соответствия в другом языке и т. д.).

Přikaz, rozkaz, nařízení — приказ, распоряжение

В ситуации *приказа* побуждение направлено «сверху вниз», в данном конкретном акте коммуникации говорящий занимает авторитарную по отношению к адресату позицию²⁸ и не сомневается, что

²⁸ В. С. Храковский и А. П. Володин отмечают отсутствие прямой корреляции с о с о ц и а л ь н ы м и отношениями типа «начальник» — «подчиненный», «старший» — «младший»: «В каждом конкретном речевом акте говорящий — независимо от того, старший он или младший, начальник или подчиненный, — в зависимости от ситуации может ставить себя либо выше, либо не выше слушающего. Вспомним, например, шекспировского «Короля Лира». Гонерилья — королева в своих землях, Лир — ее отец, но он уже не король, он отдал ей свою власть. Она хочет, чтобы он сократил свою свиту, и просит его об этом (ставит

адресат выполнит (либо, по крайней мере, попытается выполнить) казулируемое действие. Эта уверенность основана на социально институализированном праве либо ситуативно обусловленной возможности Прескриптора применить по отношению к Агенсу серьезные санкции (поэтому приказывать может не только начальник подчиненному, но и грабитель в темном переулке — прохожему).

Необходимо отметить, что в чешской языковой картине мира *приказ* менее авторитарен, чем в русской, о чем, по нашему мнению, свидетельствует обычность сочетания *nalévavý rozkaz* в чешских лингвистических текстах, ср. [Grepš, Karlík 1986: 71], [Mluvnické češtiny 1987: 339]. В русской же языковой картине мира сочетание **настойчивый приказ* имеет, по нашему мнению, ярко выраженный оксиморонный характер — там, где у Говорящего есть возможность *приказывать*, ему незачем *настаивать*²⁹. Об этом же косвенно может свидетельствовать и то обстоятельство, что в нашем русском материале в авторском комментарии к побудительной реплике персонажа рассматриваемого типа в тех случаях, когда речь не идет о многократно повторяющемся действии, используются только глаголы совершенного вида, тогда как в материале чешском — глаголы как совершенного, так и несовершенного. Мы полагаем, что в русской языковой картине мира *приказ* концептуализируется как завершенное действие, а в чешской может пониматься и как растянутый во времени процесс, ср. следующие примеры из романа Я. Гашека, при переводе которых на русский язык П. Богатыреву пришлось поменять видовую характеристику глагола:

“Není doma,” řekl tvrdě Švejk,
ale mladá dáma byla již v
předsíni a kategoricky
přikazovala Švejkovi: “Odneste
kufry do pokoje”

«Нету дома», — твердо сказал
Швейк, но молодая дама была
уже в передней и категориче-
ским тоном **приказала** Швейку:
«Отнесите чемоданы в комна-
ту».

себя не выше — он старше ее, он ее отец), но, видя, что Лир не желает слушать ее, она меняет тон (ставит себя выше): <...> *Вас просит та, кому не подобает | Просить, и легче было б приказать* (Перевод Б. Пастернака)» [Храковский, Володин 1986: 137].

²⁹ Ср. мнение анализирующего русские императивные высказывания Л. А. Бирюлина: «приказ не оставляет стоящему ниже в социальной иерархии возможности отказа или какого-либо обесуждения» [Бирюлин 1992: 26].

“Polibte ještě, bábo, krucifix,”
poroučel strážmistr, když
Pejzlerka za ukrutného vzlykotu
odpřísáhla a pokřivovala se
zbožně

Viděl prý také ve snu nějakého
anděle, který mu přímo **velel**:
“Otevři šuple od pohovky!”

«Теперь поцелуйте крест», —
приказал вахмистр после того,
как бабка Пейзлерка, громко
всхлипывая, повторила присягу и
набожно перекрестилась.

А во сне ему якобы явился ангел и
повелел: «Открой ящик в диване!»

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что хотя современный чешский язык, подобно русскому, располагает немалым количеством обозначающих «авторитарное» побуждение глаголов речевой каузации, эти чешские глаголы синонимичны в гораздо большей степени, чем соответствующие русские глаголы.

Речь идет прежде всего о глаголах *přikázat // přikazovat, rozkázat // rozkazovat, nařídit // nařizovat, poručit // poroučet, nakázat // nakazovat*.

В нормативном «Словаре литературного чешского языка...» [Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost 2000] лексическое значение этих глаголов определяется одно через другое, ср.:

přikázat dok. 1. *dát přikaz, nařídit², rozkázat, poručit 1*: přikázat pacientovi ležet, aby ležel 2. kniž. *přidělit 2, určit 1*: přikázat někomu byt; byl služebně přikázán jinam; přikázaný před.: přikázaný směr jízdy;
přikazovat ned.

nakázat dok. *přikázat 1, nařídit², poručit 1*: rodiče nakázali dětem, aby...; nakázala mu sedět; **nakazovat** ned.

nařídit² dok. *dát rozkaz, přikázat 1, poručit 1, nakázat*: nařídil mu, aby...; nařídit nemocnému klid, ležet; **nařizovat²** ned.

poručit dok. 1. *rozkázat, nařídit², přikázat 1*: poručila mu odejít, aby odešel 2. *objednat 1 (v hostinci, obchodě ap.)*: poručit si večeři; **poroučet** ned. (3. mn. -ej/í): umí, zvykl si poroučet

rozkázat dok. *poručit 1, přikázat 1, nařídit²*: rozkázal mu čekat, aby čekal; **rozkazovat** ned.

В соответствии с данными Чешско-русского словаря (1976), различия между глаголами *rozkázat, přikázat* и *poručit* состоят фактически лишь в том, что у двух последних возможны некоторые дополнительные, лексически связанные значения, ср.:

rozká||zati³¹⁰, **-žu, -ži dok.** *komu co n. s inf.* приказать**I кому s inf.*, (от)дать* приказ, велеть Π *кому s inf.*; распорядиться* Π *s inf.*

příká||zati³¹¹, **-žu, -ži dok.** **1.** *komu co n. s inf.* приказать**I кому s inf.*; отдать* приказ *n.* распоряжение *кому в чём*, распорядиться* Π *o чём*; **2.** *komu co (byt, pokoj ap.)* дать*, отвести**I кому что*. **3.** *koho kam (služebně, na práci ap.)* определить Π , назначить Π *кого куда*.

poruč||iti³⁵⁶, **-ím dok.** **1.** *komu co n. se sp. aby* приказать**I кому s inf.* **2.** *~it si co (večeři ap.)* заказать**I (себе) что*.

О том, что в чешском языковом сознании речь идет фактически об одном и том же подтипе побуждения, свидетельствует и то, что побуждение, выражаемое с помощью перформативных конструкций, содержащих формы *přikazuji, rozkazuji, poroučím*, характеризуется одним термином, выглядящим как *rozkaz (příkaz)* [Mluvnice češtiny 1987: 339], ср. также [Müllerová 1979], [Příruční mluvnice češtiny 1996]). Впрочем, порой мы можем встретиться с оговоркой, что хотя *rozkaz* и *příkaz* семантически очень близки, их иногда пытаются развести, утверждая, что первым каузируется какое-то однократное действие, тогда как «срок годности» второго более продолжителен [Mluvnice češtiny 1987: 339]. Если это так, то чешские *rozkaz* и *příkaz* в определенном плане соотносятся как русские *приказание* и *приказ* — в то время как чешский *rozkaz* и русское *приказание* используются исключительно для обозначения одного конкретного подтипа побуждения, близкого к *команде* (чешск. *повел*), русский *приказ* и чешский *příkaz* может использоваться также в качестве родового понятия для группы «авторитарных» побудительных интерпретаций.

Не случайно чешский *rozkaz* часто переводится русским *приказанием*, ср.:

Zasalutovav podal jí dopis a hlásil: “Podle rozkazu pana obrlajtnanta mám se k vám, milostpaní, chovat uctivě a taktně a obsluhovat vás uctivě a udělat vám všechno, co vám vidím na očích”
(J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*)

Швейк взял под козырек, подал ей письмо и доложил: — Согласно приказанию господина обер-лейтенанта, я обязан вести себя с вами, сударыня, учтиво и тактично, служить не за страх, а за совесть и исполнять все ваши желания, которые только прочту в ваших глазах (Перевод П. Богатырева)

Чешское *nařízení*, так же, как и русское *распоряжение*, соотносится с понятием более общим (с русским *приказ* и чешским *příkaz*), оба так или иначе ассоциативно связаны с идеей упорядочения, устройства, управления, ср. однокоренные русск. *порядок*, *упорядочить*, чешск. *řízení*, *zařít*, *řít*. Нам тем не менее представляется, что чешское *nařízení* вычленяется из общего понятия *приказ* — *příkaz* менее отчетливо, чем русское *распоряжение*.

Так, в нашем русском материале в качестве *приказа* характеризуются высказывания, содержащие одно побуждение, а в качестве *распоряжения* — содержащие, как правило, более одного побуждения, ср. некоторые примеры из произведений А. и Б. Стругацких: «*Кладите этого сюда же*», — *приказал он Панди*. (Обитаемый остров); «*Замолчи*», — *приказал Максим*. (Обитаемый остров); «*Вели обед на двоих*», — *приказал он на ходу*. (Трудно быть богом); *Поупражнявшись минут десять в выпадах и отражениях, Румата воткнул мечи в стену, нагнулся над пустой лоханью и приказал: «Лей!»* (Трудно быть богом); «*За упряжкой*», — *приказал Антон и откинулся на спинку кресла*. (Попытка к бегству); *Окончив инструкции, господин ротмистр Чачу распорядился: «Капрал Гаал, останьтесь. Остальные свободны»*. (Обитаемый остров); *Затем роту отвели к казарме, и ротмистр распорядился: «Первая секция назначается в конвой. Остальным секциям приступить к занятиям по распорядку»*. (Обитаемый остров)³⁰.

Наш чешский материал о подобном распределении говорить не позволяет: в качестве *nařízení* регулярно характеризуются высказывания, содержащие одно побуждение (ср. — *Popište onoho muže! — nařídil policejní komisař*. (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů) ‘*Опишите этого мужчину*», *сказал [букв. распорядился] комиссар полиции*’), а в качестве *příkaz* — содержащие более одного побуждения (ср. *Příkázal přísně Lidušce: Lído, plavat. Postavit na kafe a pak dodělat ten příklad*. (J. Procházka. Klauni) ‘*Он строго сказал*

³⁰ Следующие примеры, казалось бы, не подтверждают эту закономерность, однако нетрудно заметить, что в них всех «авторская ремарка» следует непосредственно за первым из побуждений, так что формально они этой закономерности не противоречат: «*Слезай вниз*, — *приказал я строго*, — и *отвечай на вопрос*». (Хищные вещи века); «*Сядь перед упряжкой*, — *приказал Антон*, — и *поговори с ним*». (Попытка к бегству); «*Пусть хозяин катит бочку*, — *приказал он*, — а эти девочки (он указал на караульных гвардейцев, игравших в карты за другим столом, *пусть идут сюда*». (Трудно быть богом).

[букв. приказал] Лиде: «Лида, шевелись. Поставь воду для кофе и заканчивай свой пример»’).

Показательно и то обстоятельство, что в приводимых в [Арутюнов, Паролкова, Лизунов 1988: 37] в качестве функционально эквивалентных чешских и русских высказываниях чешскому *příkaz* может соответствовать и *приказ*, и *распоряжение*, ср.:

<i>Будем ждать. Приказ есть приказ.</i>	<i>Tak budeme čekat. Příkaz je příkaz.</i>
---	--

<i>Тогда скажите, что это распоряжение министерства.</i>	<i>Tak řekněte, že je to příkaz (z) ministerstva.</i>
--	---

В обоих сопоставляемых языках представлены тематизирующие авторитарное побуждение глаголы речевой каузации с отчетливой этимологической внутренней формой «передать в руки». Речь идет о русской видовой паре *поручить / поручать* и чешской *poručit / poroučēt*, которые, впрочем, в истории каждого языка семантически значительно разошлись.

Для А. Вежбицкой ‘поручать’ значит ‘уполномочивать’ [Вежбицка 1985: 265], именно данный оттенок значения (‘наделение правом совершить каузируемое действие’) противопоставляет *поручение* другим побудительным интерпретациям данной подгруппы (побудительные интерпретации, маркированные по признаку «авторитарное побуждение» — условно *приказ*). Впрочем, речь идет о привативной оппозиции, а никак не об эквиолентной: ‘предполагается, что авторитет Прескриптора достаточно высок не только для Агенса, но и для тех, чьи интересы данное каузируемое действие может задевать и кто мог бы этому действию воспротивиться. Так, когда в поэме М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» православный царь «*велит*» братьям осужденного «по всему царству русскому широкому торговать безданно, беспошлинно», его повеление касается не только того, кто будет торговать, но и того (и прежде всего того!), кто может попытаться пошлину взыскивать.

Мы, однако, склонны полагать, что хотя оттенок значения ‘наделение правом совершить каузируемое действие’ действительно характеризует семантический потенциал *поручения*, актуализуется этот признак далеко не во всех употреблениях русского глагола *пору-*

чить. Что же касается чешского языка, то данный оттенок значения выражается уже не глаголом *poručit*, а глаголом *pověřit*, ср.:

<i>Mě pověřil divisijní soud, jako vašeho představeného, vyslechnout vás a zasílá mně současně celé spisy tykající se vyšetřování.</i>	<i>Дивизионный суд поручил мне, как вашему начальнику, допро- сить вас и одновременно посы- лает мне материалы следст- вия.</i> (Перевод П. Богатырева)
(J. Hašek. <i>Osudy dobrého vojáka Švejka</i>)	

Мы считаем, что для русского речеупотребления характерна актуализация другого содержащегося в семантическом потенциале *поручения* оттенка значения — каузируется действие, исполнение которого важно для Прескриптора. Поэтому для вычленения *поручения* из общей подгруппы «авторитарных» побудительных интерпретаций важен не только признак ‘наделение правом совершить каузируемое действие’, но и признак ‘важность исполнения каузируемого действия для Прескриптора’³¹. Во всяком случае, мы намерены постулировать это для русского языкового пространства, причем речь опять пойдет о привативной, а не об эквивалентной оппозиции: дивизионный суд может не только *поручить* полковнику разобраться с провинившимся подчиненным, но и *приказать* сделать это, и смысл высказывания от этого не изменится — как *по поручению*, так и *по приказу* полковник будет делать то, что нужно для Прескриптора, тогда как если царь не *велит*, а *поручит* кому-либо «торговать безданно, беспошлинно», смысл высказывания изменится весьма кардинально (можно будет предположить, что сам царь каким-либо образом заинтересован в полученной таким образом лишней прибыли). Данное противопоставление (*поручить* — *приказать*) в русском речеупотреблении часто нейтрализуется: первый же пример параграфа 1.12. **Распоряжение, указание, приказ** в [Арутюнов, Паролкова, Лизунов 1988] выглядит как *У меня к вам небольшое поручение* [шрифтовое выделение наше — А. И.].

³¹ Сказанное, естественно, никак не является ни «опровержением» А. Вежицкой, ни упреком ее переводчику: исследовательница анализировала не русские, а английские перформативные глаголы, и мы не собираемся вваливать на кого-то ответственность за несовпадение английской и русской (чешской) языковых картин мира.

В современном чешском речепотреблении эта нейтрализация имеет абсолютный характер: формы глаголов *přikázat / přikazovat* и *poručit / poroučet* регулярно употребляются одними и теми же авторами в сходных контекстах в сходном значении, ср. некоторые примеры из популярного детективного сериала Й. Прохазки о майоре Земане:

— <i>Jděte otevřít, — přikázal mi, — podívejte se. Ale myslíte přitom, že vám pořád mířím na záda.</i>	‘«Идите откройте, — приказал он ему, — посмотрите, кто там. Но при этом помните, что я целюсь вам в спину».’
<i>Namířil na ni pistoli a poručil: — Lžeš. Jdi stranou!</i>	‘Он направил на нее пистолет и приказал: «Врешь. Отойди в сторону!»’
<i>Lidušce na odchodnou přikázal: — Máme vyříd, ať mě dnes radši nečeká.</i>	‘[дочери] Лиде он сказал [букв. приказал]: «Передай маме, пусть меня сегодня лучше не дожидается.»’
— <i>Dej mi něco jíst, — poručil nakvašeně.</i>	‘«Дай что-нибудь поесть», — сказал [букв. приказал] он кисло.»’

Данная нейтрализация закономерно привела к исчезновению из чешского языка соответствующего отглагольного деривата **poručení*, отсутствующего в нормативном словаре [Slovník spisovné češtiny... 2000], но представленного в [Slovník spisovného jazyka českého 1989], включающего в себя, помимо современной, лексику «золотого фонда» чешской литературы, ср.:

poručení, -í s. 1. *poněk. zast. zdvořilý pozdravný vzkaz, odevzdání se v něčí přízeň*: pěkné p. slečince (Rais); *vzkázat, vyřídít uctivé p. † 2. nařízení, rozkaz, příkaz*: dostat p. odjeti (Jir.); *pečetí opatřené p. císařské † 3. doporučení*: platné p. podat (Tyl) † 4. *poslední vůle, závěť*: umíraje, v p. svém vzpomínal na bratra (Schulz); v. též **poručiti**

Этот словарь фиксирует с пометой † также и рефлексы «этимологического» значения ‘передать в чьи либо руки’ у глагола **poručit** (выделение серым фоном наше), ср.:

poručiti dok. (3. mn. -í) **1.** (komu co; co; ~) *dát rozkaz k něčemu; naříditi II 1, rozkázat, přikázat, nakázat 1, uložit* poručil mu, aby vše zařídil; poručil připravit materiál; dovede p.; lékař mu poručil klid *předepsal, doporučil*; přen. neměl sil si p. *přimět se k ničemu*; srdce mu poručilo, aby tak jednal *přimělo ho* **2.** p. (si) (co) *objednat si (zvl. v hostinci, obchodě op.); požádat (oč):* p. si víno, večeri; poručila si kilo masa; poručil si pohřeb chudíčký (Rais) *vyslovil přání* † **3.** (koho, co komu, čemu) *odevzdat něčí pozornosti, nikomu do ochrany; odporučit 2:* p. syna péči vychovatele (Stroup.); p. les pánuobohu (Vrba) *nestarat se o něj*; ♦ pánuobohu, osudu poručeno (*výraz smíření se s něčím*) † **4.** (koho, co koma, čemu) *doporučit:* také mne poručil přízni této ctné paní (Jir.) **5.** poněk. zast. (komu co) *odkázat 1 (v závěti):* p. podíl ženě • předp. **do-, na-, od-**; – ned. **poroučeti, poručovati**

Глаголы *nakázat/nakazovat*, входящие, по данным [Slovník... 2000] в синонимический ряд *přikázat // přikazovat, rozkázat // rozkazovat, naříditi // nařizovat, poručit // poroučet*, крайне неупотребительны и самостоятельного подтипа «авторитарного» побуждения, на наш взгляд, не образуют, ср. примеры из SYN2000:

Ale pan Pumblehook nakázal: "Dejte mi víno, paninko. V něm térení, za to ručím." <doc S|NOV|1996|dicken1> <s 001-p232s3> 'Однако господин Памблхук распорядился: «Дайте ему вина, барышня. В нем дегтя нет, ручаюсь»'.

"Jdi tedy tamhle naproti do pokoje," **nakázala** a ukázala svou zvalou rukou na dveře za mnou, "a počkej tam, až přijdu." <doc S|NOV|1996|dicken3> <s 001-p53s1> «Иди вон в ту комнату напротив, – велела она, показав старческой рукой на дверь за моей спиной, – и подожди там, пока они не придут».

Předal jsem Tošovi ukradenou peněženku, dopil pivo, postavil se a **nakázal** mu: "Je čas vydat se na lov! Drž mi tu místo!" <doc S|NOV|1997|marcin> <s 002-p249s2> 'Я передал Тошу украденный кошелек, допил пиво, встал и сказал [букв. приказал] ему: «Пора на охоту! Постереги мое место!»'

"Postavte se," **nakázala** mu dok- '«Встаньте!» – велела мне врач.'

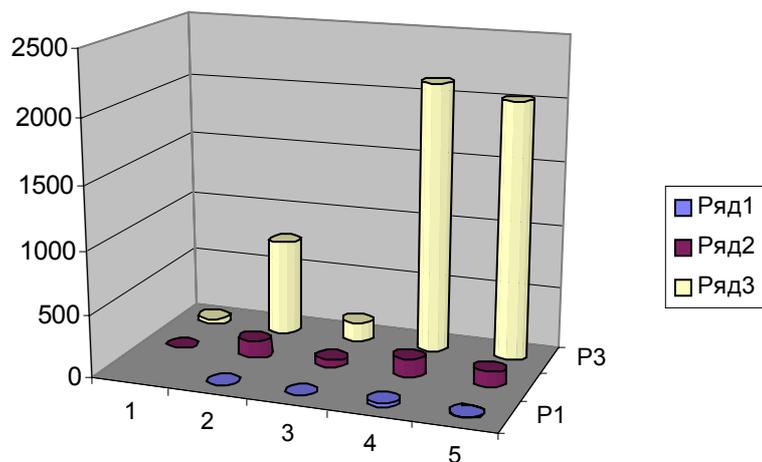
torka. <doc S|NOV|1997|sharpe><s 001-p98s1>

*Držela své ratolesti hlavu pod peřinou, zdálo se, že mu zacpává uši, a každých pět minut **nakazovala**: "Spi!..."* <doc S|NOV|1993|svet><s 001-p1124s3>

‘Она держала своего отпрыска головой под периной, казалось, что она затыкает ему уши, и каждые пять минут приказывала: «Спи! ...»’

Предлагаемая ниже диаграмма иллюстрирует относительную употребительность глаголов *přikázat // přikazovat, rozkázat // rozkazovat, nařídit // nařizovat, poručit // poroučet, nakázat // nakazovat*, учитывая их представленность в текстах SYN2000 в составе эксплицитных перформативных конструкций, а также конструкций с интерпретирующим предикатом.

Интерпретирующие предикаты и перформативы

Ряд 1 – примеры с прямо-эксплицитными перформативными (т.е. «автоинтерпретирующими» конструкциями типа *Jsem člověk a nařizuju ti, aby ses zastavil* <doc S|NOV|199f|kalib><s 007-p77s6>

Ряд 2 – примеры, в которых интерпретирующий предикат выступает в качестве комментария к побудительному высказыванию

типа "Jed' dále!" *nařídil*. <doc S|NOV|1993|jeruz><s 011-p51s2>

Ряд 3 – примеры, содержащие интерпретирующий предикат в сообщении об имевшем место побудительном высказывании типа *Chief Salamander nařídil, abych tlumočil oběma vládám jeho neochvějnou vůli navázat s nimi co nejpřátelštější styk*. <doc S|NOV|1981|s_mloky><s 001-p1337s18>

- 1 *nakázat/nakazovat*
- 2 *přikázat/přikazovat*
- 3 *rozkázat/rozkazovat*
- 4 *nařídít/nařizovat*
- 5 *poručit/poroučet*

Как видно из предложенной диаграммы, в тех случаях, когда речь идет о потребности иллокутивно охарактеризовать цитируемое побудительное высказывание, чех в целом с равной предпочтительностью обращается к глаголам *přikázat // přikazovat, nařídít // nařizovat, poručit // poroučet*, в сообщениях же об имевших место побудительных речевых актах явно доминируют глаголы *nařídít // nařizovat* и *poručit // poroučet*.

Objednávka — заказ

В качестве отдельного вида прескриптивного речевого акта может быть выделен ***заказ***. В качестве обоснования его выделения обычно отмечают то обстоятельство, что его осуществление связано с конвенциональными ситуациями общения — ресторан, магазин, бюро обслуживания [Дорошенко 1986]. В речевом акте рассматриваемого типа «приоритетную позицию занимает говорящий, что обусловлено его ситуационной ролью клиента, чьи запросы должен удовлетворять адресат. Адресат расценивает каузируемое действие как обязательное, ибо оно входит в круг его служебных обязанностей» [Беляева 1992: 18].

Нам представляется, что в русской языковой картине мира данный подтип побуждения вычлняется более отчетливо, чем в чешской: хотя чешский язык и располагает глаголами *objednat / objednávat*, он нередко использует в составе интерпретирующе-

го предиката те же глаголы *poručit (si) / poroučet (si)*, что и для выражения *приказа*, ср.:

A k Petrovu zděšení poručil: — *'И к ужасу Петра он крикнул*
Pane vrchní, tři koňaky! *[букв. заказал]: «Официант,*
(J. Procházka. Klauni) *три коньяка!»'*
— *Dvě vodky a dvě piva, pane* *'«Две водки и два пива, хозяин»,*
hostinský, — poručil (J. Procházka. *заказал он'*.
Vrah se skrývá v poli)

Несмотря на то, что в сообщениях об имевшем место побудительном речевом акте рассматриваемого типа а абсолютном большинстве случаев используются формы типа *objednal / objednával* (в текстах SYN2000 количество примеров этого типа в два с половиной раза превышает общее количество примеров с формами типа *poručil / poroučel*), в тех случаях, когда интерпретирующий предикат выступает в качестве комментария к побудительному высказыванию данного типа, употребительность глаголов *poručit (si) / poroučet (si)* соотносима с употребительностью глаголов *objednat / objednávat*, ср. некоторые примеры из корпуса:

"Jamajský rum!" objednal pan *'«Ямайского рома!» – заказал*
Moritz a sedl si naproti panu Pra- *господин Мориц и присел на-*
govi na poslední volnou židli. <doc *против господина Прага на*
S|NOV|1995|tresnak2> <s 001- *последний свободный стул.'*
p2537s1>

Usedl na vysokou barovou židli , *'Он присел на высокий стул у*
opřel se o pult a poručil si: "Jako *стойки, привалился к пульту и*
vždycky, džin a sodu." <doc *заказал: «Как всегда, джин с*
S|NOV|1993|pi187> <s 001- *содовой».'*
p413s3>

"Eště jednoho panáka," objednával *'«Еще рюмку,» – заказал он.*
si. <doc S|NOV|199h|leponap> <s
020-p92s1>

"Pane hostinský, sem dva štoky, a na mě!" **poroučel** pan Bedar ...
 <doc S|NOV|1993|pi187> <s 001-p1221s11> '«Хозяин, два пива сюда, и на мой счет!» – заказал господин Бедар ...'

Příkázání — заповедь, наказ, повеление

Весьма показательно сопоставление чешского **příkázání** и русской **заповеди**. В обоих сопоставляемых языках речь идет о разновидности «авторитарного» побуждения, к отличительным признакам которой относятся: а) стилистическая маркированность, б) ритуализованность; в) максимальная степень обязательности. И русск. **заповедь**, и чешск. **příkázání** характеризуется ограниченной сферой употребления, ср., например, известные *desátero přikázání* (desatero příkázání) из 5 главы Второзакония.

<p>6 Já jsem Hospodin Bůh tvůj, kterýž jsem tě vyvedl z země Egyptské z domu služby.</p> <p>7 Nebudeš mítí bohů jiných přede mnou.</p> <p>8 Neučiniš sobě rytiny, ani jakého podobenství těch věcí, kteréž jsou na nebi svrchu, ani těch kteréž na zemi dole, ani těch, kteréž jsou u vodách pod zemí.
<...></p> <p>11 Nevezmeš jména Hospodina Boha svého nadarmo; <...></p> <p>12 Ostříhej dne sobotního, abys jej světil, jakož příkázal tobě Hospodin Bůh tvůj.
<...></p> <p>16 Cti otce svého i matku svou, jakož příkázal tobě Hospodin Bůh tvůj, <...></p> <p>17 Nezapíšeš.</p> <p>18 Nesesmilníš.</p> | <p>6 Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства.</p> <p>7 Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.</p> <p>8 Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в водах ниже земли.
<...></p> <p>11 Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; <...></p> <p>12 Наблюдай день субботный, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой.</p> <p><...></p> <p>16 Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, <...>.</p> <p>17 Не убивай.</p> |
|---|--|

19 <i>Nepokradeš.</i>	18 <i>Не прелюбодействуй.</i>
20 <i>Nepromluviš proti bližnímu svému křivého svědectví.</i>	19 <i>Не кради.</i>
21 <i>Nepožádáš <...> čehokoli z těch věcí, kteréž jsou bližního tvého.</i>	20 <i>Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.</i>
[Цит. по стандартному (до-экуменическому) переводу].	21 <i>Не желай <...> что есть у ближнего твоего.</i> [Цит. по Синод. пер.]

Однако в то время, как чешское *příkázání* мотивируется тем же глаголом *příkázat*, что и *příkaz*, вступая в силу этого с последним в очевидные ассоциативные связи³², русская *заповедь* мотивируется глаголом *заповедать*, маркированным (в отличие от мотивирующего *приказ* глагола *приказать*) как явный церковнославянизм. Обособлению русской *заповеди* от *приказа* (как общего понятия) способствуют и две примыкающих к ней семантически и стилистически близких интерпретации — *наказ* и *повеление*.

С *наказом заповедь* объединяет некая ритуализованность, отличает же то, что предписанное *заповедью* становится обязательным к выполнению уже навсегда, «время действия» *заповеди* неограниченно, презентно-футуральная перспектива побуждения бесконечна, *заповедь* можно исполнять, но нельзя исполнить, *наказ* же более конкретен — даже если речь не идет об однократном действии, темпоральные ограничения налицо, *наказ* должен не только исполняться, но и быть исполненным (ср., например, словосочетание *наказы избирателей*). Несмотря на бесспорную маргинальность, и *наказ*, и *заповедь* продолжают существовать в русском языковом пространстве поля побудительности, о чем свидетельствует, в частности, оперирование этими понятиями современными авторами, ср., например, некоторые фрагменты из работ современных литературоведов: *Дети охотно выражают свою покорность, выслушивают наставления, нисколько не придавая им значения, и потихоньку нарушают все эти заповеди и наказания* (А. И. Журавлева, М. С. Макеев. Александр Николаевич Островский.); *Характерен по центральному*

³² Авторы брненской «Настольной грамматики чешского языка» упоминают *příkázání* в параграфе **Rozkaz / Příkaz**, помещая его в скобках после *příkaz*, то есть фактически дают его как вариант последнего [Příruční mluvnice češtiny 1996: 603].

ударению и **наказ**, который дается царем Платову: «Поезжай на Тихий Дон и поведи там с моими донцами междоусобные разговоры насчет их жизни и преданности и что им нравится» (А. А. Горелов. Н. С. Лесков и народная культура.).

Повеление, в отличие от **заповеди** и **наказа**, не ритуализованно (т.е. не маркировано в качестве такового), с **наказом** его сближает конкретный характер побуждения (**повеление** обычно может не только исполняться, но и быть исполнено), а с **заповедью** — абсолютность авторитета Прескриптора: *велеть* может кто угодно (лишь бы его социальный статус был выше социального статуса Агенса), а *повелеть* / *повелевать* — только Господь³³ или, по крайней мере, монарх, ср. два примера из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, демонстрирующие выбор *велеть* / *повелеть* в зависимости от статуса Прескриптора: *Комендант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака; После обыкновенного приступа он объявил ему, что подозрения насчет участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастью, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решилась помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдаленный край Сибири на вечное поселение.*

Если же социальная роль Прескриптора более скромна, характеристика побуждения в качестве *повеления* служит средством создания иронического эффекта, ср.: «Мистер диГриз, у меня **приказ**. От самого Инскиппа». / «И что же наш дражайший шеф **повелевает**?» (Г. Гаррисон. Стальную крысу — в президенты! Перевод. А. Соловьева).

При этом следует подчеркнуть, что в составе интерпретирующего предиката формы глагола *велеть* в норме используются не для обозначения *повеления*, а в качестве общего понятия для группы «авторитарных» побудительных интерпретаций (*велеть* = ‘высказывать / высказывать свою волю, одной которой достаточно, чтобы сделать выполнение казулируемого действия для Агенса обязатель-

³³ Здесь **повеление** пересекается с **заповедью**, ср. комментарий к двум из уже упоминаемых **десяти заповедей**: *Наблюдай день субботний, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой.* <...> *Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой.*

ным'), конкурируя с формами *приказал, -а, -и, прикажет, прикажи, приказываю*, ср.: *Тупой и скорый на расправу Медведь говорит: «На что тут много разговоров? Вели без дальних сборов Овец передуть. Кому о них жалеть?» Однако прямой приказ, бросающий тень на Льва, непригоден, как и грубая сила.* (В. И. Коровин. Басни Ивана Крылова).

Povel — Команда

В качестве особой функциональной разновидности *приказа* следует рассматривать *команду* (чешск. *povel*), которая может быть представлена как разновидность категорического побуждения к немедленному началу или окончанию конкретного действия при максимальной обязательности исполнения. Именно поэтому *команда* может восприниматься как нечто превосходящее «просто приказ» по категоричности (команда — это не приказ, а строгий приказ), ср.: *Прекрати об этом думать, пришла откуда-то издалека, из окружающего Ранда ничто команда, строгий приказ* (Р. Джордан. Огни небес / Перевод Т. Велимеева, А. Сизикова).

Важной особенностью *команды* следует считать ее более или менее отчетливую «фразеологизованность», что, в частности, предполагает теоретическую возможность задать более или менее исчерпывающий список команд. «Фразеологизованность» команды предполагает определенную ее «деграмматикализацию»: так, русская команда «*Стой!*» (равно как и чешская команда *Stůj!*), в отличие от русского приказа «*Стой здесь!*» (чешского *Stůj tady!*) отнюдь не свидетельствует о том, что ее адресат единичен. Форма единственного числа подчеркивает, что адресат побуждения «понимается как недифференцированная масса, как собирательное множество, поставленное к говорящему лицу в отношении если не подчинения, то, во всяком случае, повиновения» [Виноградов, 1972: 467].

Можно даже говорить о специальном подъязыке (или, вернее, подъязыках) команд тех или иных профессиональных групп — военных, спортсменов, летчиков гражданской авиации и т. д. При этом, как отмечается в специальных исследованиях, «чаще всего подъязык команд состоит из слов с фиксированными для конкретных групп обобщающими значениями, правил образования предложений, а также правил образования высказываний» [Болобова, 1994:

49], «команды — самые определенные термины. Они имеют строго обусловленный и хорошо определенный словарный состав» [Рождественский 1993: 146].

Примечательно то обстоятельство, что хотя основным средством выражения авторитарного побуждения (как и побуждения в целом) в чешском языке закономерно является конструкция с синтетическим императивом (ср. диаграмму в конце параграфа), в случае с **командой** ситуация принципиально иная: лишь около трети побудительных высказываний рассматриваемого типа в текстах SYN2000 оформлено синтетическим императивом, на первый же план (около половины примеров) выступают конструкции типа *Ku předu! Nástup! Odchod! Rozchod! Vztyk! Pozor! Pohov! Dost! Pryč! Ven! Tiše! Vzhůru! Domů! K lesu! K němu! Za mnou!* и т.п.

Рокун — указание

В качестве особого социально значимого подтипа побуждения может быть выделено **указание** (чешск. **рокун**), так же, как и **команда**, характеризующееся суженной сферой употребления: с указаниями мы встречаемся «...прежде всего в служебных разговорах, когда, например, руководящий работник дает задания своим подчиненным» [Müllerová 1979: 69], ср.:

"Vy učinili jste z domu otce mého peleš lotrovskou!" řval Krucifix a **pokynul** svým: "Zkonfiskujte jejich hříšné peníze, aby chudým rozdány byly!" <doc S|NOV|1996|klima><s 004-p209s3>

‘«Вы превратили дом Отца моего в вертеп разбойников! — взревел Круцификс и распорядился: — Конфискуйте их грешные деньги, чтобы раздать их бедным!»’

"Ať začne ohňostroj!" **pokynul** král. <doc S|COL|1997|staprap><s 001-p352s1>

‘«Начинайте фейерверк!» — кивнул король.’

Aidan **pokynula** kojné: " Nan, tam v sedlovém vaku, čistou blůzu." <doc S|NOV|1996|veclaska><s 009-p1054s1>

‘Аидан кивнула кормилице: «Нан, там в седельном мешке, чистую блузку».’

Суженная сфера употребления подобных высказываний объясняет и их малую представленность в текстах. Так, в SYN2000 подобные высказывания единичны, и это при том, что примеров с претеритальной формой *pokynul, -a, -i, -u* в нем более 400 — в большинстве случаев речь идет не об иллюкутивной интерпретации, а о жесте, ср.:

"*Jdu dolů k moři,*" *odpověděl a* '«Я спускаюсь к морю, — от-
pokynul cigaretou — "ke své lod' *ветил он и показал сигаретой:*
ce... <doc S[NOV|1968|durrell]><s — к своей лодке...»'
 001-p1397s1>

Napomenutí

Элементом «авторитарного» участка чешского поля императивности, не имеющим формального аналога в русском языковом пространстве, является *napomenutí* — *одергивание [букв. напоминание³⁴]. О. Мюллерова определяет данное побуждение как «вариант приказа и запрета, реализующийся прежде всего в определенных ситуациях, чаще всего в школе, в семье, при общении взрослых с молодежью и т.п.» [Müllerová 1979: 69]. «Авторитарность» подобного типа побуждения, как нам представляется, несколько завуалирована, ср.:

Řekni mu tedy, že jsem tě napomínal, 'Скажи ему, что я учил те-
abyš byl hodnej a dělal mu všechno, co *бя быть послушным и вы-*
mu na očích vidíš (J. Hašek. Osudy *полнять все, что он ни по-*
dobrého vojáka Švejka) *желает*'.

Данный подтип побуждения часто осложняется коннотацией упрека³⁵, ср.:

³⁴ Е. А. Филатова относит глагол *напоминать* к числу номинаций речевых актов побуждения в русском языке [Филатова 1997: 64], однако *напоминание* в качестве побудительного речевого акта не анализирует. В качестве *просьбы-напоминания* характеризуется высказывание [мать сыну:] *Ты не хочешь сходить в магазин?* в [Безяева 1998: 55].

³⁵ Именно это обстоятельство, по-видимому, обусловило следующий вид словарных статей в [ЧРС 1976]:

*napomín||atí*³⁹², *-ám nedok* делать| замечание кому.

“*Lído!*” *napomenula* ji. “*Takhle se nemůžeš chovat!*” (V. Erben. Bláznova smrt) ‘«*Лида!* — одернула ее мать. — *Не смей [букв. ты не можешь] так себя вести!*»’

Возможно, что ранее чешское *napomenutí* было ближе к русскому *напоминанию*, чем сейчас, ср.:

Pánové a dáme, vy odpustíte, že vás ještě jednou napomínám, abyste zde v salónu netančili! (J. Neruda. Merenda nestřídmych) ‘*Дамы и господа! Вы меня простите, что я вас еще раз прошу [букв. что я вам еще раз напоминаю...] не танцевать здесь в салоне*’

Zákaz — запрет

Прохибитивным коррелятом *приказа* является *запрет*, т.е. своего рода приказ с отрицанием³⁶. В русском языке эта соотносительность прослеживается и на лексическом уровне. Так, двувидовой глагол *велеть* синонимичен каузативу *приказать / приказывать*. Когда же этот глагол присоединяет отрицательную частицу *не*, он начинает означать уже не столько *не приказать / не приказывать*, сколько *не разрешить / запретить*:

(1) *Ведь он велел тебе открыть окно — Нет, не велел (т.е. не приказал).*

(2) *Отец не велел (т.е. запретил) включать телевизор.*

Возможность неоднозначной интерпретации сочетания *не велеть* обуславливает возможность неоднозначной же интерпретации хотя и не вполне литературного, однако довольно употребительного сочетания *не велено* (‘не было приказа, распоряжения’ ~ ‘нельзя, было запрещено’), ср.: *Из глубокой ниши в стене выступил итурмовик-*

*napomen||outi*³³⁸, *-u dok. koho* сделатьI замечание кому • *~nout žáka z matematiky škol.* сделатьI выговор ученику за плохую успеваемость по математике.

Мы тем не менее полагаем, что приведенные выше примеры позволяют рассматривать упрек именно как факультативную коннотацию, а не как составную часть основного значения *napomenutí*.

³⁶ Как отмечается в специальных исследованиях, «...в прагматическом отношении побудительные и запретительные высказывания могут быть эквивалентными: *Bleib sitzen!* = *Steh nicht auf!*» [Абрамов 1988: 5].

часовой с топором наготове. **«Не велено»**, — мрачно объявил он. (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом). В речи персонажей художественных произведений XIX века в значении 'нельзя' может встретиться даже сочетание **не приказано** — ср.: *Нет, ты погоди! Ты увидишь! Грабить не приказано!* (А. Н. Островский. Свои люди — сочтемся), *Уже стал он было в сенях поспешно сбрасывать с себя шинель, как швейцар поразил его совершенно неожиданными словами: «Не приказано принимать!»* (Н. В. Гоголь. Мертвые души).

Таким образом, **запрет** выступает как прохибитивный коррелят не только **приказа**, но и **разрешения**. Общим признаком, объединяющим запрет и разрешение, является авторитарная позиция говорящего — его признаваемое адресатом право каким-либо образом ограничивать деятельность адресата (запрет) или, наоборот, ликвидировать уже существующие ограничения деятельности адресата (разрешение), ср. мнение А. Вежбицкой о том, что «несколько огрубляя картину, можно сказать, что запрет — это отрицательный приказ, а позволение — это отрицательный запрет» [Вежбицка 1985: 263]. О единой нормативно-игровой ситуации запрета / разрешения говорится в [Ласка, Новицкая 1988: 70].

Семантическая соотносительность **разрешения**, **запрета** и **приказа** хорошо иллюстрируется следующим фрагментом из романа А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров»:

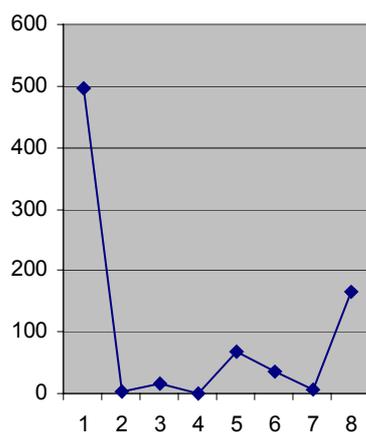
*Он все время видел маму, как ей сообщат: «Ваш сын пропал без вести», и какое у нее лицо, и как отец трет себе щеки и растерянно озирается, и как им холодно и пусто... Нет, сказал он себе. **Об этом думать не разрешается**. О чем угодно, только не об этом, иначе у меня ничего не получится. **Приказываю и запрещаю. Приказываю не думать и запрещаю думать**. Все.*

При этом необходимо иметь в виду, что **запрет**, представляя собой «отрицательное» побуждение (**приказ** + **отрицание**, **разрешение** + **отрицание**, ... + **отрицание**), в силу этого способен вступать в неоднозначные соотношения также и с другими возможными побудительными интерпретациями. Так, иногда отмечаются следующие ситуационно обусловленные разновидности запрета: (а) безапелляционный запрет; (б) запрет, аргументируемый альтернативным действием; (в) запрет, ограниченный определенными обстоятельствами; (г) запрет, смягченный дополнительными оттенками

(инструктаж, просьба, предостережение и др.), ср. [Гехтляр 1988: 48-49].

Обозревая в целом средства и способы экспликации «авторитарного» побуждения в современном чешском языке, следует отметить бóльшую, чем для побудительных высказываний в целом, узуальность побуждения через тематизацию действия или его последствий и меньшую — через тематизацию необходимости или возможности, ср. следующую диаграмму, иллюстрирующую сравнительную употребительность средств и способов экспликации «авторитарного» побуждения в текстах SYN2000:

Авторитарное побуждение

1. Базовые типы иллокутивно универсального побуждения.
2. Базовые типы иллокутивно специализированного побуждения.
3. Периферийные типы иллокутивно универсального побуждения.
4. Периферийные типы иллокутивно специализированного побуждения.
5. Побуждение через тематизацию действия.
6. Побуждение через тематизацию необходимости или возможности действия.
7. Побуждение через тематизацию волеизъявления.
8. Иные способы побуждения.

1.3.2. «Пермиссивные» побудительные высказывания

Авторы [Mlůvnické čeština 1987: 346] относят к релевантным интерактивным условиям *разрешения (dovoleni)* следующее: (1) адресат заинтересован в реализации / нереализации определенной деятельности; (2) для реализации / нереализации этой деятельности существуют некие препятствия или ограничения; (3) говорящий компетентен ликвидировать эти препятствия или ограничения; (4) просьба об этом была высказана либо ожидается. В последнем случае речь идет о своего рода «упреждающем» разрешении, когда говорящий как бы предваряет возможную просьбу адресата, очевидную из контекста. Аналогично описывается нормативно-игровая ситуация *разрешения (позволения)*³⁷ и отечественными исследователями, ср.: «...инициатива на осуществление действия принадлежит слушающему: он желает осуществить действие, но не имеет достаточно полномочий, говорящий в данном случае имеет статус “инстанции, обладающей полномочиями”. Исходя из собственной оценки ситуации или в ответ на запрос слушающего, говорящий дает разрешающую или запрещающую санкцию. При этом волеизъявление касается не самого действия, а права на его осуществление» [Ласка, Новицкая 1988: 70].

Особый по сравнению с прочими основными побудительными интерпретациями статус *разрешения* интуитивно очевиден. Весьма показательна то, что эта интерпретация называется исследователями в целом так же часто, как и игнорируется, ср. приводившиеся выше

³⁷ Мы полагаем, что в русском языковом сознании различия между *разрешением* и *позволением* прежде всего стилистические (*позволение* воспринимается либо как более официальное, либо как устаревающее). С этим, видимо, связаны и некоторые различия в узусе глаголов *позволить / позволять* и *разрешить / разрешать*: в то время как *Разрешите!* — прежде всего запрос разрешения, *Позвольте!* — прежде всего выражение несогласия с существующей ситуацией (хотя возможен и запрос разрешения), ср.: *Разрешите / Позвольте [пройти]!*; *Позвольте, это мой [бульонный кубик]!* (реплика из телерекламы). Устаревшим синонимом *позволения* является *дозволение*, ср.: *Не гневайтесь, сударь: по долгу моему Я должен сей же час отправить вас в тюрьму. — Извольте, я готов; но я в такой надежде, Что дело объяснить дозволите мне прежде* (Княжнин; эпиграф к XIII главе «Капитанской дочки» А. С. Пушкина); *У вас причины есть хвалить их от души, Но я прошу у вас о малом снисхождении: Дозволить при своем остаться мне сужденье.* (Мольер Ж.-Б. Мизантроп / Перевод Т. Щепкиной-Куперник).

данные из [Храковский, Володин 1986: 133-134]. Также весьма показательно то обстоятельство, что один из ведущих современных чешских синтаксистов М. Грепл, рассматривавший **разрешение** (*dovolení*) в [Grepl, Karlík 1986: 76] и [Mluvnice češtiny 1987: 346] в разделе «Высказывания с коммуникативной функцией побуждения» [соответственно *Výpovědi s komunikativní funkcí výzvy / Výpovědi s komunikativní funkcí žadací (výzovou)*], в [Příruční... 1996: 615] уже настаивает, что высказывания типа *Na ten kurs (tedy) nejezděte* [‘Не посещайте (= можете не посещать) этот курс’]; *Přijímejte (tedy) návštěvu na pokoji* [‘Приглашайте (= можете приглашать) гостей’]; *No tak tedy přijímejte...*; *Tak dobrá, přijímejte (tedy)...* [‘Ладно //, приглашайте (= можете приглашать) гостей...’]; *Klidně si zapalte* [‘Спокойно закуривайте’]; *Jen se posaďte* [‘Садитесь, садитесь’]; *Samozřejmě si zatelefonujte* [‘Конечно, звоните’]; *Tak tedy běžte* [‘Бегите, бегите’]; *Tak se tedy ještě chvíli dívej (na televizi)* [‘Смотри уж еще минутку (телевизор)’] не являются побудительными, и относит их к пермиссивам и концессивам, объединяя выражающие **разрешение** (*dovolení*) высказывания с высказываниями, выражающими **согласие** (*souhlas*), **несогласие** (*nesouhlas*), **отказ** (*odmítnutí*), **возражение** (*námítka, ohrazení*), **протест** (*protest*), **поддакивание** (*přítakání*)³⁸. Подобные колебания исследователей относительно статуса разрешения имеют под собой достаточные основания. С одной стороны, семантическая соотнесенность разрешения с запретом и приказом не вызывает сомнений, равно как и регулярность выражения разрешения с помощью императивных конструкций — грамматического средства, специфицированного в обоих сопоставляемых языках (как, впрочем, и не только в них) именно для выражения побуждения. С другой стороны, так же очевидна семантическая соотнесенность **разрешения с согласием**³⁹, при выражении которого для обоих сопоставляемых языков характерны именно неимперативные средства (например, русск. *Ладно; Хорошо* и чешск. *Souhlasím; No dobře (tak); Klidně; Beze všeho*) и которое тра-

³⁸ В [Grepl, Karlík 1986: 76] и [Mluvnice češtiny 1987: 346] группа «согласие, несогласие...», не включающая «разрешение», противопоставлялась «побудительной» группе, включающей «разрешение».

³⁹ Имеется в виду «согласие как реакция на побуждение». Разграничение **согласия₁** (согласие с мнением) и **согласия₂** (согласие с побуждением) см., например, в [Галактионова 1988: 145-168]; [Галактионова 1995].

диционно исключается из числа побудительных высказываний, ср., например [Прокопчик 1955].

Серьезным аргументом против включения речевого акта *разрешения* в число директивных речевых актов является то обстоятельство, что его не всегда можно рассматривать в качестве самостоятельного — обычно ему предшествует речевой акт запроса разрешения, ср. [Бирюлин 1992: 22-23], [Хоанг Ань 1993: 5-8], тогда как в случае с прочими директивами (особняком стоят *совет* и *запрещение*⁴⁰) речь идет об инициативных речевых актах⁴¹.

Весьма важным является обстоятельство, что речевой акт *разрешения*, как мы полагаем, не содержит, в отличие от большинства директивных речевых актов, семы *необходимости* каузируемого действия. Иначе говоря, принятая нами формула побудительного речевого акта в случае с *разрешением* принимает следующий вид:

Говорящий сообщает Слушающему о возможности осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом возможность осуществления Агенсом данного действия обуславливается волеизъявлением Прескриптора.

Что же касается речевых актов типа *согласие, несогласие, возражение... / souhlas, nesouhlas, námitka...*, то мы склонны рассматривать их в качестве побудительных (лежащих на периферии поля императивности) в той степени, в какой они способны (хотя бы чисто теоретически) соответствовать названной формуле, например: *Souhlasim* '[Я] согласен' = 'Я, Говорящий, сообщаю тебе, Слушающему, что Агенс вправе осуществить действие, очевидное из контек-

⁴⁰ *Совет* и *запрещение* регулярно реализуются как в инициативных, так и в реактивных речевых актах. При этом «если совет дается по инициативе говорящего, то он может вызвать негативную реакцию исполнителя, поскольку люди в принципе не любят “непрошенные советы”» [Теория... 1990: 205-206]. Что же касается *запрещения*, то его инициативность / реактивность может быть обусловлена, на наш взгляд, тем, отрицательным коррелятом какого речевого акта (*приказа* или *разрешения*) оно в конкретный момент выступает: «отрицательный приказ» — инициативный речевой акт, «отрицательное разрешение» — реактивный.

⁴¹ Видимо, именно это обстоятельство явилось решающим для М. Грепла, перерабатывающего раздел о коммуникативных функциях для [Рѓѓѓѓѓ... 1996], так как перегруппировке подверглись и другие параграфы: инициативные речевые акты объединились с инициативными, а реактивные — с реактивными.

ста, и что я пытаюсь каузировать осуществление этого действия самим фактом своего сообщения, при этом Агенс приобретает право осуществить данное действие в результате моего волеизъявления’..

Интересно, что и русские, и чешские исследователи иногда выделяют в качестве самостоятельного подтипа **неохотное согласие** / **neochotný souhlas**: *Бери уж, ладно* [Борисова 1988: 29]; *Když myslíš // Když (tedy) chceš // Když si troufáš, tak tam tedy jdi // nechod’* [Příruční... 1996: 616] ‘Если ты так думаешь // Если ты (так) хочешь // Если ты не боишься, тогда иди // не ходи туда’.

1.3.3 «Инструктивные» побудительные высказывания

Побудительные интерпретации данного типа обособляются от рассматриваемых выше интерпретаций прежде всего тем, что не предполагают (хотя, естественно, и не исключают) непосредственного контакта Прескриптора и Агенса. Кроме того, речь идет, как правило, о каузации не единичного действия, а совокупности действий, воспринимаемой, впрочем, в качестве некоего единого комплекса, ср.: чешск. *Sednete na tramvaj číslo deset, pojedete na náměstí, tam předsednete...* русск. *Сядете на трамвай номер десять, доедете до площади, там пересядете...*

Следует отметить два типа инструкций: **инструкция₁**, когда Прескриптором выступает некая инстанция либо облеченное полномочиями лицо, предписывающая сила которых касается регулирования норм служебного или социального поведения Агенса (например, *служебная инструкция*), и **инструкция₂**, когда В роли Престриптора выступает эксперт (группа экспертов), определяющий оптимальную модель поведения Агенса с целью лучшей организации определенных видов деятельности. Е. И. Беляева говорит в связи с этим о **деонтических** и **недеонтических** инструкциях, отмечая, что «если в первом случае адресат обязан следовать соответствующим правилам с принятием определенной роли, то во втором случае адресат сам прибегает к помощи инструкции, когда приступает к выполнению какого-либо действия», при этом необходимость осуществлять те или иные действия обусловлена соображениями целесообразности, так как отклонение от предлагаемого алгоритма ведет к неадекватной работе приборов, порче материалов, т. е. к ущербу интересам адресата.

ущербу интересам адресата. Недеонтические инструкции подразделяются на: а) технические, б) нетехнические, в) правила игр, при этом технические инструкции в свою очередь делятся на производственные и бытовые, а нетехнические — на учебно-методические, медицинские, кулинарные, физкультурные, косметические, по уходу за одеждой, по шитью или вязанию. Деонтические инструкции Е. И. Беляева называет также *предписаниями* [Беляева 1992: 17, 133-135].

Отметим, что постулируемое в специальных исследованиях отсутствие для *инструкции* прагматической презумпции ‘за неисполнение приказа адресат будет наказан’ и наличие презумпции ‘в случае нарушения инструкции адресат может понести убытки’ [Филатова 1997: 116] касается *инструкции*₂, но не *инструкции*₁. Именно об *инструкции*₂ речь идет и в известной работе [Вежбицка 1985: 269]⁴².

В качестве функциональной разновидности *инструкции*₂ с ограниченной сферой употребления мы склонны рассматривать *рецепт* (чешск. *recept*), ср.:

<i>Sukr, mouku, vanilku a citrónovou kůru smícháme, přidáme majonézu a mléko. Pečeme v dobře vymazané formě asi 3/4—1 hodinu. (Hrubá M., Raboch F. et al. Kuchařka naší vesnice)</i>	<i>‘Смешать сахар, муку, ваниль и лимонную цедру, добавить майонез и молоко. Печь в хорошо промазанной форме 3/4—1 час.’</i>
--	--

Принятая нами формула побудительного речевого акта в случае с побуждением рассматриваемых типов принимает следующий вид:

Говорящий сообщает Слушающему о *необходимости* и *возможности* осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* осуществления Агенсом данного действия обуславливается социальной ролью Говорящего (в случае *инструкции*₁), либо *интересами* Агенса (в

⁴² В русском переводе, выполненным С. А. Крыловым, «наставление (инструкция)», однако «наставление» мы склонны рассматривать в группе побудительных интерпретаций, маркированных по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия*.

случае *инструкции*₁), либо *интересами* Агенса (в случае *инструкции*₂).

1.4. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, МАРКИРОВАННЫЕ ПО ПРИЗНАКУ ИНДИКАЦИЯ ВЫСОКОЙ СТЕПЕНИ МОТИВИРОВАННОСТИ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ

Маркированными по признаку «индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия» являются такие побудительные высказывания, как чешские *prosba, zaklinadlo, zapřísahání, domluva, přemlouvání, žádost, požadavek, naučení* и русские *просьба, мольба, убеждение, уговаривание, упрашивание, увещевание, заклинание, требование, наставление, поучение*.

Принятая нами формула побудительного речевого акта в случае с побуждением рассматриваемых типов принимает следующий вид:

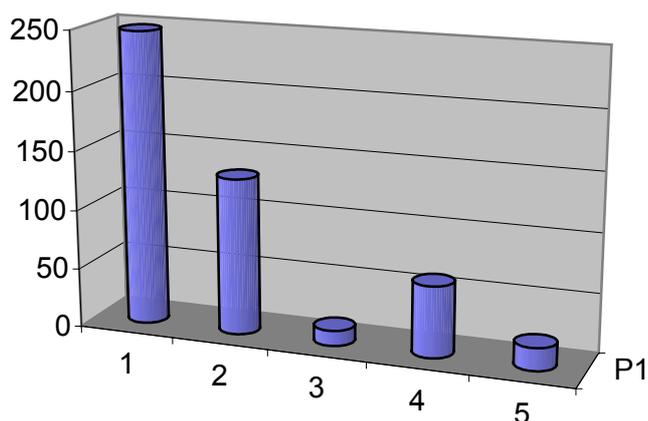
Говорящий сообщает Слушающему о *необходимости* и *возможности* осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* осуществления Агенсом данного действия обуславливается *интересами* Говорящего, имеющими некий объективный характер.

Поскольку императивность в узком смысле основывается на авторитарной позиции Говорящего, на том, что одной его воли вполне достаточно для того, чтобы исполнение каузируемого действия стало для Исполнителя обязательно, обоснование побуждения может рассматриваться как «снижение императивности», ср.: «обоснование — это универсальная когнитивная процедура, приводящая к онтологизации некоторого знания, т. е. к введению знания в модель мира адресата. В данном случае обоснование приводит к тому, что некоторое знание, лежащее в основе побуждения, получает объективный статус и воспринимается адресатом как реальное, объективное знание. Иными словами, суть обоснования императива сводится к перенесению причин оснований побуждения из сферы более субъективного в сферу менее субъективного» [Баранов 1988: 16].

Prosba — просьба

Просьбу мы склонны рассматривать в качестве основного подтипа группы подтипов побуждения, маркированных по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия*. Анализирующий русские императивные высказывания Л. А. Бирюлин постулирует для *просьбы* следующие коммуникативно-прагматические условия: (а) как правило, просьба характеризуется фактитивной каузацией действия, (б) просьба обычно исходит от того лица, чей социальный статус не выше, либо используется в ситуациях, где субординативные отношения отсутствуют: в обоих случаях тот, кто просит, не вправе навязывать тому, у кого просят, определенное поведение, а обращается за добровольным сотрудничеством, (в) стоящий выше в социальной иерархии также может высказать просьбу, если то, что он просит совершить стоящего ниже, не обусловлено соответствующей конвенцией, и поэтому он не может в такой ситуации прибегать к своей власти; если же такое действие конвенционально, то подобная просьба является демагогичной и должна восприниматься как приказ, (г) просьба может высказываться как в институциональной, так и в межличностной социальной ситуации, (д) просьба допускает возможность отказа, (е) излагая просьбу, Говорящий, как правило, стремится изложить ее причины и мотивы, с тем чтобы убедить Слушающего в том, что у него имеются достаточные варианты для просьбы или насущная потребность в ней; изложение мотивировки просьбы преследует цель возложить на слушающего обязательство выполнить, а не отвергнуть ее, (ж) в случае невыполнения просьбы Говорящий не имеет права применять санкции в отношении Слушающего, (з) при просьбе исполнение каузируемого действия осуществляется в интересах Говорящего, (и) в императивном высказывании, выражающем просьбу, могут использоваться показатели вежливости, (к) смысловыми вариантами просьбы являются 'упрашивание', 'уговаривание', 'мольба' и 'закливание', отличающиеся от просьбы степенью проявления желания Говорящего и используемые обычно в ситуации отказа (иногда предполагаемого) [Бирюлин 1992: 27].

В текстах SYN2000 в качестве *просьбы* охарактеризовано более половины (248 из 472) побудительных высказываний данной группы, снабженных авторской иллокутивной маркировкой, ср.:

- 1 — высказывания типа "Přestaň," *prosila.* <doc S|NOV|1992|poirot11><s 001-p22s10>.
2. — высказывания типа "Nechte ho," *žádal Prokop.* <doc S|NOV|1982|krakatit><s 001-p283s1>
3. — высказывания типа "Prosím vás, pomozte mi," *zapřisahal ji šep-tem.* <doc S|NOV|1997|doktorv><s 002-p602s3>
4. — высказывания типа *Nerouhej se, domlouval mu Filip.* <doc S|NOV|1992|lit><s 001-p656s1>
5. — высказывания типа *Prosím, vezmi si ho,* *přemlouvala mě.* <doc S|NOV|1996|klenot1><s 001-p283s2>

Domluva, přemlouvání — убеждение, уговаривание, упрашивание, увещание

Все данные побудительные интерпретации характеризуются, как мы считаем, прагматической пресуппозицией 'адресат противится выполнению действия', ср.:

Mistr domlouvá sousrtníkovi:
"Měl byste přidat v práci.
Kamarád vedle vás dělá téměř
dvakrát tolik!" / "Však už jsem

Мастер убеждает рабочего:
«Вам надо работать лучше. Ваш
приятель рядом делает почти в
два раза больше!» / «Да я его за

mu za to vynadal” (Dikobraz) это уже отругал!»’

To nemá smysl, domlouvaly jí sestry. <doc S|NOV|1992|slunhod1><s 001-p118s1> ‘«Это не имеет смысла», — убеждали ее сестры.’

Nechte je, pane, domlouval mu kmet. <doc S|NOV|1993|pec2><s 001-p435s1> ‘«Оставьте их, господин,» — убеждал его старейшина.’

Многочисленное **убеждение** перерастает в **уговаривание** (чешск. **přemlouvání**), при этом пресуппозиция ‘адресат противится выполнению действия’ закономерно усиливается.

Ale bujón už přece můžete, přemlouvala jí oteklá pečovatelka a zvedla talíře. <doc S|NOV|1991|kap><s 001-p351s2> ‘«Но бульон-то вы уже можете», — уговаривала ее тучная сиделка, поднимая тарелки.’

Slib mi, že zůstaneš, přemlouvala mě. <doc S|NOV|1996|klenot5><s 001-p541s4> ‘«Обещай, что останешься», — уговаривала она меня.’

”Vždyt’ ten astrolog dělá horoskopy Havlovi, tak bys mu snad mohl věřit, přemlouvala ho maminka. <doc S|PUB|1997|story97><s 565-p12s8> ‘«Ведь этот астролог составляет гороскопы самому Гавелу, так что ему ты можешь верить», — уговаривала его мама.’

Отрицательным вариантом **уговаривания** является **отговаривание**, ср.:

— *Je to už jedno. Nechod’, rozmloval jí Bláha (J. Procházka. Konec osamělého střelce)* — ‘«Это уже все равно. Не ходи», — отговаривал ее Блага.’

Вариантом русского **убеждения** мы считаем **увещевание**, имеющее, по мнению некоторых исследователей, прагматическую презумпцию ‘действие адресата не соответствует морально-этическим нормам’ [Филатова 1997: 107]⁴³. Нам, однако,

нормам' [Филатова 1997: 107]⁴³. Нам, однако, представляется, что речь идет не о презумпции, а о коннотации, наличие которой возможно, но не обязательно, ср.: «*Увещаю вас, люди добрые и благочестивые, — не унимался жрец, — не верьте чародеям, не обращайтесь к ним за советами и с просьбами*» (Крещение огнем / Перевод Е. П. Вайсброта).

Русское *упрашивание* относится к *просьбе* так же, как *уговаривание* — к *убеждению*.

Рассматриваемые побудительные интерпретации в обоих сопоставляемых языках способны приобретать коннотацию 'действие совершается в интересах Исполнителя'⁴⁴, ср.:

<p><i>Žena domlouvá manželovi, který nechce svému synovi pomoci s domácí úlohou: "Oldřichu, pomáhej mi, dokud můžeš! Na podzim už půjde do čtvrté třídy".</i> (Dikobraz)</p>	<p>'Жена убеждает мужа, который не хочет делать сыну домашнее задание: «Олдржих, помогай ему, пока можешь! Осенью он пойдет уже в четвертый класс.»'</p>
--	--

<p>"Je to příjemné a za pouhých tisíc rupií," přemlouvaly ji. <doc S NOV 1995 otcem><s 001-p1206s1> <s></p>	<p>'«Это приятно и всего за тысячу рупий», — уговаривали ее.'</p>
---	---

Zaklínadlo, zapřísahání, мольба, заклинание

В качестве *мольбы* мы склонны рассматривать настойчивую просьбу с экспликацией униженной позиции говорящего, ср.: «*Я умоляю тебя, — жалобно попросила Маргарита, — не говори так*». (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

⁴³ Ср. приводимые там же примеры: Н а т а ш а . Ты бы, чай, теперь поласковее с ней обращался... ведь уж недолго. К л е щ . Знаю. (М. Горький); Ч а р н о - т аРома! Ты генерального штаба! Что же ты делаешь? Рома, прекрати! (М. Булгаков); Ты хоть бы о ребятах подумал, деять! Ты думаешь, они тебя добром помянут, ежели ты их в колхозе оставишь... (В. Белов).

⁴⁴ Что, безусловно, сближает *убеждение, увещание, уговаривание* (равно как *domluva, přemlouvání*) с группой интерпретаций, условно обозначаемых как *совет* (чешск. *rada*).

При этом может актуализироваться не объективность, а субъективность интересов Говорящего, мотивирующих *необходимость* осуществления каузируемого действия.

Мы склонны различать *заклинание*₁ (магическую процедуру) и *заклинание*₂ (побудительный речевой акт, близкий к *мольбе*). В чешской языковой картине мира *заклинанию*₁ соответствует *zaklínadlo*, а *заклинанию*₂ — *zapřísahání*, ср.:

Ukázal mu, jak je třeba se postavit do kouta světnice <...> a vyslovit polohlasem zaklínadlo: «Přijď, ďáble, přijď!» (J. Корš. Pražské pitavalu)

‘Он показал ему, как надо встать в угол комнаты <...> и произнести вполголоса заклинание: «Явись, дьявол, явись!»’

Pročež zapřísaháme vás, abyste <...> vyzvali národ náš, aby se semkl v celonárodní jednotu na obranu vlasti. (K. Čapek. Továrna na absolutno)

‘Поэтому мы закликаем вас <...> призвать народ наш сомкнуться для защиты отечества.’

В случае с *заклинанием*₁ высокая степень мотивированности каузируемого действия обусловлена апелляцией Говорящего к неким силам, авторитет которых абсолютен для Исполнителя и даже для мироздания в целом. При этом предполагается, что Прескриптор обладает возможностью влиять на эти силы⁴⁵. Таким образом, *заклинание*₁ сближается с «авторитарными» побудительными речевыми эктами.

Если же Говорящий реально не обладает этой возможностью (эта возможность не признается либо игнорируется адресатом побуждения), то данный речевой акт оказывается неуспешным, ср.:

— Могуществом Высших Сфер, — протонала чародейка, собирая остатки сил и вода рукой в воздухе. — Водой, огнем, землей и воздухом закликаю тебя. Закликаю мыслью, сном и смертью, тем, что было, есть и что будет! Закликаю тебя. Кто ты? Говори!

⁴⁵ Независимо от того, верим ли мы в существование колдовства и заклинаний в нашем реальном мире, или нет, мы не можем отрицать их существования в нашей языковой картине мира, пусть даже это и относится к «вторичной действительности» — миру фольклора, художественной литературы, кинематографа, компьютерных игр и т. д.

<...>

— Ты не можешь.

(А. Сапковский. Крещение огнем / Перевод Е. П. Вайсброта)

Священник. *Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души —
Ступайте по своим домам!*

Председатель. *Дома
У нас печальны — юность любит радость.*

<...>

Многие. *<...> пошел! пошел!*

(А. С. Пушкин. Пир во время чумы).

Вне мира волшебства **заклинание** близко к **мольбе** и характерно для патетически возвышенного способа выражения, ср.:

Опять, как когда-то зимой в Сиверской, Володя рвется уехать, но теперь его хватают, задерживают, Варя и Ася отнимают чемодан, Елена Федоровна умоляет чуть ли не со слезами: «Дети мои, заклинаю, что бы ни случилось в городе, в мире, вы должны оставаться друзьями. И ты, Володя, и ты, Павлик, и вы, дети, подайте друг другу руки немедленно...» (Ю. Трифонов. Старик).

За пределами патетически возвышенной сферы **заклинание** 2 неуместно, ср.:

— Надежда Сергеевна, — стал диктовать профессор, а Пилипенко вырвал из блокнота лист и начал писать. — Надежда Сергеевна, — опять взмолился профессор, — **заклинаю** тебя небом...

— Ну, ерунда какая-то, — перестал писать Пилипенко. — При чем тут небо?

— Пиши, пиши, — сказал Максимыч. — Чем глупей, тем лучше.
(В. М. Шукшин. Ночью в бойлерной).

Žádost, požadavek, требование

Русское **требование** мы рассматриваем как категорическое побуждение (этим оно отличается от **просьбы**) при отсутствии авторитарной позиции говорящего, а поэтому говорящий и не может быть уверен в том, будет ли каузируемое действие выполнено, или нет. Вслед за Ю. Д. Апресяном мы видим существенную особенность **требования** (в отличие от **приказа, запрета, позволения и просьбы**) в том, что говорящий убежден (в действительности или притворно), что он имеет право настаивать на том, чтобы адресат сделал то, что он, говорящий, хочет от него [Апресян 1969: 22].

Как уже отмечалось, авторы [Mluvnické češtiny, 1987] не выделяют **требование** (*žádost*) в качестве самостоятельного подтипа побуждения, видимо, потому, что оно используется (наряду с каузативом *vyžva*) в качестве общеродового понятия (ср. *žádací výpovědi* ‘побудительные высказывания’). Кроме того, в чешской языковой картине мира различия между **требованием** и **просьбой** не столь очевидны, как в русской, ср.: «Просьба [prosba] и требование [žádost] весьма близки. Различия между ними обуславливаются прежде всего взаимной позицией партнеров. То, чего мы хотим достичь, мы формулируем как просьбу [prosba] тогда, когда наш партнер “стоит над нами” (например, в силу того, что мы уважаем его более высокое общественное положение, положение по службе, возраст, опыт и т. д.), либо наше желание, которое мы намереваемся осуществить, представляется нам несколько нескромным, или же мы хотим пробудить в партнере чувства нам благоприятные и т. п. Требование [žádost] осуществляется в ситуациях, которые характеризуются нейтральным отношением партнеров, которые могут друг друга и не знать, при этом говорящий уверен, что партнер исполнит (должен исполнить) притязания» [Müllerová 1979: 72]. Очень часто речь идет о побуждении, близком к русской **просьбе**, ср. некоторые примеры, содержащиеся в авторском комментарии к побудительному высказыванию персонажа глаголы *žádat* и *požádat*:

Paní Vanda jde nakupovat a žádá manžel: “Prosím tě, nemám drobné, vyměň mi dvacetikorunu za dvě stokoruny!” (Dikobraz)

‘Пани Ванда собирается в магазин и просит мужа: “У меня нет мелочи, разменяй мне двадцатикоронную на две стокоронные!”’

Pan Vincenc žádá číšnici: "Jeden guláš a dobré slovo, prosím."
(Dikobraz)

— *Mně koňak, — požádala Inka.*
(J. Procházka. Hon na lišku)

Господин Винценц **просит** официантку: «Пожалуйста, один гуляш и доброе слово»'

«Мне коньяк», — **попросила** Инка.'

Как мы видим, в приведенных выше примерах как *žádost* характеризуется не категорическое побуждение. Нередко один и тот же побудительный речевой акт может быть охарактеризован и как *prosba*, и как *žádost*, ср.:

Poprosil je o souhlas, avšak konšelé se rozhněvali nad jeho opovázlivostí a žádost hned napoprvé zamítli. (Cibula V. O paláci Kinských)

Он **просил** разрешения, однако членов городского совета рассердила его дерзость и в **просьбе** было сразу же отказано.'

Тем не менее обозначаемый каузативом *žádost* подтип побуждения может быть и категорическим, будучи выражен эксплицитной перформативной формулой, ср.:

Žádám, abyste pracoval svědomitě. (M. Kapek. A je to gól!)

Žádám náhradu škody. (Dikobraz)

Čtenáři se žádají, aby neodnášeli časopisy z čítárny! (пример из [Mluvnice češtiny 1987: 343])

Я **требую**, чтобы вы относились к своей работе ответственно.

Я **требую** возмещения убытков.

Читателей **просят**⁴⁶ не выносить журналы из читального зала.

О том обстоятельстве, что в языковом сознании носителя чешского языка *žádost* обозначает семантическую интерпретацию побуждения, отличную и от *приказа*, и от *просьбы*, достаточно красноречиво, на наш взгляд, свидетельствует и реплика героя романа В. Эрбена, разбуженного следователем среди ночи и услышавшего, что к восьми утра его ожидают в другом городе:

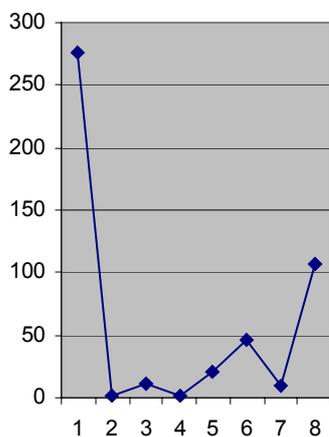
⁴⁶ В современном русском речепотреблении в составе эксплицитных перформативных высказываний типа *Прошу покинуть зал*, *Просьба освободить вагоны* данная лексема выражает не *просьбу*, а *требование* [Булыгина, Шмелев 1997: 290].

Je to prosba, nebo žádost, nebo rozkaz? (V. Erben. Poklad byzantského kupce)

Это просьба, требование или приказ?

Однозначно категоричным является подтип побуждения, который также соотносим с русским *требованием* и обозначается как *požadavek*. По мнению О. Мюллеровой, этот подтип побуждения «в большинстве случаев конкретен и точно обозначен. Его исполнение бывает условием для успешной реализации чего-либо. Из-за своей определенности и настоятельности оно бывает близко к коммуникативным функциям <...> указания, приказа» [Müllerová 1979: 72]. В качестве примера исследовательница приводит реплику *Mami tu ti neprovídej!* 'Мама, не подсказывай ему!' в ситуации игры родителей с детьми.

Обозревая в целом средства и способы экспликации побуждения, маркированного по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия* в современном чешском языке, следует отметить большую, чем для «авторитарных» побудительных высказываний, узуальность побуждения через тематизацию необходимости или возможности и меньшую — через тематизацию действия или его последствий, ср. следующую диаграмму, иллюстрирующую сравнительную употребительность средств и способов экспликации побуждения рассматриваемых типов в текстах SYN2000:

1. Базовые типы иллокутивно универсального побуждения.
2. Базовые типы иллокутивно специализированного побуждения.
3. Периферийные типы иллокутивно универсального побуждения.
4. Периферийные типы иллокутивно специализированного побуждения.
5. Побуждение через тематизацию действия.
6. Побуждение через тематизацию необходимости или возможности действия.
7. Побуждение через тематизацию волеизъявления.
8. Иные способы побуждения.

Naučení, наставление, поучение

Несколько особняком в данной группе побудительных речевых актов стоит *naučení* — *наставление (поучение)*⁴⁷, которое может быть охарактеризовано как побудительный речевой акт, посредством которого каузируется действие (последовательность действий), выполнение которого представляется Говорящему необходимым по соображениям морально-этического порядка. При этом «существенным для данного речевого акта является характер Д: это не одноразовое, обусловленное именно данной ситуацией действие или поведение, а рассчитанное на перспективу. Речевое действие Г представляет собой “инструкцию” для А поступать определенным образом в подобных ситуациях или всегда поступать подобным образом» [Филатова 1997: 106]. Говорящий считает себя вправе направлять действия Исполнителя либо в силу своего более высокого социально-нравственного статуса⁴⁸, либо если он апеллирует к некоему достаточно высокому моральному авторитету — к пословицам, поговоркам, крылатым выражениям и т. п., ср. чешск. *Co tam, to tam (pro to si hlavu nelam), Darovanému koni na zuby nehled', Dočkej času jako husa klasu, Co můžeš udělat dnes, neodkládej na zítřek, Ševče, drž se svého kopyta, Moudrému napověz, hloupému dolož, Na chytrého mrkni, hloupého trkni, Neříkej hop, dokud nepřeskočíš, Nejásej předčasně, Dvakrát měř, jednou řež, Pospíchej pomalu, Nechval dne před večerem;*

⁴⁷ Так данный подтип побуждения обозначен в [Прокопчик 1955: 11], [Немешайлова 1961: 15].

⁴⁸ Любоимов: «Любой побудительный акт имеет прагматическую презумпцию ‘коммуниканты осведомлены о взаимных правах и обязанностях’ [Любоимов 1984: 9].

русск. *Пришла беда — **отворяй** ворота, **Не выноси** сор из избы, Честное дело **делай** смело, **Терпи**, казак, атаманом будешь, **Не бойся** собаки брехливой — **бойся** молчаливой, **Куй** железо, пока горячо, **Коси** коса, пока роса, **Не зная** броду, **не суйся** в воду, **Хочешь есть** калачи, так не **лежи** на печи, **Заварил** кашу, сам ее и **расхлебывай**, **Взялся** за муж, **не говори**, что не дюж, **Назвался** груздем — **полезай** в кузов, **Не рой** другому яму — сам в неё **попадешь**, **Всяк сверчок** **знай** свой шесток, **Умному** **подскажи** — а дураку в рот **положи**, **Не говори** «гон», пока не **перепрыгнешь**, **Семь раз** **отмерь**, один раз **отрежь**, **Не сули** журавля в небе, а **дай** синицу в руки, **Хвали** день по вечеру⁴⁹.*

Принятая нами формула побудительного речевого акта в случае с побуждением рассматриваемых типов принимает следующий вид:

Говорящий сообщает Слушающему о *необходимости* осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* осуществления Агенсом данного действия обусловливается существующими в данном социуме морально-этическими нормами (т. е. *интересами* социума в целом).

1.5. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, МАРКИРОВАННЫЕ ПО ПРИЗНАКУ ИНДИКАЦИЯ ПОЛЕЗНОСТИ ДЛЯ АГЕНСА КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ / ВОЗДЕРЖИВАНИЯ ОТ ДЕЙСТВИЯ

Маркированными по признаку *индикация полезности для агенса каузируемого действия / воздерживания от действия* оказываются такие побудительные высказывания, как чешские *rada, doporučení, varování, výstraha, vyhrůžka, vydírání, upozornění*, русские *совет, рекомендация, предостережение, угроза, шантаж, предупреждение*.

Принятая нами формула побудительного речевого акта в случае с данными типами побуждения принимает следующий вид:

⁴⁹ Показательно, что в источнике приведенных примеров [100 ilustrovaných přísloví 1993], содержащем функционально соотносительные пословицы и поговорки в различных европейских языках, русские пословицы заметно чаще оказываются оформленными императивной конструкцией, чем пословицы чешские.

Говорящий сообщает Слушающему о *необходимости и возможности* осуществления / неосуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление / неосуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* осуществления / неосуществления Агенсом данного действия обуславливается *интересами* Агенса.

Апелляция к интересам Исполнителя может рассматриваться как дальнейшее, по сравнению с обоснованием побуждения, «снижение императивности» [Баранов 1988: 17]. Основными в данной группе побудительных интерпретаций следует считать, безусловно, *совет* (чешск. *rada*) и *предостережение* (чешск. *varování*). Мы склонны согласиться с Дж. Р. Серлем, рассматривавшим предостережение как «доведение до сведения С, что событие Е не соответствует интересам С», а совет — как «доведение до сведения С, что действие Д соответствует его интересам» [Searle 1969: 67].

В побудительных высказываниях рассматриваемого типа на передний план выступает понятие *полезности* (*пользы, бенефактивности*) каузируемого действия, присутствующего, естественно, и в побудительных речевых актах иных типов, ср.: «целью произнесения императивного высказывания является не только стимулирование некоторого действия, но и достижение вследствие его осуществления определенного результата. Говорящий прогнозирует этот результат и оценивает его как полезный для себя самого и / или для другого лица. Этот результат может быть непосредственным следствием реализации каузируемого действия — некоторым физическим или эмоциональным состоянием субъекта (Have a rest, Calm yourself, Help me, Don't bother me, Leave him alone), либо представлять собой более отдаленные последствия этого действия. Такой результат, положительно оцениваемый говорящим, будем называть “пользой” (бенефактивностью)» [Акимова 1988: 7]. О важности данного критерия для структурирования императивности см. также [Ласка, Новицкая 1988: 70-71], [Беляева 1992: 15].

Взаимная соотнесенность *совета* и *предостережения* в обоих сопоставляемых языках очевидна, ср.:

<i>Varuji tě, abys tam chodil!</i> /	<i>Я предостерегаю тебя от похода</i>
<i>Neradím ti, abys tam chodil!</i>	<i>туда' / Я не советую тебе туда</i>
= <i>Radím ti, abys tam</i>	<i>ходить = Я советую тебе туда не</i>
<i>nechodil!</i>	<i>ходить.</i>

Rada, doporučení, совет, рекомендация

Анализируя прагматические варианты совета, Е. И. Беляева различает «инициативный» совет, к прагматическим пресуппозициям которого относятся (1) предположение говорящего о том, что адресат собирается совершить действие D_1 и (2) мнение говорящего, что альтернативное действие D_2 будет для адресата более полезным [Dijk 1981: 38], и «реактивный» совет, ситуация которого возникает в силу следующих пресуппозиций: (1) адресат находится в затруднительном положении относительно правильного выбора действия из-за отсутствия опыта или компетентности; (2) адресат считает, что говорящий более компетентен / опытен и может определить оптимальный выход из существующей ситуации; (3) адресат хочет знать мнение говорящего и обращается к нему с запросом.

Вариантами «инициативного» совета являются:

(а) «помогающий» совет, когда говорящий предлагает свой вариант решения, высказывая мнение о его целесообразности;

(б) «заинтересованный» совет, когда каузируемое действие бенефактивно не только для адресата, но и для самого говорящего;

(в) «совет-наставление», когда говорящий, отрицательно оценивая существующее положение дел и не принимая во внимание отношение адресата к этому положению, пытается контролировать его действия, отчего совет приобретает характер неделикатного вмешательства в личную жизнь адресата;

(г) «критический» совет, когда коммуникативной целью говорящего является не столько каузировать действие, сколько обратить внимание на неадекватность поведения адресата;

(д) «совет-предупреждение», когда говорящий пытается предотвратить опасную либо явно неблагоприятную для адресата ситуацию.

Вариантами «реактивного» совета являются:

(а) профессиональный совет;

(б) бытовой совет, см. [Беляева 1992: 118-121].

Между русским и чешским *советом* много общего, и это вполне закономерно, так как речь идет об одной из наиболее социально значимых побудительных интерпретаций, различия же между ними мы склонны видеть в следующем:

Совет представляет по своей сути вторжение в личностную сферу собеседника: советующий навязывает свое мнение, принимая на себя ответственность за последствия своего совета (здесь *совет* способен смыкаться с *убеждением* и даже с *приказом*⁵⁰). Кроме того, советом Говорящий постулирует свое превосходство над собеседником в знаниях (пусть и превосходство, ограниченное конкретной сферой) и жизненном опыте (вспомним фамусовское *Спросили бы, как делали отцы! Учились бы, на старших глядя*), что также может рассматриваться собеседником при определенных обстоятельствах как нечто для него обидное. Чех бережет свою личностную сферу от посягательств извне гораздо бережнее, чем русский, и гораздо более деликатен в отношении личностной сферы собеседника⁵¹, поэтому чешский *совет* (если, конечно, это не замаскированное *требование* или *просьба*) в целом менее настоятелен, чем русский⁵². В этом плане весьма характерными, на наш взгляд, являются следующие примеры — русский пример, в котором совет дается «со слезами на глазах» (настолько близко к сердцу говорящий принимает интересы адресата) и чешский пример, в котором Говорящий (близкий друг собеседника!) усиленно дистанцируется от ответственности за последствия казулируемого действия:

⁵⁰ [Мужики вытаскивают налива из-под коряги:] *«Не тащи за губу, не тащи, — выпустишь! За зебры хватай его, за зебры хватай! Опять почал рукой тыкать! Да и беспонятный же мужик, прости Царица Небесная! Хватай!»* / *«Хватай»*... — дразнит Герасим. — *Командер какой нашелся... Шел бы да и хватал бы сам, горбатый черт ... Чего стоишь?»* (А. П. Чехов. *Налим*).

⁵¹ Ср. «Российский коллективизм уходит своими корнями в глубину истории и не исчерпывается семьдесятю годами строительства коммунизма, хотя несомненно и то, что эти семьдесят лет усилили рассматриваемое свойство. На повседневном уровне данное свойство проявляется, например, в том, что незнакомые и малознакомые люди дают друг другу советы и делают замечания относительно поведения и одежды; в очереди, лифте и общественном транспорте принято стоять очень близко, даже когда для этого нет серьезных причин; многие проявления неконформизма вызывают осуждение или подозрительность общества и т. п.» [Городецкая 1996: 296], аналогично в [Гудков 1997]. О чешском образе мира см. [Гачев 1997: 566-621]. Довольно остроумно о русском и европейском отношении к советам рассуждается в романе Б. Акунина «Алтын Толобас».

⁵² Интересно, что лишь в чешских (но не в русских) работах мы встречали при характеристике *совета* упоминание о возможной коннотации «неуверенности говорящего, что то, что он советует, действительно хорошо» [Příruční mluvnice češtiny 1996: 607].

Пример русского совета

<...> все говорили о Маше, труппа **советовала** ему «рискнуть», а Лимонадов убеждал со слезами на глазах: «Глупо и нерационально отказываться от такого случая! Да ведь за этикие деньги можно не только жениться, в Сибирь пойти можно! Женишься, построишь свой собственный театр, и бери меня тогда к себе в труппу. Не я уж тогда владыка, а ты владыка». (А. П. Чехов. Трагик);

Пример чешского совета

“Nic jsem neslyšel,” skočil mu do řeči Nejezchleb. <...> “Nic jsem neslyšel, dovolte mi, abych řekl svůj zcela soukromý, podotýkám zcela soukromý názor. Nuže: musíte trpělivě vyčkat, co bude zítra. **Radím** vám, jak bych se zachoval já, kdybych byl ve vaší situaci — nechte pokoj vašeho syna, jak je, což bude asi nejrozumnější.” (V. Erben. Bláznova smrt)

‘«Я ничего не слышал, — перебил его Неезхлеб. <...> — Я ничего не слышал, позвольте мне лишь изложить мое личное, подчеркиваю, личное мнение. Я **советую** вам так, как поступил бы я на вашем месте — оставьте все в комнате вашего сына, как оно там стоит, это будет разумнее всего.»’

В русской языковой картине мира **ситуация рекомендации** отличается от **ситуации совета** прагматической презумпцией ‘говорящий обладает профессиональной компетенцией’» [Филатова 1997: 13], ср.: [врач-психиатр:] *По-человечески же, исходя из жизненного опыта, я **порекомендовал бы** [применить] электрошок и флeосо-держажие препараты.* (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

В чешской же языковой картине мира различия между «советом» (*rada*) и «рекомендацией» (*doporučení*), как нам представляется, минимальны и сводятся к валентностным особенностям глаголов *radit* ‘советовать’ и *doporučovat* ‘рекомендовать’ (впрочем, актуальным и в русском языке⁵³): «рекомендовать» мы можем и «что-то», и «что-то делать», тогда как «советовать» — только «что-то делать».

⁵³ Ю. Д. Апресян выделяет РЕКОМЕНДОВАТЬ 1 и РЕКОМЕНДОВАТЬ 2 [Апресян 1995. Т. 2: 201].

Varování, výstraha, vyhrůžka, vydírání, предостережение, угроза, шантаж

Под **предостережением** (чешск. **varování, výstraha**) понимается такое побуждение, неисполнение которого может иметь для адресата неблагоприятные последствия, ср.:

Posad' se, budou tě bolet nohy. 'Садись, а то заболят
(V. Erben. Poklad byzantského kurce) ноги.'

Если в качестве этих последствий подразумеваются какие-либо санкции говорящего по отношению к адресату, можно говорить о перерастании **предостережения** в **угрозу** (чешск. **vyhrůžka**), ср.:

Chuligáni! Jestli toho hned 'Хулиганы! Если вы это не
nenecháte, zavolám na esenbé!' *прекратите, я звоню в поли-*
(V. Erben. Poklad byzantského *цию!*
kurce)

Серьезность санкций может превратить **угрозу** в **шантаж**, ср.:

Nejprve jsem tu vynadal a požádal 'Сначала я с ним поругался и
ho, aby se té práce vzdal. S tím *потребовал отказать от*
jsem ovšem nepochodil. Nezbylo mi *этой работы. Успеха я не имел.*
nic jiného, než jít tvrdě na věc a *Тогда мне ничего не остава-*
začít vyhrůžovat. A chcete-li, přímo *лось, как взяться за дело всерьь-*
vydírat. (M. Švandrlík. Vražda *ез и начать угрожать. Если*
mlsného humoristy) *хотите, просто шантажиро-*
вать.'

Русскому **предостережению** в чешском языковом пространстве соответствуют два подтипа побуждения: **varování** и **výstraha**, ср. данные большого чешско-русского словаря под ред. Л. В. Копецкого и Й. Филиппа (1976):

výstrah||a¹³², -y *ž* предостережение *s*, предупреждение *s*; **důtka s ~ou** выговор с предупреждением; **dát komu ~u** предостеречь, остеречь *кого*; **na n pro ~u** в качестве предостережения; **pro ~u druhým** в назидание другим [ЧРС 1976].

var||ovati³⁵⁵, -uji *nedok. koho před kým, čím* предостерегатьI, остерегатьI *кого от чего*, предупреждатьI *кого о чём*; *v min. též dok. ~oval ho* он предупреждал / предупредил его [ЧРС 1976].

Как мы видим, *varování* [глагольное существительное от *varovat*] и *výstraha* переводятся на русский язык одинаково. Различия же состоят в том, что обязательным элементом побудительного речевого акта одного типа (*varování*) является тематизация каузируемого действия, а обязательным элементом другого (*výstraha*) — тематизация возможных негативных последствий альтернативного поведения, ср. [Grepš, Karlík 1986: 76-77]; [Mluvnice češtiny 1987: 343-345]; [Příruční mluvnice češtiny 1996: 617-619].

Upozornění, предупреждение

Удачное определение *предупреждения* предлагает Е. А. Филатова, понимая под ним «речевой акт, посредством которого Г[оворящий] выражает желание опередить действия А[дресата] таким образом, чтобы сориентировать его на (более) осторожное, осмотрительное, продуманное и т. п. поведение» [Филатова 1997: 107]. *Предупреждение* (чешск. *upozornění*) близко *предостережению* (чешск. *varování*), ср. чешский пример и его русский перевод:

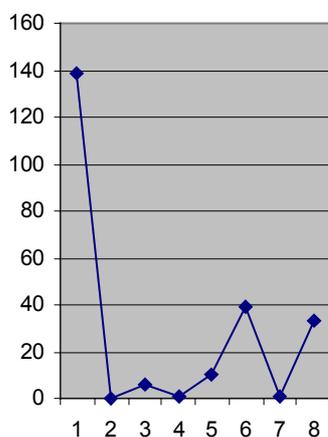
<p><i>Pěkná uchazečka o filmovou roli měla konečně v rukou pozvánku na pohovor s režisérem. / "Stanislavo, nechci ti kazit radost," varuje ji přítelkyně, "ale ten chlap je velice nebezpečný. Jen co tě bude mít v pracovně, je schopen na tobě roztrhat šaty" / "Děkuji za upozornění. Vezmu si na sebe něco staršího". (Dikobraz)</i></p>	<p><i>'Симпатичная претендентка на роль в фильме наконец получила приглашение на собеседование с режиссером. / «Станислава, я не хочу портить тебе радость, — предостерегает ее приятельница, — но этот парень очень опасен. Когда ты окажешься у него в кабинете, он способен разорвать на тебе платье» / «Спасибо за предупреждение. Я надену что-нибудь не новое».'</i></p>
--	--

Отличие *предупреждения* от *предостережения* мы склонны видеть в том, что объектом бенефактивности при *предупреждении* может быть не только адресат, но и говорящий, ср.: *Щука высунулась из бабды и выставила плавник, схваченный у основания металлическим зажимом. На зажиме я прочитал: «Запущен сей экземпляр в Солове-реке 1854 год. Доставить в Е. И. В. Академию наук, СПб». «Старухе не говори, — предупредила щука. — С плавником ото-*

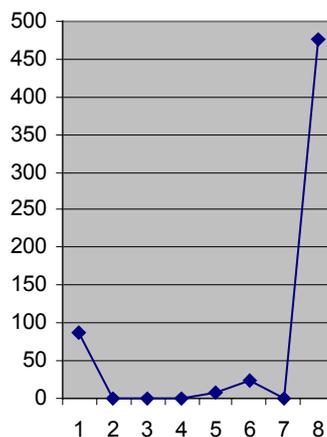
рвет. Жадная она». (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начитается в субботу).

Обозревая средства и способы экспликации побуждения рассматриваемых типов в современном чешском языке, нельзя не отметить того обстоятельства, что в то время как для *совета* или *рекомендации* в целом характерно то же распределение средств и способов побуждения, что и для большинства побудительных речевых актов (при заметно большей нагруженности моделей, связанных с тематизацией необходимости или возможности каузируемого действия), при экспликации *предостережения* (*varování*) и особенно *предупреждения* (*upozornění*) говорящий нередко избегает не только конструкций с синтетическим или аналитическим императивом или перформативом, но и «стандартных» способов экспликации побуждения (через тематизацию действия, тематизацию возможности или необходимости, тематизацию волеизъявления), ср. следующие диаграммы, иллюстрирующие сравнительную употребительность средств и способов экспликации побуждения рассматриваемых типов в текстах SYN2000:

rada, doporučení

varování, upozornění

1. Базовые типы иллюкутивно универсального побуждения.
2. Базовые типы иллюкутивно специализированного побуждения.

3. Периферийные типы иллокутивно универсального побуждения.
4. Периферийные типы иллокутивно специализированного побуждения.
5. Побуждение через тематизацию действия.
6. Побуждение через тематизацию необходимости или возможности действия.
7. Побуждение через тематизацию волеизъявления.
8. Иные способы побуждения.

1.6. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, НЕ МАРКИРОВАННЫЕ ПО НАЗВАННЫМ ВЫШЕ ПРИЗНАКАМ

Не маркированными по рассмотренным выше признакам являются такие разновидности побуждения, как чешские *nabídka, pozvání, návrh, vybídnutí, výzva*, русские *предложение, приглашение, призыв*.

Побудительные речевые акты данного типа не содержат в своей смысловой структуре семы *необходимости*, и принятая нами формула побудительного речевого акта имеет следующий вид:

Говорящий сообщает Слушающему о *возможности* осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения.

Nabídka, pozvání, návrh, vybídnutí, предложение, приглашение

При *предложении* речь идет о таком действии или поведении Агенса, которое Прескриптор оценивает как возможное, при этом (в отличие от *совета*) безразлично, в чьих интересах — Прескриптора, Агенса или кого-то еще данное действие совершается.

Следует отметить, что чешский язык структурирует данный участок поля императивности более подробно, чем русский.

Так, чешский язык лексически различает *предложение*₁ (говорящий не только каузирует действие, но и берет на себя определенные обязательства — речь идет, таким образом, о гибридном речевом акте, совмещающем в себе признаки директива и комиссива) и *предложение*₂ (чистый директив).

Русскому *предложению*₁ соответствует *nabídka, предложению*₂ — *návrh, vybídnutí*, ср.:

Můžete bejvat s paničkou u nás, ‘«Вы с женой можете останавли-

— **nabízel** mu Seydl a bylo vidět, že to myslí upřímně, — nebo tady u Maštalířů nebo jinde, kde budete chtít. (J. Procházka. Studna)

“Dejme si zdravíčko,” **navrhoval** za všeobecného souhlasu Vaněk. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

ваться у нас, — **предлагал** Сейдл, и было видно, что он говорит от души, — или у Машталиржа или гденибудь еще, как захотите.»’

‘«Сыграем “здоровьице”», — **предложил** Ванек под общим одобрительный гул.’ (перевод П. Богатырева)

К предложению ₁ близко приглашение (чешск. *rozváni*), характеризующееся, по нашему мнению, пресуппозицией ‘говорящий правомочен обеспечить выполнение адресатом каузируемого действия’, ср.:

— *Přijed'te v létě, tady je moc krásně*, — **zval** ho Seydl a vzal si Maštalíře za svědka: — *Že jo, Jožko?* (J. Procházka. Studna)

‘«Приезжайте летом, здесь очень красиво», — **пригласил** его Сейдл и обратился к Машталиржу как к свидетелю: «Правда, Йошка?»’

Мы склонны не соглашаться с авторами, определяющими **приглашение** как побудительный речевой акт, бенефактивный и для адресата, и для говорящего [Беляева 1992: 19], [Филатова 1997: 110], ср. следующий пример, в котором об особой «полезности» для говорящего каузируемого действия речи быть не может: *Он немного еще подумал и пригласил своего спутника: «Кушай, Бегемот».* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Далее, **предложению** ₂ в чешском также соответствуют два подтипа: **návrh** и **vybídnutí**, последовательно выделяемые в чешских работах, ср. [GrepI, Karlík 1996: 75-77]; [Mluvnice češtiny, 1987: 342-343]; [Příruční mluvnice češtiny 1996: 600, 607], хотя на взгляд через призму русского языкового сознания они различаются весьма незначительно, ср. приводимые авторами [Mluvnice češtiny 1987] примеры:

Návrh:

Co abys ho pozval? 'Не позвать ли его тебе?';
Co abychom ti koupili hodinky? 'Не купить ли нам ему часы?';
Co kdybychom ti koupili hodinky? 'Не купить ли нам ему часы?';
Můžeš / Mohl bys ti (snad, třeba) zatelefonovat 'Ты можешь / Ты бы мог (наверное) ему позвонить?';
Že bys ti (třeba, snad) zatelefonoval? 'Не позвонить ли тебе ему?';
Snad (možná), abys ti zatelefonoval 'Может, тебе ему позвонить?';
Navrhuji ti, abys ještě počkal / abys už nečekal. 'Я предлагаю тебе еще подождать / уже не ждать?';
Navrhuji, abychom to odložili / to odložit 'Я предлагаю это отложить?'

Vybídnutí:

Raďte se u nás posadit 'присаживайтесь, пожалуйста';
Neposadíte se na chvíli? 'Не присядите на минутку?';
Pojď(te) si zahrát karty 'Давайте-ка сыграем в карты';
Pojďme si zahrát karty 'Давайте-ка сыграем в карты';
Zahřejte si karty 'Давайте сыграем в карты';
Nezahrajete si karty? 'В карты не сыграем?'

Различия между этими двумя подтипами побуждения мы склонны видеть в следующем: **vybídnutí** представляет собой «каузацию действия в чистом виде», то, что Е. В. Падучева называет **простым побуждением** [Падучева 1996: 79], тогда как **návrh** не исключает (хотя далеко не всегда содержит!) коннотации 'каузируемое действие может быть полезно для адресата' (не случайно в [Grep], Karlík 1996] и [Mluvnice češtiny, 1987] этот подтип рассматривается в одном параграфе с **советом**).

Отсутствие маркированности по признаку *уверенность / неуверенность в праве побуждать* (ср. маркированные **приказ, команда, требование, просьба**) и по признаку *бенефактивность* (ср. маркированные **совет, предостережение**) сближает **предложение** с **призывом**, для которого характерна, по нашему мнению, своего рода неконкретность, временная и персональная нелокализованность, **призыв** адресован как бы всем и каждому.

Výzva, призыв

Иногда к релевантным условиям *призыва* относят также определенную степень его социальной или этической мотивированности — каузируемое действие осуществляется не непосредственно в интересах говорящего или адресата, а в интересах социума в целом: *Соблюдайте чистоту! Будьте взаимно вежливы!* (ср., например, [Mluvnice češtiny 1987: 343], [Flídrová 1980: 217], [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 313-314]), и тогда *призыв* оказывается, таким образом, тоже маркированным — по признаку *бенефактивность*. Гораздо чаще, однако, побуждение квалифицируется в тексте (письменном и устном) в качестве *призыва* тогда, когда автор не хочет конкретизировать, какой именно функциональный подтип побуждения имеется в виду, или же когда это не так уж и важно, ср.: *Наш призыв к читателям звонить и писать письма не остался без ответа. Звонят и пишут, высказывают пожелания и задают вопросы.* (газета ЭкстраМ, 1996, № 28 (215) 20 июля 1996). Р. А. Кулькова, описывая средства выражения побуждения в современном русском языке, отметив, что синтетические императивные формы 2 л. ед. и мн. числа выражают *приказ, просьбу, совет, пожелание, разрешение*, далее пишет о «синтаксических способах сигнализации побудительности», которые могут выражать, в частности, «*призыв* [выделено нами — А. И.] к собеседнику принять участие в действии, осуществлением которого намерен заняться говорящий» [Рябова, Одинцова, Кулькова 1992: 156]. Очевидно, что инклюзивное побуждение, о котором идет речь, может быть и приказом, и просьбой, и требованием, ср. аналогичное употребление (в качестве общеродовых) терминов *призыв, призывная функция* в [Исаченко 1960: 491], [Виноградов 1972: 467], [Русская грамматика 1979: 193], [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 231]. В речепотреблении чешском подобное использование лексем *výzva, vyzvat* — явление обычное, ср. некоторые примеры:

— *Posaďte se, pane nadporučíku,*
— *vyzval ho Čadek, — hned tu*
bude útulněji. (J. Procházka. Non
na lišku)

‘«*Присаживайтесь, господин*
надпоручик, — пригласил [букв.
призвал] его Чадек, — сейчас
здесь станет уютнее..’

Vyzvala ostatní: — Pojd'te, lidi!

‘Она *позвала [букв. призвала]*

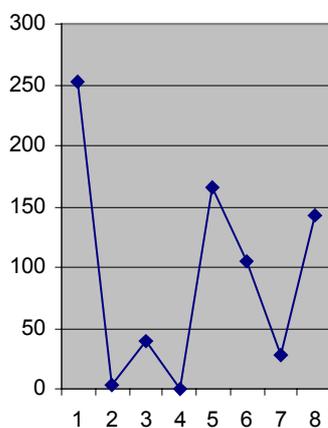
(J. Procházka. Vrah se skrývá v poli)

Zeman se tázavě obrátil na Hradce, ten ho však klidně vyzval: Můžeš říci všechno, Honzo. Soudruh Wilde už tady se mnou dlouho spolupracuje na mých úkolech.
(J. Procházka. Bílé linky)

остальных: «Идемте, люди!»

‘Земан вопросительно посмотрел на Градца, но тот спокойно сказал [букв. призвал]: «Говори все, Гонза. Товарищ Вильде уже давно со мной здесь сотрудничает»’

Обозревая средства и способы экспликации побуждения рассматриваемых типов в современном чешском языке, следует отметить меньшую, по сравнению с многими другими типами побуждения, употребительность конструкций с синтетическим императивом и относительно высокую нагруженность моделей, связанных с обращением к тематизации возможности и прежде всего к тематизации каузируемого действия, ср. следующую диаграмму, иллюстрирующую сравнительную употребительность средств и способов экспликации побуждения рассматриваемых типов в текстах SYN2000:

1. Базовые типы иллокутивно универсального побуждения.
2. Базовые типы иллокутивно специализированного побуждения.
3. Периферийные типы иллокутивно универсального побуждения.

4. Периферийные типы иллокутивно специализированного побуждения.
5. Побуждение через тематизацию действия.
6. Побуждение через тематизацию необходимости или возможности действия.
7. Побуждение через тематизацию волеизъявления.
8. Иные способы побуждения.

1.7. ИЛЛОКУТИВНО НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЕ ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Как отмечается в специальных исследованиях, прототипическим вариантом директивного иллокутивного акта является акт побуждения с обобщенной семантикой, не сводимой ни к одному из перформативных или иллокутивных глаголов типа *приказывать, просить, советовать...* [Бергельсон 1988: 22]. Иногда (и весьма нередко) возможность обращения к такому недифференцированному побуждению оказывается кстати, так как порой «даже говорящий может не иметь ясного представления о своих собственных намерениях» [Palmer 1982: 88]. Существует множество ситуаций, когда иллокутивную силу побудительного речевого акта однозначно представить вообще невозможно, ср.: *Если можете, то женитесь на Лизавете Николаевне, — заговорил вдруг Маврикий Николаевич, и что было всего любопытнее — никак нельзя было узнать по интонации голоса, что это такое: просьба, рекомендация, уступка или приказание.* (Ф. М. Достоевский. Бесы).

Часто подобная многозначность изначально замысливается говорящим. Так, герой ряда романов Вацлава Эрбена, ироничный и несколько склонный к эффектным сценам следователь Экснер с удовольствием пользуется возможностью одновременно выступать как бы сразу в двух ипостасях — (1) как светский молодой человек, предпочитающий *просить, советовать, предлагать*, и (2) как находящийся при исполнении своих служебных обязанностей следователь, который вправе рассчитывать на то, что его слова будут восприняты с должным пиететом. Экснер нередко обыгрывает эту двусмысленность своей социальной позиции, ср.:

“Jenom maličkost, ” mladý muž *«И еще кое-что,» молодой человек тоже встал, «хорошо бы вам*
rovněž vstal, “kdybyste považoval

náš rozhovor za zcela důvěrný...» / "To je příkaz?" zeptal se Hugo Bažant a svlékl bílý plášť. / "Prosba." / "Prosbu splnit můžu. Na shledanou, pane... pane..." / Mladý muž se uklonil. "Exner. Michal Exner, kapitán." (V. Erben. Blázňova smrt)

рассматривать нашу беседу как доверительную...» / «Это приказ?» спросил Гуго Бажант, снимая белый халат. / «Просьба.» / «Просьбу выполнить я могу. Всего хорошего, господин... господин... / Молодой человек поклонился. «Эксер. Михал Эксер, капитан.»

Сознательная неточность в квалификации коммуникативной интенции говорящего является средством создания комического эффекта, ср.: «*Борщ сегодня, Борис Савельич, бефстроганов с пюре, если подождете, картофель поджарю, — она наклонилась к нему, — есть бутылочка коровьего.*» / «*Поджарьте,*» — величественно **разрешил** Борис (А. Рыбаков. Дети Арбата; пример Е. А. Филатовой). Поскольку реплика-стимул (если подождете, картофель поджарю) является не **просьбой**, а **предложением**¹, реакцией на нее должно быть согласие / несогласие-благодарность, а не **разрешение**.

По нашему наблюдению, недифференцированность побуждения характерна для чешского речеупотребления в значительно большей степени, чем для русского, что проявляется, в частности, в том, что в чешских текстах (письменных и устных), в отличие от текстов русских, в сообщениях об имевших место побудительных речевых актах либо в комментарии к цитируемому речевому акту наиболее употребительным интерпретирующим предикатом является именно *vyzvat* ≈ 'призвать, побудить'.

Глава 2. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПОДКАТЕГОРИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ИМПЕРАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

2.1. БАЗОВЫЕ ТИПЫ ИЛЛОКУТИВНО УНИВЕРСАЛЬНОГО ПОБУЖДЕНИЯ 2 ЛИЦА

И в чешском, и в русском языках конструкции с формами синтетического императива 2 лица ед. и мн. числа выступают как основное средство выражения побуждения, обозначая наиболее характерную с прагматической точки зрения директивную ситуацию. Однотипность морфологической структуры и семантическая однородность данных форм позволила В. С. Храковскому счесть побудительные высказывания с ними эталонными повелительными предложениями [Теория... 1990: 190]. Не будучи осложнены никакими дополнительными коннотациями, не сигнализируя ни о наличии, ни об отсутствии тех признаков, которые дифференцируют различные социально значимые разновидности побуждения (*приказ, совет, просьба* и т. д.), конструкции с синтетическими императивными формами наиболее универсальны, а потому и наиболее употребительны. Дифференциация же различных оттенков побуждения легко осуществляется с помощью соответствующего просодического оформления⁵⁴, а также лексико-синтаксических средств, которые сужают его коммуникативный потенциал, уточняя его иллокутивное предназначение. Как отмечает И. М. Кобозева, предложение *Ну прочтите же это письмо!* интерпретируется только как (повторная) просьба, мольба, но не предложение, совет или разрешение; *Прочтите, если хотите, это письмо* — предложение, но не просьба,

⁵⁴ Так, «императивные высказывания до включения интонации содержат еще не выраженные эмоционально-смысловые отношения, т. е., согласно концепции А. В. Бондарко, обладают потенциальной, а не результативной функцией» [Брызгунова 1988: 29]. Тем не менее ситуации, когда соответствующее просодическое оформление домысливается самим реципиентом, вполне обычны, ср. восприятие любого письменного текста, где интонация, как правило, не фиксируется.

совет или разрешение; *Так и быть, прочтите это письмо* — разрешение, но не совет, предложение или просьба; *Прочтите, разве что, это письмо* — совет, но не разрешение, предложение или просьба. В основе такого семантического эффекта лежит взаимодействие значения модального слова (частицы) с модальной рамкой конкретной разновидности побуждения, отбираются те, которые не противоречат значению модального слова (частицы) [Кобозева 1988: 64], ср. аналогичные чешские примеры: *Posaďte se! No tak se přece posaďte! Jen se posaďte. Tak se jen pěkně posaďte! Posaďte se laskavě. Klidně se posaďte* [Mluvnice češtiny, 1987].

Об употребительности тех или иных лексических единиц в составе рассматриваемых конструкций можно судить по их представленности в «Чешском национальном корпусе».

В текстах SYN2000 более десяти раз употреблены формы 2 лица единственного числа 510 глаголов и формы 2 лица множественного числа 870 глаголов.

Формы 2 лица единственного числа:

vidět — 8078 употреблений; *jít* — 2578; *srovnat* — 2079; *dát* — 2026; *nechat* — 1188; *řeknout* — 1121; *počkat* — 1001; *podívat se* — 943; *být* — 929; *riskovat* — 806; *starat se* — 706; *dělat* — 674; *brát* — 669; *stát se* — 653; *nebát se* — 541; *promínout* — 471; *slyšet* — 448; *běžet* — 446; *číst* — 397; *říkat* — 396; *zapomenout* — 377; *vzít* — 369; *věřit* — 366; *mít* — 357; *váhat* — 353; *poslouchat* — 351; *rozumět* — 337; *ukázat* — 332; *koukat* — 330; *zkusit* — 327; *udělat* — 322; *točit* — 309 (в большинстве случаев название *Neváhej a toč*); *otevřít* — 304; *odpustit* — 304; *držet (se)* — 303; *vrátit (se)* — 293; *přijít* — 270; *napsat* — 266; *zlobit (se)* — 257; *přestat* — 244; *zaplatit* — 240; *chodit* — 239; *povědět* — 236; *hrát* — 221; *pustit* — 220; *mlčet* — 214; *pamatovat* — 214; *zůstat* — 206; *povídat* — 204; *dávat* — 199; *dívat* — 193; *potenci* — 191; *sednout* — 191; *hledět* — 188; *myslet* — 179; *chránit* — 177; *jet* — 177; *hádat* — 176; *milovat* — 175; *odpovědět* — 167; *vypadnout* — 166; *spát* — 165; *dovolit* — 164; *zavolat* — 162; *psát* — 157; *probudit (se)* — 149; *zeptat se* — 147; *vzpomenout* — 145; *snažit se* — 143; *hledat* — 141; *padnout* — 134; *vstát* — 134; *zavřít* — 125; *plakat* — 125; *čekat* — 122; *táhnout* — 121; *ptát se* — 116; *přečíst* — 115; *posadit se* — 114; *uklidnit se* — 112; *smilovat se* — 111; *kouknout (se)* — 110; *šeptat* — 105; *blbnout* — 101; *hodit* — 101; *zachránit* — 100; *lézt* — 99; *vítat* — 98; *najít*

— 98; zpívat — 96; sbalit — 92; vybrat — 90; učit (se) — 89; přijet — 84; poslechnout — 84; pozdravovat — 83; připravit (se) — 82; sloužit — 81; začít — 81; utíkat — 80; poznat — 78; čarovat — 78; pohledět — 78; vejít — 77; bláznit — 77 (только с отрицанием); ničit — 75; vstávat — 74; zabít — 72; žít — 71; chytit — 70; zahrát — 70; vysvětlit — 69; pokračovat — 68; zapomínat — 67; přebrat — 67; zmizet — 66; přijmout — 64; vést — 64; vyřídít — 63; odejít — 62; kecat — 62; spasit — 61; ozvat se — 61; pospíšit — 61; uvědomit si — 61; pít — 60; letět — 60; žehnat — 60; skočit — 60; sedět — 58; měřit — 58; všimnout si — 57; schovat — 57; naučit (se) — 57; otočit (se) — 57; sebrat — 56; vědět — 56; rušit — 54; půjčit — 54; přidat — 53; vydržet — 53; přiznat se — 52; sehnat — 52; pracovat — 52; modlit se — 51; políbit — 50; trápit (se) — 50 (только с отрицанием); přemýšlet — 50; bavit (se) — 49; zvednout — 49; ochraňovat — 49; učinit (se) — 49; utéci — 48; přát — 48; opouštět — 47; obrátit (se) — 47; počítat — 47; zelenat — 47; rozdělit — 46; podržet — 45; snít — 45; soudit — 45; sledovat — 45; brečet — 44; plést (se) — 44 (только с отрицанием); křičet — 44; vyprávět — 44; jednat — 43; položit — 43; šetřit — 43; lehnout — 43; napít — 43; zachovat — 42; vzpramátovat se — 42; dohnat — 42 (в большинстве случаев название Дожей, со se dá); odházet — 41; divit se — 41; zbavit (se) — 41; hlídat — 41; prostrít — 40; lhát — 40; opakovat — 40; vzbudit (se) — 39; pomáhat — 39; všimat si — 38; chovat se — 38; spěchat — 38; vykašlat — 37; říci — 37; přivést — 37; přepnout — 37; panovat — 37; přísahat — 36; zkoušet — 36; rozmyslet si — 36; uhnout — 36; patřit — 36; pouštět — 35; pomyslet — 35; lámat — 35; nalít — 34; povážet — 34; pohnout — 34; přinést — 34; strašit — 33; střílet — 33; sundat — 33; uvést — 33; navalit — 33; orodovat — 33; stydět se — 33; uvažovat — 33; postarat se — 33; vařit — 32; vykládat — 32; rozčilovat se — 32; kát se — 31; vyjít — 31; zamknout — 30; jezdit — 30; opatrovat — 30; popsát — 30; usmát se — 30; přistoupit — 30; pokoušet — 30 (только с отрицанием); strčit — 30; důvěřovat — 30; žvanit — 30; uznat — 30; spolehnout — 30; vydat — 29; ohlédnout se — 29 (в большинстве случаев название Ohlédni se v hněvu); zařídít — 29; tvářit se — 29; obléci si/se — 29; poprosit — 29; těšit se — 28; odpočívat — 28; odpočínout si — 28; vypravovat — 28; zahodit — 28; vypít — 28; řvát — 27; vypnout — 27; poradit — 27; zazpívat — 27; tázat — 27; natáhnout — 27; trhat — 27; bít — 27; umýt — 27; oprít (se) — 27; bojovat — 27; vsadit — 27 (в большинстве случаев название Vsad' a riskuj!); užít —

26; vzpomínat — 26; zvat — 26; vyskočit — 26; potěšit (se) — 26; zjistit — 26; začínat — 26; pospíchat — 26; vyspat se — 25; vysrat se — 25; dojít — 25; nakreslit — 25; následovat — 25; zavírat — 25; chápat — 25; vynechat — 25; vložit — 25; svěřit — 25; uchovat — 25; zhasnout — 24; zemřít — 24; zapnout — 24; hejbnout — 24; mávat — 24; usmívat se — 24; urvat — 24; prchnout — 24; plavat — 24; určit — 24; sníst — 23; sáhnout — 23; radit — 23; srát — 23 (только с отрицанием); červenat — 23; spustit — 23; vracet se — 23 (только с отрицанием); uložit — 22; vzdát (se) — 22; padat — 22; péci — 22; přehánět — 22; povolít — 22; odložit — 22; mazat — 22; pokrčit — 22; litovat — 22; připomenout — 21; porovnat — 21; trhnout — 21; dopřát — 21; vážit — 21; vyslovit — 21; svítit — 21; odhodit — 21; pískat — 21; udržovat — 21; obejmout — 21; nutit — 21 (только с отрицанием); zničit — 21; zdržovat — 21 (только с отрицанием); hýbat se — 20; vyhýbat se — 20; opovážít se — 20; zapamatovat — 20; vylízat — 20; uvolnit — 20; namáhat se — 20; kouřit — 20; líbat — 20; zoufat — 20 (только с отрицанием); hnout — 20; bránit (se) — 20; spinkat — 19; rozhlédnout se — 19 (в большинстве случаев название Rozhlédni se, člověče); chopit se — 19; praštit — 19 (в большинстве случаев идиома praštit jako uhoď/bouchni!); zamyslet se — 19; změnit — 19; dokázat — 19; chcípnout — 19; použít — 19; zapálit — 19; užívat (si) — 19; udeřit — 19; prozradit — 18; vytáhnout — 18; požádat — 18; rozvázat — 18; vymyslet — 18; trestat — 18; uhodit — 18; radovat se — 18; pálit — 18; posloužit (si) — 18; obtěžovat se — 18 (только с отрицанием); otvírat — 18; vylézt — 18; mrknout — 18; vrazit — 18; dopustit — 18 (только с отрицанием); děkovat — 18; vlézt — 18; sklonit (se) — 17; chytat — 17; připomínat — 17; vyzkoušet — 17; nechávat — 17 (только с отрицанием); ztratit (se) — 17; požehnat — 17; vyhodit — 17; házet — 17; vyslyšet — 17; věnovat (se) — 17; kupovat — 17; pozvat — 17; umřít — 17; kopnout — 16; spočítat — 16; otravovat — 16; propustit — 16; slitovat se — 16; řešit — 16; řezat — 16; ráčit — 16; doplnit — 16; darovat — 16; složit — 16; lekat se — 16 (только с отрицанием); odvést — 16; zadržet — 16; dotýkat se — 16 (в большинстве случаев с отрицанием); tančit — 16; mračit se — 16 (в большинстве случаев с отрицанием); hasit — 15; fňukat — 15 (в большинстве случаев название Nefňukej, veverko!); sahat — 15 (только с отрицанием); ukřížovat — 15; očekávat — 15; přestávat — 15; sdělit — 15; zdařit — 15 (в большинстве случаев идиома Zdař Bůh!); využit — 15; podepsat

— 15; smát se — 15; mrdat — 15; prohlédnout — 15; naslouchat — 15; smířit se — 15; zabalit — 15; pochybovat — 15 (в большинстве случаев с отрицанием); zapsat — 15; žrát — 15; ověřit — 15; soustředit se — 15; odjet — 14; nabídnout — 14; zajet — 14; provázat — 14; dýchat — 14; řídit — 14; pozorovat — 14; ohlížet — 14; obléknout — 14; ochutnat — 14; svlíknout (se) — 14; tancovat — 14; dotknout se — 14; platit — 14; zasadit — 14; zajít — 14; zpomalit — 14; zabíjet — 14; zbořit (se) — 14; ponechat — 14; natočit — 14; přiložit — 14; vybírat — 13; vysvobodit — 13; spoutat — 13; nadávat — 13; snášet — 13; zdvihnout — 13; odkládat — 13; pohladit — 13; vystoupit — 13; uklidit — 13; odpovídat — 13; sušit — 13; opustit — 13; hněvat se — 13; posrat se — 13 (в большинстве случаев с отрицанием); žádat — 13; nabalit — 13; shodit — 13; klidit se — 13; hřešit — 13 (в большинстве случаев с отрицанием); nasadit (si) — 13; povšimnout si — 13; rozlučovat — 13 (в составе идиомы *Co Bůh spojil, člověk nerozlučuj!*); tlačit — 13; postát — 13; vybavit — 13; opovážovat — 13; poděkovat — 13; vzchopit se — 12; uvařit — 12; honit — 12; sázet — 12; rolovat — 12; odvolat — 12; zmáčknot — 12; spoléhat — 12; kleknout — 12; předvést — 12; ukazovat — 12; otáčet — 12; vyznat — 12 (в составе идиомы *Čert se v tom vyznej*); namalovat — 12; naklonit (se) — 12; plout — 12; vyhnat — 12; volat — 12; nastoupit (si) — 12; dbát — 12; malovat — 12; šlapat — 12; odvážit se — 12; vyhledat — 12; používat — 12; utřít (se) — 12; vyndat — 12; obout — 12; vyslechnout — 12; přejít — 12; naplnit — 11; usilovat — 11; zkoumat — 11; zatančit — 11; navštívit — 11; chytnout — 11; naříkat — 11 (в большинстве случаев с отрицанием); posílat — 11; odstranit — 11; zorakovat — 11; vyhrát — 11; hajat — 11; makat — 11; přerušovat — 11; posvětit — 11; tahat — 11; natřít — 11; stisknout — 11; posečkat — 11; pomodlit se — 11; vytahovat (se) — 11; vyslovovat — 11.

Формы 2 лица множественного числа:

nechat — 2162; dát — 1859; jít — 1803; podívat se — 1516; zkusit — 1181; být — 1136; říknot — 1042; zapomenout — 947; prominout — 890; věřit — 877; představit si — 873; dovolit — 843; volat — 679; počkat — 677; vzít — 632; dělat — 612; snažit se — 568; bát se — 528; přijít — 524; slyšet — 498; mít — 496; napsat — 487; zachránit — 485; udělat — 461; psát (si) — 419; hledat — 417; položit — 412; ráčit — 411; říkat — 406; vzpomenout (si) — 388; dávat — 387; myslet (si) —

375; číst — 373; posílat — 369; poslouchat — 359; všimnout — 356; ptát se — 354; začít — 352; brát — 348; zeptat se — 346; používat — 344; pamatovat (si) — 338; zasílat — 335; použít — 329; vědět — 327; vybrat (si) — 313; zavolat — 311; držet (se) — 304; posadit se — 294; ukázat — 279; odpustit — 275; zlobit — 273 (почти все примеры с отрицанием и с возвратной частицей — nezlobte se); mluvit — 272; uvědomit si — 267; uvést — 262; koupit — 262; přidat — 255; postavit (se) — 255; vrátit (se) — 254; seznámit (se) — 254; obrátit (se) — 243; pustit — 240; běžet — 239; pokusit se — 238; určit — 238; vítat — 237; připravit (se) — 233; věnovat (se) — 232; využít — 227; označit — 227; pomoci — 224; počítat — 220; vstoupit — 213; najít — 213; jíst — 207; přečíst — 206; přestat — 206; pokračovat — 206; dbát — 205; odejít — 203; uvolnit (se) — 203; povědět — 202; zvednout (se) — 199; zůstat — 199; zapomínat — 198 (все примеры с отрицанием); chodit — 197; faxovat — 196; opakovat — 196; posoudit — 188; vystříhnout — 187; přesvědčit (se) — 184; nanést — 178; čekat — 174; navštívit — 171; volit — 166; jet — 166; sledovat — 159; požádat — 157; kupovat — 156; odstranit — 154; váhat — 154; přiložit — 154; vyzkoušet — 152; dívat se — 152; zastavět (se) — 151; koukat (se) — 148; přijmout — 148; pít — 147; poradit (se) — 146; vsadit (se) — 144; hledět — 142; zjistit — 139; nabídnout — 135; zvolit — 134; dopřát (si) — 133; sednout si — 131; doplnit — 129; přinést — 128; podat — 126; divit se — 125; vysvětlit — 123; vydržet — 123; nosit — 121; zkontrolovat — 120; omýt (se) — 117; spojit (se) — 113; pochopit — 112; prohlédnout (si) — 109; naučit (se) — 109; zvážit — 109; nakrájet — 108; porovnat — 107; vyřídít — 107; poslechnout (si) — 106; vložit — 103; užívat — 103; povážit — 102; kouknout (se) — 101; hádat (se) — 101; otevřít — 100; provést — 100; zamyslet se — 99; uvážit — 99; chtít — 96; přijet — 96; chytit (se) — 95; nakreslit — 93; hrát — 92; zbavit — 92; mlčet — 92; chránit — 91; vyznačit — 90; povídat — 89; zapsat — 89; vybírat — 86; vypočít — 86; zopakovat — 86; otočit (se) — 86; rozhodnout (se) — 84; jednat — 84; nalepit — 84; omluvit (se) — 83; informovat — 83; pohledět — 83; přilepit — 82; uznat — 82; pozdravovat — 82; táhnout — 81; nechávat — 81; dýchat — 81; postupovat — 81; jezdit — 80; kontaktovat — 80; pouštět — 78; zajistit — 78; modlit se — 78; přemýšlet — 78; vyhýbat se — 77; stáhnout — 77; tipovat — 76; šetřit — 76; ověřit — 76; odpovědět — 75; hodit — 75; uchopit — 75; bránit (se) — 75; chovat se — 74; zajít — 74; soustředit (se) — 74; vyplnit — 74; nalít — 73; vytvořit — 73; všímat si — 73; pla-

kat — 73; žádat — 73; přivést — 73; zkoušet — 72; spustit — 72; vyjmout — 72; narýsovat — 72; uklidnit — 71; stát se — 70; vydat — 69; popsát — 69; vypnout — 69; vařit — 69; vynechat — 69; stisknout — 69; přitisknout — 68; dotknout se — 68; hlásit — 67; dodržovat — 66; řídit (se) — 66; omezit — 66; vyměnit — 65; pořídit — 65; sestavit — 64; provádět — 63; oloupat — 63; chápat — 63; změřit — 62; přeložit — 62; strílet — 61; sestrojít — 61; protáhnout (se) — 61; tlačit — 61; odložit — 61; ohnout — 60; očekávat — 60; sdělit — 60; připojit — 60; ozvat se — 59; pracovat — 59; podržet — 58; rozmyslet si — 58; zapálit — 58; přehlednout — 58 (почти все с отрицанием); milovat — 58; ponechat — 58; utíkat — 58; přehnout — 57; vzdát (se) — 57; navrhnout — 57; pospíšet si — 57; cvičit — 57; ujistit — 56; změnit (se) — 56; smát se — 56; stavit se — 56; udržovat — 56; vyhledat — 56; vypadnout — 55; pokoušet — 55; podávat — 54; rozdělit — 54; zachovat — 54; přenést — 54; vyvarovat se — 54; žít — 54; povšimnout si — 54; vstát — 54; svěřit — 54; přiznat (se) — 53; uvádět — 53; sedět — 53; pomyslet — 53; starat se — 53; stydět — 53; uvažovat — 53; spoléhat se — 52; plnit — 52; připevnit — 52; srovnat — 52; radovat se — 51; smíchat — 51; užít si — 50; zahrát — 50; lehnout si — 50; rozumět — 49; nasadit — 49; zoufat — 49 (все примеры с отрицанием); uložit — 48; naplnit — 48; setrvat — 48; spočítat — 48; zalít — 48; jmenovat — 48; zapamatovat — 48; zaplatit — 48; sehnat — 48; ponořit — 48; vypočítat — 48; sundat — 47; pozorovat — 47; přihlásit se — 47; vést — 47; objednat — 46; odpočinout si — 46; považovat — 46; vyhodit — 46; vyprávět — 46; zatlačit — 46; podepsat — 45; plést se — 45 (все примеры с отрицанием); dotýkat se — 45; přejít — 45; bavit se — 44; odpovídat — 44; podceňovat — 44 (все примеры с отрицанием); opravit — 44; nakupovat — 44; pokládat — 44; umýt — 44; pokrčit — 44; začínat — 44; zvýšit — 43; vytáhnout — 43; zahřát — 43; namalovat — 43; ztrácet — 43 (все примеры с отрицанием); vyjádřit (se) — 42; schovat (se) — 42; spěchat — 42; hýbat se — 41; umístit — 41; očistit — 41; prosit — 41; vyčkat — 41; učinit — 41; zpracovat — 41; upravit — 41; litovat — 41; zašroubovat — 41; trápit (se) — 40 (большинство примеров с отрицанием); lekat se — 40 (все примеры с отрицанием); natáhnout (se) — 40; vupít — 40; obléci — 40; vstávat — 40; spát — 40; těšit se — 39; nastavit — 39; opatřit — 39; přitáhnout — 39; zařídit — 39; soudit — 39; postarat se — 39; přidávat — 38; vykládat — 38; svěřovat se — 37 (большинство примеров с отрицанием); napášet — 37; důvěřovat — 37; upevnit —

37; *napít se* — 37; *kontrolovat* — 36; *zvedat* — 36; *zapnout* — 36; *přikrýt* — 36; *bít* — 36; *kouřit* — 36; *dopustit* — 36 (все примеры с отрицанием); *pověsit* — 35; *prozradit* — 35; *řešit* — 35; *investovat* — 35; *založit* — 35; *vyrobit* — 35; *vzdávat (se)* — 35 (все примеры с отрицанием); *spolehnout se* — 35; *poznamenat* — 34; *hejbat se* — 34; *připsat* — 34; *opustit* — 34; *zabít* — 34; *odvést* — 34; *nadechnout se* — 34; *projít* — 34; *promluvit* — 34; *činit* — 33; *uschovat* — 33; *prodat* — 33; *ustoupit* — 33; *předklonit* — 33; *usmívat se* — 33; *platit* — 33; *domluvit* — 33; *předat* — 33; *ukončit* — 33; *hlídat* — 33; *zaměřit* — 33; *vypracovat* — 32; *kleknout* — 32; *rozpūlit* — 32; *zajet* — 32; *upozornit* — 32; *vážit (si)* — 32; *podnikat* — 32; *povolit* — 32; *pohybovat (se)* — 32; *přidržit* — 32; *vypravovat* — 32; *přát* — 32 (*přát si* все примеры с отрицанием); *představovat* — 32; *zpříjemnit* — 32; *sebrat (se)* — 32; *nutit* — 32 (большинство примеров с отрицанием); *zdržovat (se)* — 32; *navlhčit* — 31; *zpívat* — 31; *rozložit* — 31; *napnout* — 31; *osušit* — 31; *vytočit* — 31; *zavést* — 31; *bdít* — 31; *podporovat* — 31; *přejet* — 31; *varovat (se)* — 31; *nahradit* — 31; *promyslet* — 30; *odkládat* — 30; *troubit* — 30; *připočít* — 30; *vzpamatovat se* — 30; *ošetřit* — 30; *pomáhat* — 30; *oznámit* — 30; *opláchnout* — 30; *odstříhnout* — 30; *chválit* — 30; *odnést* — 30; *uvařit* — 29; *odpočívát* — 29; *míchat* — 29; *kápnout* — 29; *strčit* — 29; *vyjít* — 29; *zadržet* — 29; *probudit* — 29; *objednávat* — 28; *nést* — 28; *zabalit* — 28; *slíbit* — 28; *sníst* — 27; *zůstávat* — 27; *navléknout* — 27; *zdvihnout* — 27; *sáhnout* — 27; *zatăhnout* — 27; *vyčistit* — 27; *spolupracovat* — 27; *poznat* — 27; *diskutovat* — 27; *pozvat* — 27; *sejmout* — 26; *obtáhnout* — 26; *promíchat* — 26; *stanovit* — 26; *vymyslet* — 26; *zavázat* — 26; *přičíst* — 26; *naslouchat* — 26; *smýt* — 26; *zatelefonovat* — 26; *zvyšovat* — 26; *ustříhnout* — 26; *vpisovat* — 26; *kliknout* — 26; *zmizet* — 26; *skočit* — 26; *vyříznout* — 26; *pūjčit* — 26; *připomenout* — 25; *namočít* — 25; *naplánovat* — 25; *políbit* — 25; *chyt-nout* — 25; *odříznout* — 25; *vypustit* — 25; *přišroubovat* — 25; *telefona-vat* — 25; *dokázat* — 25; *zasunout* — 25; *zaznamenat* — 25; *zavěsit* — 25; *dostavit se* — 25; *využívat* — 25; *podléhat* — 25; *měnit* — 25; *vy-slechnout* — 25; *odstavit* — 24; *rozhlédnout se* — 24; *nasypat* — 24; *obrátit se* — 24; *spasit* — 24; *narovnat* — 24; *vyjmenovat* — 24; *přelít* — 24; *stěžovat si* — 24; *smířit se* — 24; *házet* — 24; *obléknout* — 24; *odevzdat* — 24; *ochutnat* — 24; *požadovat* — 24; *dohodnout si/se* — 24; *posunout* — 24; *poděkovat* — 24; *bojovat* — 24; *rozejít se* — 24; *vyžádat* — 23; *ukazovat* — 23; *vydechnout* — 23; *vysvětlovat* — 23; *okopírovat* —

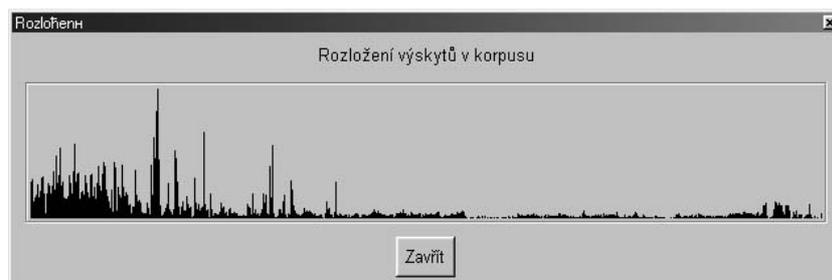
23; posypat — 23; měřit — 23; děkovat — 23; snížit — 23; usmát se — 22; škrtnout — 22; zlomit — 22; zadat — 22; pěstovat — 22; vzpomínat — 22; dokončit — 22; přenechat — 22; následovat — 22; znázornit — 22; zamíchat — 22; zanechat — 22; vychutnat — 22; tvářit se — 22; přijímat — 22; prostudovat — 22; střídat — 22; odmítat — 22; odcházet — 21; aplikovat — 21; přistupovat — 21; přitlačit — 21; charakterizovat — 21; zrušit — 21; utéci — 21; přehánět — 21; podělit — 21; odpojit — 21; posloužit si — 21; uklonit — 21; připoutat se — 21; pálit — 21; křičet — 21; zvyknout (si) — 21; vyžadovat — 21; odvézt — 21; propadat — 21; vmíchat — 21; navštěvovat — 21; vlézt — 21; odhadnout — 20; zabránit — 20; pohlédnout — 20; adresovat — 20; přibližovat (se) — 20; nabrat — 20; prověřit — 20; vyhrát — 20; nastoupit — 20; sypat — 20; namazat — 20; slepit — 20; uhladit — 20; ukládat — 20; pokrýt — 20; sečíst — 20; bláznit — 20 (почти все примеры с отрицанием); vyřešit — 20; zničit — 20; rušit — 20 (все примеры с отрицанием); sahat — 19 (все примеры с отрицанием); odstoupit — 19; zhasnout — 19; stoupnout si — 19; respektovat — 19; donést — 19; zakrýt — 19; obkreslit — 19; malovat — 19; tahat — 19; napustit — 19; vyvrtat — 19; tlouci — 19; pochválit — 19; přimíchat — 19; vyrovnat — 19; podpořit — 19; vypéckovat — 19; přibít — 19; sklonit (se) — 18; sbírat — 18; uříznout — 18; klást — 18; provokovat — 18 (почти все примеры с отрицанием); zakroužkovat — 18; péci — 18; ošetřovat — 18; vyložit — 18; plánovat — 18; svázat — 18; složit — 18; odšroubovat — 18; točit — 18; zasadit — 18; přiblížit (se) — 18; věšet — 18 (все примеры с отрицанием); sbalit — 18; cestovat — 18; vyndat — 18; prozkoumat — 18; zaklonit — 18; lézt — 18; podložit — 18; sfouknout — 17; třást — 17; spotřebovat — 17; vyzvednout — 17; otáčet — 17; zaškrtnout — 17; vydechovat — 17; mýt — 17; povařit — 17; spálit — 17; prokázat — 17; zacházet — 17; omalovat — 17; poučit (se) — 17; zamknout — 16; získat — 16; dosadit — 16; čistit — 16; zkoumat — 16; přesunout — 16; skladovat — 16; oblékat — 16; vystoupit — 16; uklidit — 16; namluvit — 16; propnout — 16; zdůraznit — 16; vysušit — 16; omlouvat — 16 (почти все примеры с отрицанием); ponechávat — 16; zalévat — 16; přerušit — 16; ujmout — 16; usadit (se) — 16; skákat — 16; otvírat — 16; sedat — 16; nalistovat — 16; vyplňovat — 16; vytvarovat — 16; přehrát — 16; překřížit — 16; rozsvítit — 16; uspořádat — 15; usilovat — 15; masírovat — 15; obávat se — 15 (большинство примеров с отрицанием); dojít — 15; reagovat — 15; předvést — 15; vyjet — 15; pečovat — 15; zvonit — 15; přistoupit

— 15; chopit se — 15; vnímat — 15; zavírat — 15; zapojit — 15; naladit — 15; obstarat si — 15; přidržovat (se) — 15; roztáhnout — 15; vzkázat — 15; vytrvat — 15; nadzvednout — 15; zhodnotit — 15; vžít se — 15; polepit — 15; mazat — 15; přeseňovat — 15 (все примеры с отрицанием); procvičit — 15; množit se — 15; vsunout — 15; pohnout — 15; zkrátit — 14; odvolat — 14; seřadit — 14; zařadit — 14; smilovat se — 14; propíchnout — 14; vycházet — 14; přežehlit — 14; přišít — 14; prostrčit — 14; srovnávat — 14; vracet (se) — 14; hněvat se — 14 (все примеры с отрицанием); vyzvat — 14; oddělit — 14; vmasírovat — 14; vymáčkat — 14; udat — 14; prodávat — 14; pročíst — 14; zatlouci — 14; naložit — 14; zabíjet — 14; zarovnat — 14; prohlížet — 14; lámat — 14; trvat — 14; předložit — 14; vyslovovat — 14; poprosit — 14; vysazovat — 14; přepudrovat — 13; překreslit — 13; experimentovat — 13; otravovat — 13 (только с отрицанием); připomínat — 13; vyřadit — 13; odjet — 13; zakončit — 13; děsit — 13 (почти все примеры с отрицанием и с возвратным компонентом); opovážít se — 13; rozbít — 13; mýlit se — 13 (все примеры с отрицанием); povytáhnout — 13; natrhat — 13; hovořit — 13; vzbudit (se) — 13; dodat — 13; zkopírovat — 13; darovat — 13; dohlédnout — 13; objasnit — 13; dolít — 13; zahodit — 13; vklepat — 13; smazat — 13; osprchovat se — 13; blbnout — 13 (все примеры с отрицанием); pochybovat — 13; vylézt — 13; vrhnout (se) — 13; osolit — 13; mrknout se — 13; vstupovat — 13 (большинство примеров с отрицанием); obejmout — 13; připravovat (se) — 13; fotografovat — 13; doplňovat — 13; přizpůsobit — 13; poskytnout — 13; svléknout (se) — 13; rozmíchat — 13; natočit — 13; stlačit — 13; obalit — 12; posilovat — 12; dochutit — 12; spoutat — 12; dělit — 12; běhat — 12; tisknout — 12; konzultovat — 12; uplatnit — 12; odmítnout — 12; upažit — 12; probrat — 12; sepsat — 12; vybarvit — 12; naklonit — 12; slít — 12; rozhodovat (se) — 12; přepínat — 12; přikládat — 12; pootočit — 12; vzpažit — 12; předpokládat — 12; mávat — 12; obtěžovat (se) — 12 (все примеры с отрицанием); vypsát — 12; zahrnout — 12; sešít — 12; připočítat — 12; klidit se — 12; natáhat — 12 (большинство примеров с отрицанием и с возвратной частицей); zastřelit — 12; vlepít — 12; plýtvat — 12 (все примеры с отрицанием); zakázat — 12; zhotovit — 12; překrýt — 12; projevovat — 12; vyhazovat — 12; vydávat — 12; zavěšovat — 12; zpomalit — 12; potěšit — 12; započítat — 12; zadívat se — 12; uvážit si — 12; trénovat — 12; větrat — 12; dovést — 11; instalovat — 11; vymýšlet — 11; spokojit se — 11; vystavovat — 11;

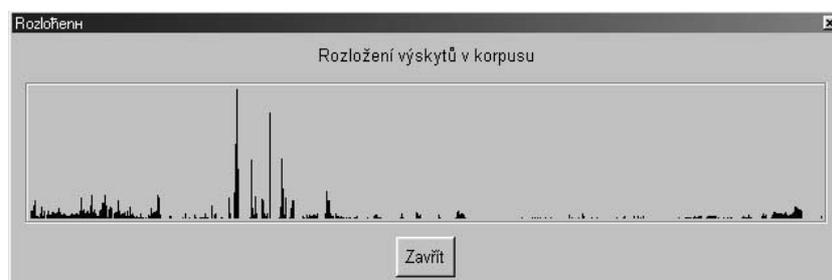
zasypat — 11; vyválet — 11; urážet — 11 (все примеры с отрицанием); směřovat — 11; propustit — 11; zahájit — 11; precedit — 11; poohlédnout se — 11; slitovat se — 11; pojmenovat — 11; přimáchnout — 11; usednout — 11; slibovat — 11; sjet — 11; roztírat — 11; relaxovat — 11; flirtovat — 11; objevit — 11; udržet — 11; zapisovat — 11; rozloučit se — 11; zachovávat — 11; odhodit — 11; nahlédnout — 11; vymlouvat se — 11 (все примеры с отрицанием); zahřívát — 11; promarnit — 11 (почти все примеры с отрицанием); šlapat — 11; vyhradit — 11; najmout — 11; přistěhovat — 11; pátrat — 11; formulovat — 11; útočit — 11; naznačit — 11; nastartovat — 11; přilít — 11; dusit — 11; koupat se — 11; zanedbávat — 11 (все примеры с отрицанием); vynést — 11; připustit — 11; propláchnout — 11; ohřívát — 11; přerpnout — 11; přestříknout — 11; vytahovat (se) — 11 (все примеры с возвратной частицей — с отрицанием); opírat se — 11 (большинство примеров с отрицанием); rozčilovat se — 11 (все примеры с отрицанием).

Как видно из приводимых ниже диаграмм, конструкции с синтетическим императивом 2-го лица встречаются во всех типах представленных в SYN2000 текстов, при этом, впрочем, употребление форм единственного числа более характерно для беллетристики (крайне левая область диаграммы), в форм множественного числа — для специальной литературы (левая область диаграммы ближе к центру), ср.:

Формы единственного числа:

Формы множественного числа:

2.2. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ТИПЫ ИЛЛОКУТИВНО УНИВЕРСАЛЬНОГО ПОБУЖДЕНИЯ 2 ЛИЦА

2.2.1. Чешские конструкции типа *pojď(te) + инфинитив* и русские типа *давай + индикатив*

В современном чешском языке для выражения иллокутивно универсального побуждения 2-го лица могут использоваться аналитические конструкции *pojď(te) + инфинитив*. Поскольку те же конструкции используются также для экспликации инклюзивного побуждения (см. 3.1.2.), возникает грамматическая омонимия (конструкции типа *pojďte se podívat* могут означать и ‘*посмотрите-ка*’, и ‘*давайте посмотрим*’). В результате однозначно о побуждении именно 2-го лица можно говорить лишь в случаях, когда оно маркируется еще каким-либо образом (например, когда говорящий мыслится не как субъект, а как объект каузируемого действия — первые два из приведенных ниже примеров, либо когда восприятию говорящего в качестве одного из субъектов каузируемого действия препятствует лексическое значение смыслового глагола — третий пример), ср.:

[учитель — школьникам в первый день учебного года:] *Tak, chlápci, pojďte mi odevzdat praku, kudly a pistole, na konci školního roku vám věci zase vrátím.* (Dikobraz)

‘*Так, ребята, сдавайте-ка мне ваши рогатки, ножи, пистолеты, в конце учебного года получите их обратно.*’

*Vezmu bič, rozrazím dveře a zařvu:
"Tak mě **pojd'** zmlátit!"* <doc
S|PUB|1994|refl9444><s 015-p30s6>

*'Я беру кнут, распахиваю
дверь и ору: «Ну, давай из-
бей меня!»'*

*Hrabala z druhé strany, panebože,
kdybychom si ulámaly prsty, s tímhle
nehnem, utrhlo se to ve velkých ku-
sech, **pojd'te někdo pomoci, lidi, pro-
sím vás, honem, Hugo je pod tímhle
balvanem, ten neodvalíme samy.*** <doc
S|NOV|1990|honzlova> <s 001-
p2112s4>

*'Она рыла с другой сторо-
ны, боже, да тут мы все
пальцы переломаем, а с
места ничего не сдвинем,
такие глыбы обвалились,
люди, помогите кто-нибудь,
быстрее, Гуго под этим
валуном, мы сами не спра-
вимся.'*

Кроме того, может оживляться внутренняя форма конструкции *pojd'(te)* + *инфинитив*, возникшей в результате семантического сближения начала физического перемещения в пространстве с началом какой-либо деятельности, тем более, что в целом ряде случаев подобное физическое перемещение является необходимой предпосылкой этой деятельности (*'пойди(те) посмотреть'*). Подобное оживление внутренней формы невозможно лишь в тех случаях, когда этому препятствует лексическое значение смыслового глагола, ср.:

*Nebud'te chudobní, **pojd'te zbohat-
nout.*** <doc S|MIS|199f|efemost> <s
048-p191s1>

*'Не будьте бедными, да-
вайте богатейте!'*

Как видно из приводимой ниже диаграммы, конструкции с *pojd'(te)* характерны прежде всего для беллетристики (крайне левая область диаграммы), а также (в заметно меньшей степени) для публицистических текстов (правая область диаграммы), ср.:

pojd'(te) + инфинитив

В текстах SYN2000 представлены следующие сочетания формы *pojd'(te)* с инфинитивом⁵⁵:

pojd' + инфинитив:

pojd' se podívat (13); pojd' si sednout (7); pojd' spát (3); pojd' si hrát (3); pojd' si poslechnout (2); pojd' se trochu projít (2); pojd' se kouknout (2); pojd' mi pomoci (2); pojd' si sundat (1); pojd' nám dělat vlny (1); pojd' se na něco podívat (1); pojd' se na něj podívat (1); pojd' mi utírat (1); pojd' večerět (1); pojd' si se mnou zahrát (1); pojd' sehrát (1); pojd' mě doprovodit (1); pojd' mi pomoci (1); pojd' mi přidržet (1); pojd' předvést (1); pojd' si s námi hrát (1); pojd' mě vyprovodit (1); pojd' prát (1); pojd' , ó pojd' obcovat (1); pojd' se posadit (1); pojd' se se mnou podívat (1); pojd' mě roztlačit (1); pojd' se trochu prospat (1); pojd' si zaplavat (1); pojd' zruinovat (1); pojd' se také podívat (1); pojd' ukázat (1); pojd' si na chvíli sednout (1); pojd' jíst (1); pojd' zkusit (1); pojd' nám s ní pomoci (1); pojd' tady ošetřit (1); pojd' pročísnout (1); pojd' tlačit (1); pojd' na cestu se dát (1); pojd' mě obejmout (1); pojd' si to taky zkusit (1); pojd' si na chvíli promluvit (1); pojd' mi ustlat (1); pojd' se na ni podívat (1); pojd' se nad nás povyšovat (1); pojd' mě zmlátit (1); pojd' si k nám sednout (1); pojd' spinkat (1); pojd' pít (1); pojd' obědvat (1); pojd' uzavřít (1); pojd' tancovat (1); pojd' si lehnout (1); pojd' pozdravit (1); pojd' už se posadit

⁵⁵ Редактирование сгенерированного обслуживающей «Чешский национальный корпус» программой GCQP сочетания ограничивалось восстановлением находящейся в другой части примера возвратной частицы или местоимения, например: <s 001-p1376s8><doc S|NOV|1994|smilide> <s>Jen mi <pojd' pomoci> . " → *pojd' mi pomoci*; <s 001-p126s83><doc S|NOV|1969|milavra> <s>Ale raději se <pojd' už posadit> . → *pojd' už se posadit*.

(1); *pojd' mi sundat* (1); *pojd' to ukončit* (1); *pojd' si sednout* (1); *pojd' obcovat* (1); *pojd' nám pomoc* (1).

pojd'te + инфинитив:

pojd'te si hrát (21); *pojd'te se podívat* (18); *pojd'te si posílat* (3); *pojd'te hrát* (2); *pojd'te zbohatnout* (2); *pojd'te hádat* (2); *pojd'te (si) hrát* (2); *pojd'te si zahrát* (2); *pojd'te si sednout* (2); *pojd'te si to dopovědět* (2); *pojd'te mi pomoc* (1); *pojd'te hledat* (1); *pojd'te se dát do formy* (1); *pojd'te se nám podepsat* (1); *pojd'te se najíst* (1); *pojd'te se zase vrátit* (1); *pojd'te mi ukázat* (1); *pojd'te oslavit* (1); *pojd'te připít* (1); *pojd'te bydlet* (1); *pojd'te rozdat* (1); *pojd'te mi podržet* (1); *pojd'te tančit* (1); *pojd'te ho hledat* (1); *pojd'te dokončit* (1); *pojd'te trénovat* (1); *pojd'te prosím prověřit* (1); *pojd'te si povídat* (1); *pojd'te něco dělat* (1); *pojd'te nám pomoci* (1); *pojd'te se bavit* (1); *pojd'te hovořit* (1); *pojd'te nás držet* (1); *pojd'te zas nadávat* (1); *pojd'te slavit* (1); *pojd'te to hledat* (1); *pojd'te miminku zatančovat* (1); *pojd'te mě doprovodit* (1); *pojd'te uždibovat* (1); *pojd'te to zapít* (1); *pojd'te si sem sednout* (1); *pojd'te se sladkostí zpít* (1); *pojd'te se uklidnit* (1); *pojd'te Jarošov ještě si dát* (1); *pojd'te si zatančit* (1); *pojd'te mě pobavit* (1); *pojd'te se radši napít* (1); *pojd'te likvidovat* (1); *pojd'te někdo pomoc* (1); *pojd'te se všichni podívat* (1); *pojd'te nakoupit* (1); *pojd'te si sem někdo schválně sednout* (1); *pojd'te se pověsit* (1); *pojd'te to zkusit* (1); *pojd'te si to slíbit* (1); *pojd'te k nám bydlet* (1); *pojd'te se projít* (1); *pojd'te se tam podívat* (1); *pojd'te mi povědět* (1).

Чешской аналитической императивной конструкции с *pojd'(te)* соответствует русская аналитическая императивная конструкция с *давай(me)*, при этом, однако, при экспликации побуждения 2-го лица форма *давай(me)* сочетается не с инфинитивом (тогда речь пойдет об инклюзивном побуждении), а с презентно-футуральной формой индикатива или императива, ср. *Давай об этом ему скажешь ты! Давайте об этом ему скажете вы! Давай говори! Давайте говорите!*

Мы полагаем, что эта модель выступает и в высказываниях типа *Давай быстрее!*, когда речь может идти об опущении презентно-футуральной формы: *Давай [собирайся / двигайся / ...] быстрее!*, ср.: [разговор по телефону:] *Да! Слушаю! Что значит: динамит его не берет? А ты тротилом давай! Что? Давал тротилом? Не берет? <...> говорю, давай взрывавай все это <...>.* (В. Шендерович. Куклы).

Приведенный пример демонстрирует, кроме того, обыгрывание рассматриваемой конструкции, состоящее в «департикуляризации» элемента *давай*, внезапно обретающего способность иметь формы прошедшего времени (*давай* > *давал*), ср. аналогичную «департикуляризацию» при инклюзивном побуждении в словах некогда популярной песни «*Даешь Варшаву! Дашь Берлин!*» (*давай* > *даешь*, *дашь*) и в рассказе Е. Попова «Как съели петуха»: «*Садись! Давай выпьем!*» / *И точно — сели, и точно — дали. Выпили.*

2.2.2. Чешские конструкции типа *koukej (+ ne-) + инфинитив* и русские типа *смотри +(не) + индикатив*

Характер аналитического императива могут приобретать сочетания инфинитива смыслового глагола с синтетическими императивными формами некоторых глаголов, утрачивающих (по крайней мере, частично) в подобных сочетаниях своё лексическое значение, ср. мнение авторов пражской академической [Mluvnické češtiny 1987: 335]. Речь идёт о сочетаниях типа *běžte si o tom promluvit s Pavlem* ‘поговорите-ка об этом с Павлом’, *chraň se nepřijít* ‘упаси тебя Бог не прийти’, *opovaž se vyrušovat* ‘попробуй только отвлекать’, *koukej nepropadnout* ‘смотри не провались (на экзамене)’, *hled’ se učit* ‘смотри учись’. Так, очевидно, что в приводимых далее и подобных им примерах лексическое значение глагола *běžet* ослаблено, и говорящий отнюдь не ожидает, что их собеседник (собеседница) бросится бежать, ср.:

Paní asistentko, běžte říci Václavu Slánskému, aby sem přišel.
(V. Erben. Poklad byzantského kupce)

‘Пани ассистентка, скажите [букв. бегите сказать] Вацлаву Сланскому, чтобы он пришел сюда.’

A doktor Kurka oslovil muže s úsměvem: "Pane, jste ve zdravotnickém zařízení, tady je třeba klid. Jestli s něčím nesouhlasíte, běžte si stěžovat. <doc S|FAC|1990|snar>
<s 001-p1518s3>

‘А доктор Курка, улыгнувшись, обратился к мужчине: «Уважаемый, вы в медицинском учреждении, здесь надо соблюдать тишину. Если вы с чем-то не согласны, идите жалуйтесь [букв. бегите жаловаться].’

Beníku, běž si sednout a hraj! <doc S|NOV|1964|zbabelci> <s 001- p49s3> *‘Беник, давай садись [букв. беги сесть] и играй!’*

Употребительность конструкции *běž(te)* + инфинитив поддерживается тематической близостью входящего в нее глагола *běžet* и глагола *jít*, входящего в состав аналитической конструкции *pojd'(te)* + инфинитив. При этом следует подчеркнуть, что в то время как конструкция *pojd'(te)* + инфинитив используется не только для выражения побуждения 2-го лица, но и для инклюзивного побуждения, конструкция *běž(te)* + инфинитив используется исключительно для выражения побуждения 2-го лица.

В текстах SYN2000 представлены следующие сочетания формы *běž(te)* с инфинитивом:

běž + инфинитив:

běž si lehnout (5); *běž si hrát* (4); *běž si sednout* (3); *běž se podívat* (3); *běž si zas hrát* (2); *běž se umýt* (2); *běž se zeptat* (2); *běž spát* (2); *běž se/si oblíct* (2); *běž si odpočinout* (2); *běž si stěžovat* (1); *běž se napít* (1); *běž ji pohoupat* (1); *běž něco dělat* (1); *běž koupit* (1); *běž se oblíknout* (1); *běž uklízet* (1); *běž oslavovat* (1); *běž dodělat* (1); *běž si to ošetřit* (1); *běž se omluvit* (1); *běž se schovat* (1); *běž otevřít* (1); *běž se osprchovat* (1); *běž alespoň zatopit* (1); *běž to zkusit* (1); *běž někoho kopnout* (1); *běž šlohnout* (1); *běž se živit* (1); *běž se vycpat* (1); *běž okamžitě zasadit* (1); *běž to vyřídit* (1); *běž si zas někam hrát* (1); *běž si ho zítra vyzvednout* (1).

běžte + инфинитив:

běžte se podívat (6); *běžte si koupit* (2); *běžte se poradit* (2); *běžte si stěžovat* (2); *běžte si domů hrát* (1); *běžte natrhat* (1); *běžte spát* (1); *běžte si lehnout* (1); *běžte se tam někdo podívat* (1); *běžte se nejdřív zeptat* (1); *běžte se přitom podívat* (1); *běžte zas vyhrávat* (1); *běžte se tam přeptat* (1); *běžte se jich zeptat* (1); *běžte zapít* (1); *běžte se vyspat* (1); *běžte se vycpat* (1); *běžte se vyspat* (1); *běžte si válčit* (1); *běžte si okamžitě vyčistit* (1); *běžte si dát* (1); *běžte vytírat* (1); *běžte studovat* (1); *běžte si hrát* (1); *běžte to hlásit* (1); *běžte si užít* (1); *běžte osobně dát přeložit* (1); *běžte se posadit* (1); *běžte se přesvědčit* (1); *běžte vybrat* (1); *běžte to vyfotit* (1); *běžte se ženskými taky loupat* (1); *běžte štěkat* (1); *běžte stoupnout* (1); *běžte si na ně posvítit* (1).

Достаточно употребительными являются и конструкции *koukej(te)* + инфинитив, к которым примыкают существенно менее употребительные конструкции с тематически близким⁵⁶ глаголом *hled'(te)* + инфинитив, ср.:

⁵⁶ Ср. соответствующие статьи в [ЧРС 1976]:

kouk|at³⁹², **-ám nedok. ob. 1.** **~at (se)** *na koho, co n. bez předm.* смотреть*II, глядеть*II *spis. na koho, čo n. bez předm.; po kom, čem (po známých na ulici ap.)* оглядыватьсяI *na koho, čo spis.; do čeho (do knihy, do zrcadla ap.)* смотреть во что, **~at (se) před sebe** смотреть вперед; **~at (se) z okna** **смотреть n. глядеть из окна**; *přen. po kom (po děvčatech, po chlapcích)* заглядыватьсяI *na koho spis.* • **expr. to ~áš, (co)!** ну что уставился?; **to bude ~at (co nesu, jak to umím ap.)!** вот глаза-то вытаращит!; вот удивится-то! • **rozk. koukej (se), koukejme (se), koukejte (se)** *v platnosti citosl. (vyjadřuje upozornění n. údiv)* смотри(те)!, гляди(те)!, **~ej (již jdou!)** смотри!, гляди!, **~ejme (se), jak(ý) je chytrý** смотрите, какой (он) умный. **2. nač** обращатьI внимание *na čo spis.; na peníze nekoukám* о деньгах я не думаю, денег я не жалею *spis.; ve spoj. s aby..., jak by..., at'..., s inf.* старатьсяI **5 inf. spis.; ~á, jak by si polepšil** он старается улучшить своё положение; **~ám si ulehčit v práci** я стараюсь облегчить себе работу *spis.; ~ej, aby se ti nic nestalo!* смотри, чтобы с тобой чего не случилось!; **~ej, at' jsi pryč, ~ej zmizet!** ну-ка проваливай!, убирайся! **3. ž čeho (tyč z vody, kapesník z kapsy ap.)** выглядыватьI *iz čeho spis.; ~á jí sukně (pod kabátem)* у неё (из-под пальто) выглядывает юбка; *přen. z očí mu ~á uličnictví* по глазам видно, что он озорник *spis.* • **expr. z čeho (o zisku, o nepřijemnosti)** предвидеться*II *spis. neutr.; co mi z toho ~a?* какая (мне) выгода от этого?, какая (мне) в этом корысть? *spis.; čo я буду с этого иметь?; z toho (mi) nic nekouká* мне это ничего не даёт *spis.; z toho ~á kriminál* это пахнет тюрьмой.

hled|ěti³⁷⁶, **-ím nedok. 1.** *na koho, co n. bez předm.* глядеть*II, смотреть*II *na koho, čo n. bez předm.; ~ět před sebe* глядеть перед собой; **~ět za kým** смотреть вслед кому, **~ět vstříc záhubě n. tváří v tvář smrti** смотреть смерти в лицо *n. в глаза* • *přen. okna domu ~í do zahrady* окна дома выходят в сад • **vpravo hled'!** *voj.* равнение направо! □ **~ět pánu-bohu do oken** считатьI ворон; **~ět svrchu n. spatra na koho** смотреть*II свысока *na koho, относиться*II свысока к кому.* **2. v tvaru rozk. zpus. hled', hled'me, hled'te, ob. heled' ap. (v platnosti upozorňující části-ce s odstínem výzvy, domluvy)** **hled', nech toho!** эй, оставь это!; **hled', abys neupadl** смотри, не упади!; **hled'te, jak se vystrojila!** посмотрите, как она разделась! **3. s inf. n. vedlejší větou** старатьсяI *s inf.; ~ím to udělat včas* я стараюсь сделать это к сроку; **hled' přijít včas, hled', abys přišel včas!** смотри, не опоздай!, постарайся не опоздать! **4. nač, k čemu (častěji v záporu) nehledíme-li na podrobnosti, můžeme být spokojeni** если не принимать во внимание мелочей *n. если не обращать внимание на мелочи, мы можем быть довольны* • *(často ustrnule) nehledě, nehledíc k čemu, nač* несмотря на что. **5. ~ět si koho, čeho** заботиться*II о ком, чем, смотреть*II за кем, чем, заниматьсяI чем, **~í si své práce** он занимается своим делом; **hled' si svého!** занимайся своим делом!, делай своё дело!, не вмешивайся

<i>Tak koukej mazat pro tu flašku.</i> <doc S NOV 1990 grusa> <s 001- p1462s1>	‘Давай вали за бутылкой!’
<i>Tak se koukej pohnout.</i> <doc S NOV 1993 vybuch> <s 006- p209s2>	‘Давай шевелись!’
<i>Nežvaňte a koukejte se procházet!</i> <doc S COL 1989 zaruka> <s 001- p3757s1>	‘Не болтайте и давайте гу- ляйте!’
<i>Tak různě, a teď už koukejte vy- stoupit.</i> <doc S NOV 199f steel> <s 006-p90s1>	‘Да по-разному, а теперь уже давайте выходите.’
<i>A hled' to přinést, než se vrátí otec.</i> <doc S NOV 1992 lit> <s 001- p757s8>	‘И смотри принеси это до воз- вращения отца.’
<i>S takovými myšlenkami však daleko nedojdete, hled'te se změnit.</i> <doc S PUB 1995 v1_19_95> <s 068- p27s2>	‘С такими настроениями вы далеко не уйдете, давайте-ка меняйтесь.’

При этом в то время как конструкции *hled'(te)* + инфинитив оформлены единственным или множественным числом в приблизительно равном количестве случаев, для конструкций *koukej(te)* + инфинитив характерно прежде всего единственное число (почти три четверти общего количества примеров). Это, безусловно, связано с тем, что конструкции *koukej(te)* + инфинитив в большей степени маркированы как разговорные⁵⁷ — множественное число употребляется не только при обращении к нескольким лицам, но и при обра-

не в своё дело! **4. darovanému koni na zuby nehled'!** *příslovi* дарёному коню в зубы не смотрят.

⁵⁷ Конструкции *hled'(te)* + инфинитив, в отличие от конструкций *koukej(te)* + инфинитив, могут встречаться и в «серьезных» текстах, например, в текстах Нового Завета: *Vůči těm, kdo nejsou křesťané, se chovejte rozvážně a hled'te v té věci využít vhodné příležitosti.* <doc S|NOV|1998|novzakon> <s 012-p54s1>. [Син. пер.: Со внешними обходитесь благоразумно, пользуясь временем. (Послание к колоссянам)].

шении «на вы» к одному лицу, а «выканье» для стилистически сниженной речи подходит гораздо меньше, чем для речи нейтральной.

В текстах SYN2000 представлены следующие сочетания форм *koukej(te)* и *hled'(te)* с инфинитивом:

koukej + инфинитив:

koukej mazat (10); koukej zmizet (3); koukej vypadnout (2); koukej říct (2); koukej vyřídít (1); koukej ho dostat (1); koukej se dostat (1); koukej v každém případě mazat (1); koukej postavit (1); koukej střílet (1); koukej mi to říct (1); koukej mne rychle rozdělat (1); koukej sebou hodit (1); koukej to vypít (1); koukej nám promptně zaopatřit (1); koukej to tu všechno dát (1); koukej si to vyžrat (1); koukej položit (1); koukej si užít (1); koukej kápnout (1); koukej brzy napsat (1); koukej se honem uzdravit (1); koukej se snažit (1); koukej to už otevřít (1); koukej se zase brzy ukázat (1); koukej nám to vysvětlit (1); koukej rozbalit (1); koukej se brzo ukázat (1); koukej , bratře kostelníku , dát (1); koukej si zvyknout (1); koukej si nachystat (1); koukej to udělat (1); koukej toho nechat (1); koukej být (1); koukej nám přidat (1); koukej se sebou něco dělat (1); koukej něco dělat (1); koukej poslat (1); koukej spát (1); koukej se nenechat (1); koukej zaplatit (1); koukej mluvit (1); koukej ji vzít (1); koukej letět (1); koukej nějakou chvíli hezky hajat (1); koukej si chytit (1); koukej uhnout (1); koukej cítiti (1); koukej sekát (1); koukej vlízt (1); koukej se pohnout (1); koukej se svlíkat (1).

koukejte + инфинитив:

koukejte to uznat (1); koukejte chovat (1); koukejte být (1); koukejte honem rychle vykoumat (1); koukejte mi ulovit (1); koukejte taky někam jet (1); koukejte ho využít (1); koukejte padat (1); koukejte poslouchat (1); koukejte zmizet (1); koukejte se procházet (1); koukejte ho chytit (1); koukejte mazat (1); koukejte vystoupit (1); koukejte se schovat (1); koukejte to v té kopii vypsát (1); koukejte jej prodati (1); koukejte prodávat (1).

hled' + инфинитив:

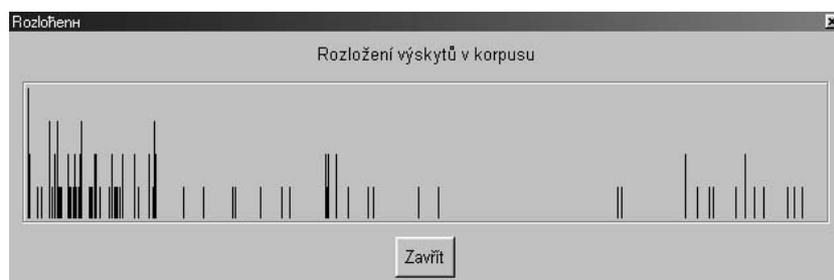
hled' si najít (3); hled' ale také pro ni něco ušetřit (1); hled' poznat (1); hled' to nejošklivější zde odstranit (1); hled' barev , světla , zlata užívati (1); hled' se ztratit (1); hled' upamatovat (1); hled' to přinést (1); hled' být (1); hled' ji rozluštit (1); hled' ukořistit (1); hled' mne toho zbavit (1).

hled'te + инфинитив:

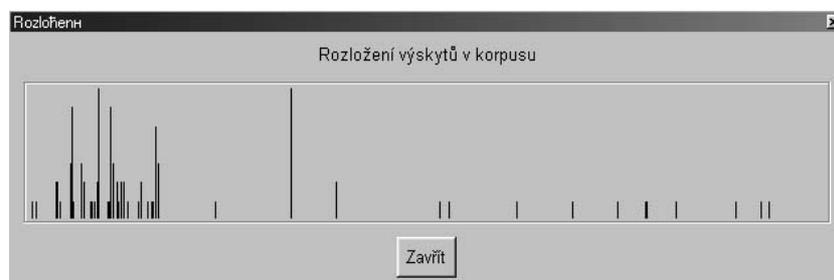
hled'te zapomenout (1); hled'te se trochu přemáhat (1); hled'te udržet (1); hled'te odpálit (1); hled'te vše do víkendu urovnat (1); hled'te se změnit (1); hled'te v té věci využít (1); hled'te ukázat (1); hled'te vyškrábat (1); hled'te ho k nám dostat (1); hled'te se dostat (1).

Как видно из приводимых ниже диаграмм, рассматриваемые конструкции встречаются прежде всего в беллетристике (крайне левая область диаграммы), ср.:

bež(te) + инфинитив

koukej(te) + инфинитив

Упоминаемые в [Mluvnice češtiny 1987: 335] формы *chraň se, ořovaž se* в составе рассматриваемых конструкций неупотребительны и в нашем материале представлены единичными примерами, ср.:

Ale on mi řekl: "Chraň se to udě- "Но он сказал мне: «Остерегай-

lat!" <doc S|NOV|1998|novzakon> *ся делать это!»'*
<s 027-p219s4>

Dobře , nebudu tě už víc přemlouvat, ale opovaž se za mnou přijít, až si zlámeš kosti. <doc S|NOV|1995|jejitouh> <s 005-p15s2> *'Хорошо, не буду тебя отговаривать, но когда переломаешь себе кости, попробуй ко мне прийти.'*

My vám laskavě dovolíme, abyste nás bránili, ale opovažte se nám sem cpát nějaké vojáky nebo jaderné zbraně. <doc S|PUB|1997|ln97159p> <s 002-p6s6> *'Мы вам позволим нас защищать, но попробуйте совать нам сюда каких-нибудь солдат или ядерное оружие.'*

В русском речепотреблении подобным конструкциям до некоторой степени соответствуют сочетания типа *смотри не провались*, формальная структура которых (сочетание двух императивных форм, а не сочетание *императивная форма + инфинитив*) даёт нам гораздо меньше оснований рассматривать их в качестве единой аналитической конструкции.

Особо следует оговорить чешские конструкции типа *rač(te) zpřivat*, в современном речепотреблении уместные лишь в особых ситуациях (в устах распорядителя на торжественном приеме, официанта в дорогом ресторане и т.п.). Налет архаичности, свойственный конструкциям с *rač(te)*⁵⁸, приводит к тому, что в ситуациях иных подобные обороты не могут продуцироваться иначе как с иронией, ср.:

Tvář za oknem cosi nezřetelně *Физиономия за окном что-то про-*

⁵⁸ В текстах XIX века, а также при стилизованном выражении и в текстах современных возможен и вариант типа *rač zpřivat* (с формой глагола *račit* мн., а в ед. числа): *Pust' voly, roucho změj, na kůň se rač posadit a s námi jeti.* (A. Jirásek. Staré pověsti české) *'Оставь волов, смени одежду, на коня изволь сесть и с нами ехать'*; [письмо:] *Seženeš-li nějakou pomoc od cizích církví pro své bratří, prosíme tě, nerač vylučovati nás a našich z milosrdenství té lásky.* (M. Hanuš. Osud národa) *'Если же ты получишь какую-либо помощь от чужих церквей для своих братьев, просим тебя, не лишай [букв. не изволь исключать] нас и наших милосердия той любви'*.

*zahučela, ale kapitán Exner zcela určitě zaslýchl: "...všichni fyzlové... na záda...", a pak řekla: "Tady je archeologický výzkum, pane." / "Ten mě právě zajímá." / "Tak **račte přijít** ve dne. Mimochodem, co vás tak strašně zajímá, že burcujete lidi z nejlepšího spánku?" (V. Erben. Poklad byzantského kurses)*

бормотала, причем Экснер вполне отчетливо расслышал «...все легавые... к чертовой матери...», а потом произнесла: «Здесь археологические раскопки, уважаемый». / «Именно они меня и интересуют.» / «Так соблаговолите прийти днем! Кстати, что же это вас так страшно заинтересовало, что вы будите людей среди ночи?»

Формы *rač(te)*, в отличие от форм *bež(te)*, *koukej(te)*, *hled'(te)*, *chraň(te) se*, *opovaž(te) se*, в составе рассматриваемых конструкций могут присоединять к себе отрицание⁵⁹, что свидетельствует о большей семантической самостоятельности этой формы в составе аналитической конструкции. В текстах SYN2000 нам встретились следующие сочетания формы *neračte*⁶⁰ с инфинитивом: *neračte se urazit* (5); *neračte se hněvat* (2); *neračte se smát* (1); *neračte mne mítí v podezření* (1); *neračte se zlobit* (1); *neračte raději chodit sám* (1); *neračte plakat* (1); *neračte připisovat* (1); *neračte být smutná* (1); *neračte se, prosím, urazit* (1); *neračte se zbláznit* (1); *neračte obtěžovat* (1); *neračte se lekat* (1); *neračte se prosím horšit* (1).

Судьбу конструкции *rač(te)* + инфинитив можно сравнить с судьбой семиологически тождественной ей русской конструкции *изволь(те)* + инфинитив, экзотичность которой привела к тому, что в современном речепотреблении она используется, как принято считать [Лобанова, Слесарева, 1984: 123], для экспликации категорического требования, ср.: «Нет, — резко ответил Генерал. — Это приказ итаба. И **изволь подчиняться**, Копыто». (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

Ранее обе конструкции (чешская *račte* + инфинитив и русская *извольте* + инфинитив) сигнализировали лишь о вежливой позиции говорящего, ср.:

⁵⁹ В рассматриваемых конструкциях с формами *bež(te)*, *koukej(te)*, *hled'(te)*, *chraň(te) se*, *opovaž(te) se* отрицание способно присоединяться только к инфинитиву смыслового глагола: *koukej nepropadnout*.

⁶⁰ Сочетание формы *nerač* с инфинитивом нами не зафиксировано.

чешский пример:

“*Neračte se o nic starat, pane major,*” řekl Švejk. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

«Не извольте ни о чем беспокоиться, господин майор», — сказал Швейк.

русский пример:

[крепостная горничная — барину:] *Извольте же идти*; разбудите, боюсь. (А. С. Грибоедов. Горе от ума).

Современные и чешские, и русские авторы могут обращаться к подобным конструкциям как к средству языковой стилизации и архаизации речи персонажа, ср. примеры из «Паноптикума старых криминальных историй» Й. Марека (действие которых происходит в конце XIX — начале и первой трети XX века) и «Про Федота стрельца, удалого молодца» Л. Филатова (действие происходит в абстрактном сказочном прошлом):

чешский пример:

Kromě toho, račte chápat, je mi to poněkud trapné... Lépe je mlčet (J. Marek)

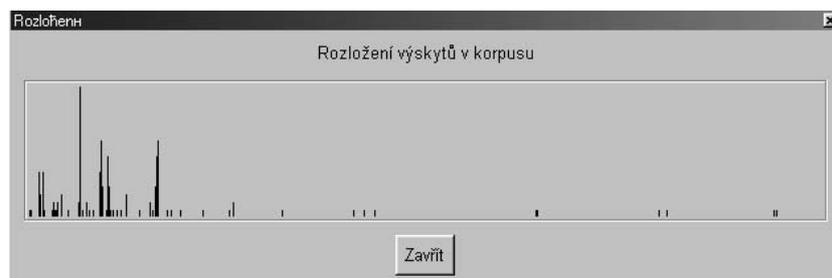
Кроме того, поймите [букв. *извольте понимать*], мне неловко... Лучше молчать.

русский пример:

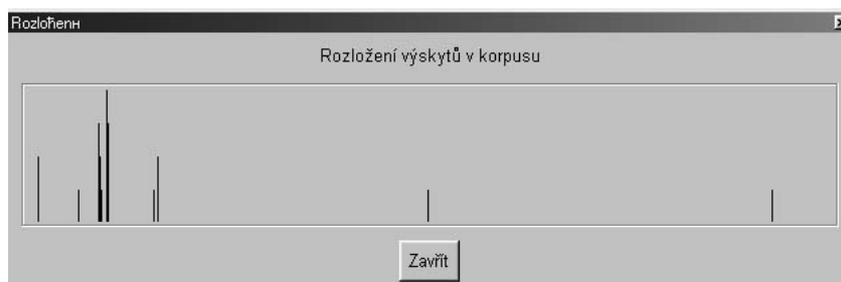
Не извольте сумлеваться, Чай, оно не в первый раз!.. (Л. Филатов).

Как видно из приводимых ниже диаграмм, рассматриваемые конструкции встречаются прежде всего в беллетристике (крайне левая область диаграммы), ср.:

rač(te) + инфинитив

neračte + инфинитив

2.3. БАЗОВЫЕ ТИПЫ ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ПОБУЖДЕНИЯ

В случае с иллокутивно специализированным побуждением в обоих сопоставляемых языках речь идет прежде всего о побудительных эксплицитных перформативных конструкциях. В отличие от иллокутивно универсальных конструкций с императивом, конструкция перформативная позволяет более или менее однозначно специфицировать иллокутивный тип побуждения в обоих сопоставляемых языках, ср. чешск. *Přikazuji ti (rozkazuji ti, zakazuji ti, žádám tě, vyzývám tě, prosím tě, navrhuji ti, doporučuji ti, radím ti...), abys tam přišel /...abys tam nechodil* и русск. *Я приказываю тебе (велю тебе, запрещаю тебе, требую от тебя, призываю тебя, прошу тебя, предлагаю тебе, рекомендую тебе, советую тебе...) туда пойти / туда не ходить.*

Так же, как и в случае с иллокутивно универсальным побуждением, речь идет о категориальной императивности, поскольку главной (а в большинстве случаев и единственной) функцией высказываний рассматриваемого типа является именно экспликация побуждения, однако в отличие от императивных побудительных высказываний, побудительные высказывания перформативные за пределами письменного официально-делового общения достаточно малоупотребительны. Так, в нашем извлеченном сплошной выборкой материале перформативные высказывания (включая периферийные типы) составляют около 2% чешских побудительных высказываний и около 4% — русских. Для сравнения отметим, что императивные побудительные высказывания (включая периферийные типы) составляют 71% (66% — базовые типы, 5% — периферийные типы) для чешского материала и 69% (соответственно 64% и 5%) — для материала русского.

Как нам представляется, реальная малоупотребительность эксплицитных перформативных формул в обоих сопоставляемых языках связана или, вернее, взаимосвязана именно с их основным свойством — максимальной выразительностью и однозначностью. В речевом общении действует «максима идиоматичности» Серля («говори идиоматично, если только нет особой причины не говорить идиоматично» [Серль 1986: 215]).

Точность и однозначность важна в *официальной* сфере, и там эксплицитные перформативные формулы к месту. В связи с этим отметим то обстоятельство, что для демонстрации наиболее существенных черт перформативности создатель термина «перформатив» Дж. Л. Остин обращается прежде всего к *официальному* речевому общению.

Так же к месту эксплицитные перформативы и при выражении тех социально значимых разновидностей побуждения, которые маркированы по параметру «различия в энергичности, с которой подается иллокутивный акт» (о предложенных Дж. Р. Серлем двенадцати параметрах см. [Серль 1986: 175]).

За пределами же названных сфер буквальность не приветствуется, а поэтому и эксплицитные перформативные формулы с их слишком выразительным оформлением, затрудняющим их переосмысление (мы имеем в виду обычные в обоих языках транспозиции одного

подтипа побуждения в другой, например, *просьба* → *требование*, *совет* → *предостережение* и т. п.), оказываются не у дел.

Вслед за Дж. Л. Остином мы различаем **эксплицитные** перформативные конструкции типа *Я прошу вас дать мне воды!* и функционально эквивалентные им **имплицитные** (скрытые) перформативные конструкции типа *Воды!*⁶¹. Таким образом, рассматриваемая нами **перформативность** оказывается шире **коинциденции** Э. Кошмидера⁶², с которой она иногда соотносится [Апресян 1995. Т. 2: 199]. Это в определенном смысле обусловливается внутренней формой обоих терминов. В то время как **коинциденция** декларирует совпадение описания действия и выполнения этого действия, **перформативность** декларирует их тождество (произнесение определенных слов является выполнением определенного действия), что, в частности, позволяет Ю. Д. Апресяну, выдвигающему тезис о приоритете перформативной формулы над перформативным глаголом, рассматривать в качестве перформативных такие высказывания, как *Прости!* (эквивалент высказывания *Прошу у тебя прощения*), *Честное слово!* (эквивалент *Даю тебе честное слово*), *Спасибо!* (эквивалент *Я благодарю*) и т. п. [Апресян 1995. Т. 2: 203], о коинцидентальности которых говорить не приходится. Удачной представляется концепция Й. Крекича, относящего к эксплицитным побудительным перформативам (включая косвенно-эксплицитные) побудительные

⁶¹ Ср.: «Любое высказывание, являющееся в действительности перформативным, должно обладать свойством раскладываться или раскрываться в такой форме, которая содержит глагол в первом лице единственного числа настоящего времени действительного грамматически залога изъявительного наклонения. <...> Поэтому «С поля» эквивалентно «Я объявляю, провозглашаю, выставляю или выкликаю вас с поля». <...> «Вас предупреждают, что бык опасен», эквивалентно высказыванию «Я, Джон Джонс, предупреждаю вас, что бык опасен» или «Этот бык опасен. Джон Джонс (подпись)» [Остин 1986: 62-63].

⁶² Ср.: «Под коинциденцией я подразумеваю совпадение слова и действия, но отнюдь не в смысле простой одновременности, а в том смысле, что слово, которое произносится, как раз и есть само обозначаемое действие. Если, например, высказывание *piszę* «я пишу» ни при каких обстоятельствах не есть сам акт писания, являясь лишь сообщением об этом акте, то высказывание *proszę* «я прошу» может быть как раз той просьбой, о которой это высказывание говорит, и именно этот случай мы называем коинциденцией. Очевидно, речь идет здесь только о глаголах говорения (в широком смысле) и только о первом лице, так как произнесение слов говорящего, естественно, не может быть действием кого-то другого». [Кошмидер 1962: 163].

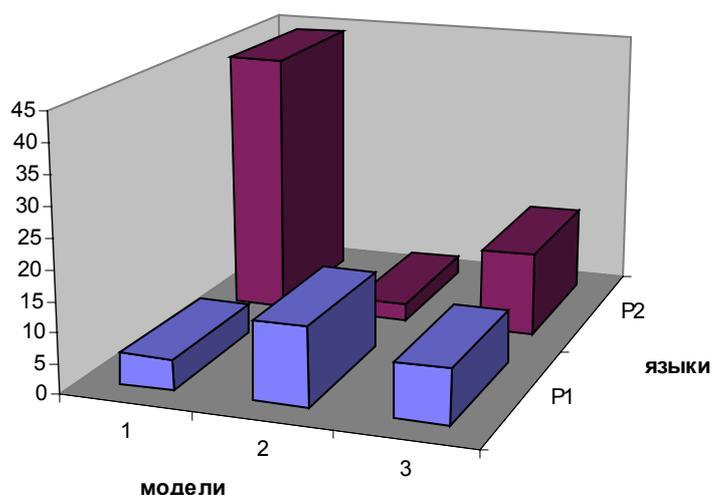
высказывания, содержащие перформативный глагол в той или иной форме либо его производное [Крекич 1993: 10-11].

2.3.1. «Коинцидентальная» перформативность

В соответствии с нашим материалом, в обоих сопоставляемых языках около трети от общего числа побудительных перформативных высказываний образовано с помощью эксплицитных перформативных формул, в которых отчетливо выделяется «модусная» часть, содержащая форму 1 л. ед. ч. индикатива настоящего времени перформативного глагола (*Прошу садиться*), и «диктумная» часть, содержащая инфинитив (*Прошу садиться*), либо придаточное предложение (*Я требую, чтоб улыбнулся ты; Предупреждаю, что туда идти опасно*), либо существительное (прежде всего отглагольное существительное со значением действия — *Прошу прощения*)⁶³. При этом употребительность той или иной модели в сопоставляемых языках будет неодинаковой: в то время как в чешском наиболее употребительной моделью является модель с оформленным кондиционалом придаточным предложением в «диктумной» части перформативного высказывания, для русского речеупотребления более узальной является модель с инфинитивом, ср. следующую диаграмму, демонстрирующую абсолютную и относительную употребительность названных моделей в нашем извлеченном сплошной выборкой материале.

⁶³ Если «диктум» очевиден из ситуации и контекста, он может редуцироваться до местоимения или даже до нуля, ср. чешск. *To neradím* и русск. *Не советую, гражданин, не советую*.

**Употребительность базовых моделей
побудительных эксплицитных перформативных
конструкций**

Языки:

Ряд P1 — чешский язык.

Ряд P2 — русский язык.

Модели:

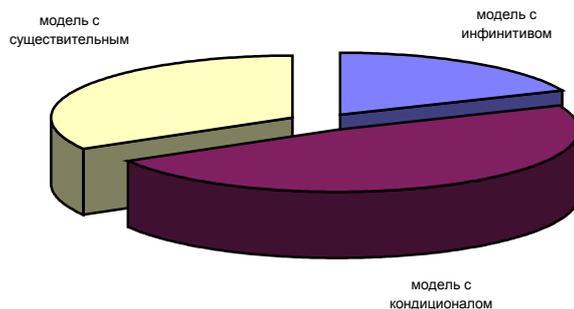
1. Модель с инфинитивом типа чешск. *Prosím vás dát na to pozor!* и русск. *Я прошу вас обратить на это внимание!*
2. Модель с оформленным кондиционалом / сослагательным наклонением придаточным предложением типа чешск. *Žádám, abyste⁶⁴ mě vyslechl!* и русск. *Я требую, чтобы вы меня выслушали!*

⁶⁴ Теоретически в составе чешских эксплицитных перформативных конструкций вместо элемента *abych/abys/aby/abychom/abyste* возможен элемент *kdybych/kdybys/kdyby/kdybychom/kdybyste* [Mluvnické češtiny 1987: 340], однако в нашем материале подобные примеры единичны, ср.: *A já ted' **prosím** pana profesora*

3. Модель с существительным типа чешск. *Žádám náhradu škody!* и русск. *Я требую возмещения ущерба!*

Кроме того, несмотря на то обстоятельство, что абсолютная употребительность модели с существительным в русском речепотреблении все же выше, чем в речепотреблении чешском (это связано с более высокой употребительностью эксплицитных перформативных конструкций в русском речепотреблении в целом), ее относительная употребительность (доля высказываний, образованных по данной модели в общем числе высказываний, образованных по всем трем моделям) выше в речепотреблении чешском⁶⁵, ср. две диаграммы ниже.

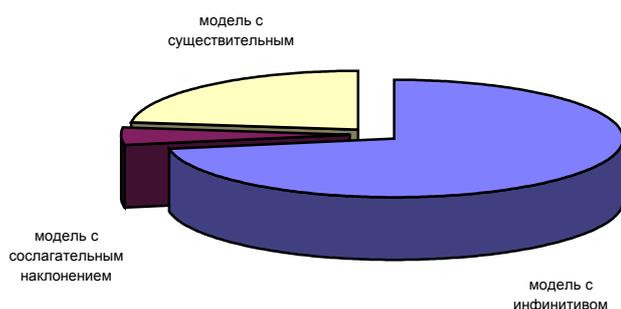
Относительная употребительность чешских базовых моделей

sora Čepelku, kdyby byl tak laskav, ujal se spěvního partu, já ho pokusím doprovodit (Divadlo Jára Cimrmana, hra *Vražda v salonním kupé*).

⁶⁵ Данное обстоятельство вполне согласуется с большей, по сравнению с русским, функциональной нагруженностью чешских «глагольных существительных» (verbální substantiva), включаемых, в соответствии с чешской школьной традицией, в парадигму глагола, ср., например, [Navránek, Jedlička 1981], [Mluvnice češtiny 1986].

Относительная употребительность русских базовых моделей

В обоих сопоставляемых языках в составе названных моделей способно употребляться абсолютное большинство побудительных перформативных глаголов.

Так, в соответствии с обследованным материалом и по свидетельству опроса информантов, в составе названных моделей теоретически допустимыми в современном чешском речепотреблении являются следующие глаголы: *doporučovat* 'рекомендовать, советовать'; *dovolovat* 'позволять, разрешать'; *nabádat* 'побуждать, призывать'; *nabízet* 'предлагать'; *parotínat* 'делать замечание'; *nařizovat* 'предписывать, приказывать, давать распоряжение'; *navrhovat* 'предлагать'; *obšilát* 'вызывать'; *odporučovat* 'не рекомендовать'; *robízet* 'побуждать, понукать'; *poroučet* 'приказывать, командовать, распоряжаться'; *rověřovat* 'уполномочивать'; *prosit* 'просить'; *přikazovat* 'приказывать, распоряжаться'; *přimlouvat se* 'ходатайствовать'; *radit* 'советовать'; *rozkazovat* 'приказывать, велесть'; *schvalovat* 'одобрять, соглашаться, утверждать'; *ukládat* 'поручать'; *upozorňovat* 'предупреждать, предостерегать'; *varovat* 'предостерегать, предупреждать'; *velet* 'командовать'; *vybízet* 'предлагать'; *vyprošovat si* 'выпрашивать, испрашивать'; *vyzývat* 'вызывать, призывать, приглашать, требовать'; *zakazovat*

‘запрещать, воспрепятствовать’; zapovídat ‘запрещать, воспрепятствовать’; zapřísahat ‘заклинать, умолять’; žádat ‘просить, требовать’, ср. предлагаемую таблицу, в которой знаком ‘+’ отмечены глаголы, уверенно называемые всеми информантами в качестве возможных, знаком ‘-’ — в качестве невозможных, знаком ‘+/-’ — глаголы, в употребительности которых информант не уверен, либо глаголы, по поводу которого мнения разных информантов разделились; информантам предлагались глаголы, перформативные конструкции с которыми были нами встречены в обследованных текстах XIX-XX вв.; серым выделены глаголы, рассматриваемые модели с которыми были нами обнаружены в текстах SYN2000 электронного «Чешского национального корпуса»:

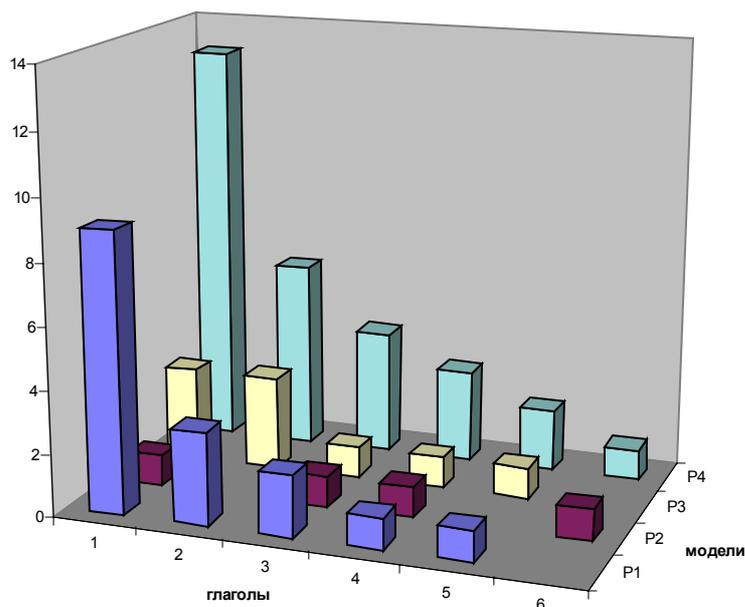
Перформативный глагол	Модель с кондиционалом	Модель с инфинитивом	Модель с существительным
doporučovat	+	+	+
dovolovat	+	+	+
nabádat	-	+/-	-
nabízet	+/-	+/-	+/-
napomínat	-	-	-
nařizovat	+	+	+/-
navrhovat	+	+	+/-
obsílat	-	-	-
odporučovat	-	-	-
pobízet	-	+/-	-
poroučet	+	+	-
prosít	+	+	+
přikazovat	+	+	-
přimlouvat se	+	-	+
radit	+	+	-
rozkazovat	+	+	-
schvalovat	+	+/-	+
ukládat	+/-	+	+/-
upozorňovat	-	-	-
varovat	-/+	+	+
velet	+/-	+/-	-
volat	-	-	+/-
vybízet	+/-	+/-	+

Перформативный глагол	Модель с кондиционалом	Модель с инфинитивом	Модель с существительным
vyprošovat si	+	+/-	+
vyzývat	+	+	+
zakazovat	+	+	+
zaklínat	+/-	-	-
zapovídat	+/-	+	+
zapřísahat	+/-	+	-
žádat	+	+	+

Примечание к таблице: Таким образом, по мнению современных носителей чешского языка, в составе названных перформативных конструкций уже не могут быть использованы формы глаголов *napomínat, obsílat, odporučovat, upozorňovat*, использовавшиеся в их составе в художественных текстах XIX-начала XX вв., ср.: *Jednou, dvakrát, do třikrát napomínám vás, kdo jste se provinil, abyste mi to vyznali!* (Z. Winter. Mistr Kampanus); [герольд на рыночной площади:] *My Karel, z Boží milosti kníže vladař domu Lichtenštejnského, <...> obsíláme vás, Hendrychu Matese hrabě z Thurmu, Bohuchvale Berko, Václave z Roupova, Joachime hrabě Šliku, <...> Obsíláme vás, abyste v šesti nedělích osobně před námi zde v Praze se postavili a toho, co vám procesem právním za příčinou vašich zpronevěřilých rebelských, nad ctí a přísahou zapomenulých spáchaných skutků vyměřeno bude, doslýchali!* (Z. Winter. Mistr Kampanus); *Ponevadž pan Brouček ve svém kritickém postavení nemohl se věnovati zevrubnému bádání archeologickému a leccos asi přehlédl nebo nesprávně si zapamatoval, odporučuji citovanou knihu všem, kdož by hledali obširnějšího poučení o staročeském bytu a jeho zařízení.* (S. Čech. Nový epochální výlet pana Broučka...); *Upozorňuji vás ještě jednou, abyste se přiznal.* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka).

Однако и потенциально возможные формы в современных художественных текстах встречаются отнюдь не регулярно. Так, в массиве подвергнутого нами сплошной выборке чешского материала в составе рассматриваемых конструкций нам встретились формы всего лишь шести из тридцати названных выше перформативных глаголов (*prosit; žádat; navrhovat; doporučovat; radit; zakazovat*), относительная употребительность которых иллюстрируется следующей диаграммой:

Частотность чешских перформативных глаголов в составе базовых перформативных моделей

Модели:

- Ряд Р1 — модель с кондиционалом.
- Ряд Р2 — модель с инфинитивом.
- Ряд Р3 — модель с существительным.
- Ряд Р4 — общее число по всем трем моделям

Глаголы:

- 1) *prosit*; 2) *žádat*; 3) *navrhovat*; 4) *doporučovat*; 5) *radit*; 6) *zakazovat*

В чешском языке, в отличие от русского, в составе побудительных эксплицитных перформативных высказываний с кондиционалом возможно употребление глагола речи *povídat*, ср.:

Povídám, abyste odnesl ty kufry do pokoje (film *Dobrý voják Švejk*)

*‘Отнесите эти чемоданы в комнаты, говорят вам! [букв. *Я говорю, чтобы вы отнесли...]’*

В русском языке конструкции типа *говорю тебе/вам* возможны лишь в качестве эмфатического «приложения» к высказыванию, ср. *Говорю тебе, садись! Садись, говорю тебе!* Как полагает Ю. Д. Апресян, вопреки распространенному мнению не относящий русский глагол *говорить* к перформативным, такие повторные эмфатические высказывания могут претендовать разве что «на полуперформативный статус» [Апресян 1995. Т. II: 210].

Лидирующий по употребительности среди чешских перформативных глаголов глагол *prosit* (в электронном «Чешском национальном корпусе» примеры с этим глаголом составляют около трети от общего числа примеров на «базовые» модели) способен употребляться также и в составе побудительных эксплицитных перформативных высказываний, «диктумная» часть которых оформлена в виде придаточного предложения с союзом *zda*, ср.:

<p><i>Proto Vás prosím, zda byste mohli potvrdit psaní velkých písmen v následujících názvech ulic: ...</i> <doc S SCI 199glnaserec> <s 003-p3s3></p>	<p><i>‘И поэтому я вас прошу подтвердить [букв. прошу, не могли бы вы подтвердить] правильность написания заглавных букв в следующих названиях улиц: ...’</i></p>
---	---

В обоих сопоставляемых языках некоторые глаголы способны образовывать эксплицитные перформативные побудительные высказывания, «диктумная» часть которых оформлена в виде придаточного предложения, присоединенного к «модусной» части с помощью изъяснительного союза, а именно чешского союза *že* и русского союза *что*. Речь идет о чешских глаголах *nabízet*, *upozorňovat*, *varovat* и русском глаголе *предупреждать*, ср.:

<p><i>Nabízím tě, že tě tam doprovodím</i> (пример из [Mluvnice češtiny 1987: 325])</p>	<p><i>‘Я могу тебя туда проводить’ [букв. *Я предлагаю тебе, что я тебя туда провожу]</i></p>
<p><i>Půjdete rovnou tam. Kdybyste si to náhodou rozmyslela a chtěla návštěvu, kterou jsem vám doporučil, odložit, upozorňuji vás, že vás mohu dát předvolat.</i> (V. Erben. Bláznova smrt)</p>	<p><i>‘Вы пойдете прямо туда. Если вы вдруг передумаете и захотите отложить это рекомендуемое мной посещение, предупреждаю, что я могу вызвать вас повесткой’.</i></p>

И в чешском, и в русском возможны своего рода эллиптические варианты данных эксплицитных перформативных высказываний с пропуском союза, ср.:

<i>Já tě varuju, — už zase křičel</i>	‘«Я предупреждаю тебя, —
<i>Karel, — [že] já už takhle nemůžu</i>	снова кричал Карел, — [что] я
<i>dál. Když odtud nepůjdeš se mnou,</i>	дальше так не могу. Если ты не
<i>půjdu sám. (J. Procházka. Vrah se</i>	поедешь со мной, я уеду один»’.
<i>skrývá v poli)</i>	

Особенностью высказываний данного типа, отличающей их от высказываний с кондиционалом / сослагательным наклонением, является то обстоятельство, что казулируемое действие не *эксплицируется* «диктумом», а *имплицуруется* им. Так, в случае с *предложением* «подвести собеседника куда-либо» имплицуруются некоторые его действия, связанные принятием предлагаемой услуги (при этом очевидно, что речь не идет о «просьбе о разрешении», поскольку подобный речевой акт не маркирован по соответствующим признакам). В случае же с *предостережением* имплицуруются некоторые действия, невыполнение которых собеседником приведут к эксплицируемым «диктумом» неблагоприятным для собеседника последствиям⁶⁶.

Кроме того, очевидно, что речь идет о гибридных речевых актах, совмещающих в себе признаки директивов и комиссивов — одним и тем же речевым актом говорящий не только побуждает собеседника к некоторому действию, но и берет на себя некоторые обязательства.

В обоих сопоставляемых языках представлены глаголы, способные образовывать побудительные эксплицитные перформативные высказывания, «модусная» часть которых содержит в себе (полностью или частично) и «диктумное» значение. Речь идет о чешских глаголах *omlouvát se, zvat, volat* и лексически соотносительных с ними русских глаголах *извиняться, призывать, вызывать, звать*.

Наиболее характерными в этом плане являются конструкции с чешским возвратным глаголом *omlouvát se* и русским возвратным глаголом *извиняться*. Выражая *извинение* — социально значимый

⁶⁶ Естественно, что высказывание данного типа, имплицурующее некоторое действие собеседника, может дублировать экспликацию этого же действия предыдущим высказыванием либо дублироваться его экспликацией высказыванием последующим, что и происходит в приведенных примерах.

подтип *просьбы*, эксплицитные перформативные конструкции типа чешск. *omlouvát se* и русск. типа *я извиняюсь* явно соотносятся с рассмотренными выше эксплицитными перформативными моделями типа чешск. *prosím, abyste mě omluvil; prosím za odpuštění / prominutí* и русск. *прошу меня простить/извинить; прошу прощения/извинения*. При этом стилистическая значимость подобных конструкций в сопоставляемых языках неравная.

В русском речепотреблении конструкции с формой *извиняюсь* характерны, как правило, для стилистически сниженного способа выражения, ср.: «Пardon! — отозвался Фагот. — Я **извиняюсь**, здесь разоблачать нечего, все ясно!» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Перенос данного перформатива из стилистически сниженной сферы речепотребления возможен с помощью распространения его зависимыми словами, ср.: *Прошу прощения, Александр Иванович, я вас так обеспокоил. Еще раз **решительно извиняюсь** и немедленно вас покидаю.* (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

В то же время в речепотреблении чешском подобные конструкции стилистически нейтральны, ср. некоторые примеры из романов В. Эрбена, которые нельзя стилистически адекватно перевести на русский язык «буквально», т. е. конструкцией *извиняюсь* (говорящий — рафинированный молодой человек, выражающийся, как правило, подчеркнуто литературно):

<i>Omlouvám se, že volám příliš pozdě.</i>	‘Простите, что звоню так поздно.’
„ <i>Omlouvám se,</i> “ řekl Exner, „ <i>a nerad bych vás dlouho zdržoval.</i> “	‘«Я приношу свои извинения, — сказал Экснер, — и не буду вас долго задерживать».’
<i>Omlouvám se vám, že jsem obtěžoval...</i>	‘Простите, что занял ваше время...’
<i>Omlouvám se. Velmi spěchám.</i>	‘Извините, я очень спешу.’
<i>Omlouvám se. Na shledanou.</i>	‘Приношу свои извинения. До свидания.’

Прочие глаголы данной группы (чешские глаголы *zvat, volat* и русские глаголы *призывать, вызывать, звать*) используются в со-

ставе побудительных эксплицитных перформативных конструкций довольно редко и характерны практически исключительно для подчеркнуто официального общения, ср.:

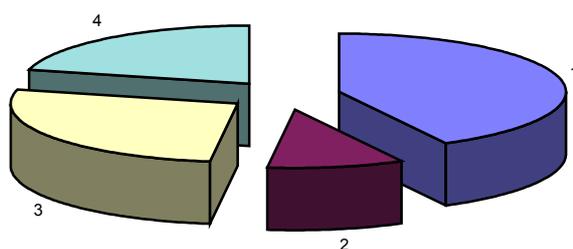
„*Ve jménu krále,*“ *opakoval* ‘*Именем короля, — повторил*
vůdce, „zvu tebe, Jene ze Smoj- *предводитель, — я зову / вызываю*
na, před soud nejjasnějšího *тебя, Ян из Смойна, на суд всеми-*
císaře a krále!“ *лостивейшего [букв. светлейшего]*
(P. Chocholoušek. Jan Pancěř) *императора и короля!*’

Občané a občanky, drazí přátelé! ‘*Граждане, дорогие друзья! Я при-*
Volám vás všechny k bdělosti *зываю вас всех к бдительности и*
a pohotovosti! (J. Procházka. *готовности!*’
Hon na lišku)

В рассмотренных выше высказываниях «диктумное» значение проникло в «модусную» часть эксплицитного перформативного высказывания. Однако в обоих сопоставляемых языках возможно и альтернативное перераспределение «диктумного» и «модусного» значений. Речь идет о довольно распространенных и традиционно рассматриваемых в общей массе эксплицитных перформативных высказываний случаях, когда перформативный предикат выступает в роли своего рода комментария к побуждению, выраженному обычной императивной конструкцией или как-либо иначе, ср. чешск. *Ale sama za ním nechod'te, radím vám dobře* и русск. *Примите меры, доктор, умоляю!*

В текстах SYN2000 в составе подобных конструкций нами были обнаружены следующие глаголы (перечисляются по мере убывания частотности): *prosit, zapřísahat, radit, varovat, nařizovat, navrhopat, poroučet, žádat, vyzývat, vyprošovat, zaklínat, vybízet, nabízet, napomínat*. Следует отметить, что относительная употребительность подобных конструкций (даже без учета высказываний, содержащих форму *prosím*) довольно высока и сопоставима с употребительностью «базовых» эксплицитных перформативных моделей, ср. предлагаемую ниже диаграмму, иллюстрирующую относительную употребительность высказываний с «комментирующим» перформативом и высказываний, построенных по «базовым» эксплицитным перформативным моделям в SYN2000:

Эксплицитные перформативы в SYN2000

Примечания к диаграмме: 1 — примеры базовых эксплицитных перформативных конструкций с кондиционалом, 2 — с инфинитивом, 3 — с существительным, 4 — примеры с «комментирующим» перформативом.

Диаграмма построена без учета высказываний с глаголами *prosit* и *nabízet*, так как представленное в SYN2000 число примеров с любым из них многократно превышает общее число примеров со всеми прочими перформативными глаголами. Высокая частотность примеров с глаголом *nabízet* обусловлена обилием газетных объявлений типа *Nabízím služby 'Предлагаю услуги'* (SYN2000 содержит, помимо всего прочего, материал электронных версий чешских газет и журналов за истекшее десятилетие), что же касается изобилия примеров с глаголом *prosit*, то оно объясняется способностью формы *prosím* десемантизироваться и функционировать в качестве формального экспликатора вежливости (аналогично русскому *пожалуйста*). Более того, процессы делексикализации и деграмматикализации⁶⁷ часто приводят к тому, что словоформа *prosím* превращается в полифункциональную частицу с широчайшим спектром ситуаций ее употребления, ср. идущие подряд примеры из романа М. Капека: *Prosím tě, pojd' sem!* (s. 8) 'Пожалуйста, подойди сюда!', *Prosím tě, kde?* (s. 10) 'Боже мой, где?', *Ano, prosím, taky tady tu stavbu vedle vás*

⁶⁷ Процессы декатегоризации и делексикализации словоформы *prosím* подробно анализируются в [Широкова 1998: 60-62], [Широкова 1999].

(s. 11) ‘Да-да, и эту стройку рядом с вами’, *My, prosím, v žádném případě nejedete z kopce*. ‘У нас, знаете ли, в любом случае всё в порядке’.

О десемантизации и деграмматикализации можно говорить в случае абсолютного большинства примеров со словоформой *prosím*, содержащихся в SYN2000. Так, в 29% примеров эта словоформа выступает в качестве показателя формальной вежливости, а еще в 66% случаев — в качестве полифункциональной частицы.

2.3.2. «Некоинцидентальная» перформативность

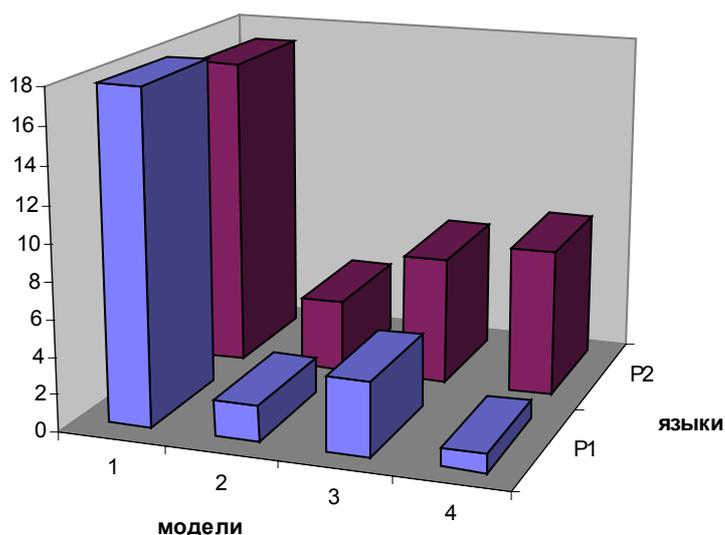
Рассмотренные выше модели представляют собственно «коинцидентальные», по Кошмидеру, побудительные перформативные высказывания. Однако нередко мы имеем дело с редукцией или трансформацией как «модусной», так и «диктумной» части, при этом трансформация «модусной» части более характерна для чешского речеупотребления, чем для русского. В случае трансформации «модусной» части, как и в случае с «некатегориальным» побуждением, речь идет о тематизации того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания, а именно о тематизации действия в презентно-футуральной перспективе (русск. *Я попрошу / (по)просил бы вас зайти*), тематизации необходимости (русск. *Я вынужден просить вас удалиться*), возможности (русск. *Могу я просить вас спеть еще?*), волеизъявления (*Я хочу / хотел бы вас (по)просить заходить почаще*). Строго говоря, с точки зрения классической теории речевых актов, данные высказывания лежат на границе (или даже за границей) прямых и косвенных речевых актов: формально речь идет о констатации необходимости, вопросе о возможности и т. д. Й. Крекич относит подобные высказывания к *косвенно-эксплицитным перформативам* [Крекич 1993: 11].

Как видно из приводимой ниже диаграммы, иллюстрирующей употребительность названных моделей в нашем извлеченном сплошной выборкой материале, обращение к тематизации возможности, необходимости или волеизъявления⁶⁸ при образовании побудительных эксплицитных перформативных высказываний характерны для современного русского речеупотребления в значительно меньшей степени, чем для современного чешского, тогда как к тема-

⁶⁸ Ю. Д. Апресян говорит в этой связи о «вежливых» перформативных высказываниях типа *Позвольте <разрешите, должен, хочу> вас предупредить, Осмелюсь доложить, Смеем вас уверить* [Апресян 1995, Т. II: 203] и отсылает к работам [Fraser 1975], [Davison 1975].

тизации действия носители обоих языков обращаются приблизительно в равном числе случаев⁶⁹. Весьма показательным представляется тот факт, что употребительность чешских моделей с трансформированной подобным образом «модусной» частью, как показывает диаграмма, оказывается выше употребительности аналогичных русских моделей, и это при том, что общая употребительность чешских побудительных эксплицитных перформативных высказываний в подвергнутых сплошной выборкой художественных текстах, как отмечалось в начале раздела, вдвое ниже общей употребительности русских побудительных эксплицитных.

**Употребительность моделей с трансформацией
"модусной" части**

⁶⁹ При этом чешские высказывания рассматриваемого типа с тематизацией действия в абсолютном большинстве случаев оформлены кондиционалом, тогда как для русского речеупотребления возможно обращение не только к сослагательному наклонению, но и к презентно-футуральной форме индикатива глагола совершенного вида.

Языки:

Ряд P1 — русский язык.

Ряд P2 — чешский язык.

Модели:

1. Тематизация действия типа чешск. *Radil bych ti, abys učinil totéž* и русск. *Я бы советовал тебе сделать то же самое; Попрошу освободить кабинет.*
2. Тематизация необходимости типа чешск. *Jsem nucen vás požádat, abyste zůstal* и русск. *Я вынужден просить вас остаться.*
3. Тематизация возможности типа чешск. *Mohu vás požádat, abyste zůstal?* и русск. *Я могу попросить вас остаться?*
4. Тематизация волеизъявления типа чешск. *Chtěl bych vás požádat, abyste zůstal* и русск. *Я хочу попросить вас остаться.*

Поскольку в обоих сопоставляемых языках подобные трансформации могут рассматриваться в качестве показателя формальной вежливости⁷⁰, в конструкциях рассматриваемого типа уместны лишь формы «неавторитарных» перформативных глаголов, ср. обычность сочетаний *prosil bych..., doporučoval bych..., radil bych...; chtěl bych požádat / poprosit; я бы (no)просил / (no)рекомендовал / (no)советовал*, но не сочетаний **я бы приказал, *я бы хотел приказать*.

В качестве особого случая трансформации «модусной» части эксплицитного перформативного высказывания можно рассматривать его номинализацию типа чешск. *zakazují, abyste mi tykal* → *zákaz tykáni* и русск. *я предлагаю осмотреть гараж* → *есть предложение осмотреть гараж, прошу закрывать за собой дверь* → *просьба закрывать за собой дверь*. В обоих сопоставляемых языках подобные конструкции крайне малоупотребительны и неоднозначно воспринимаются разными носителями языка: одни считают их сугубо официальными, другие, напротив, — подчеркнуто разговорными, выражающими т. н. *альтернативную норму солидарности*.

⁷⁰ Ср.: «Кондиционал по сравнению с индикативом <...> смягчает категоризм утверждения, делает его менее настойчивым, более вежливым» [Широкова 1983: 95].

2.4. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ТИПЫ ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ПОБУЖДЕНИЯ

В обоих языках побудительные высказывания, способные интерпретироваться как скрытые перформативы, можно разделить на высказывания, содержащие глагольную форму (чешск. *Stát!* [← *Přikazují: Stát!*], *Otevřít!* [← *Přikazují: Otevřít!*]; русск. *Стоять!* [← *Я приказываю стоять!*], *Открыть!* [← *Я приказываю открыть!*]) и высказывания, глагольной формы не содержащие (чешск. *Ven!* [← *Přikazují: Ven!*], *Vodu!* [← *Přikazují / Prosím: Vodu!*], *Rychle!* [← *Přikazují / Prosím / Radím: Rychle!*]; русск. *Вон!* [← *Я приказываю выйти вон!*], *Воды!* [← *Я приказываю / Прошу воды!*], *Быстро!* [← *Я приказываю / Прошу / Советую делать то, что ты (вы) делаешь (делаете) быстро!*]). Это деление соотносится, конечно же, с традиционной классификацией побудительных высказываний без императивной формы (ср. [Типология... 1992: 9-10]), которая опирается на формальные критерии, тем не менее в пользу подобного деления говорят и некоторые особенности семантики и функционирования скрытых перформативов первого и второго типа. Все excerptированные нами из чешских текстов инфинитивные побудительные конструкции выражают *категорическое* побуждение. В текстах SYN2000 среди иллокутивно маркированных побудительных высказываний инфинитивные конструкции нами обнаружены также только в «авторитарном» массиве, ср. примеры с «авторитарными» интерпретирующими каузативами *zavelet, poručit, přikázat, rozkázat, nařídít*:

<i>Přistoupil k tanku a <u>zavelel</u>:</i> "Osádko — vysednout! " <doc S NOV 1990 prapor> <s 001-p163s2>	'Он подошел к танку и скомандовал: «Экипаж — выходи! [букв. выйми]'
<i>Vyskočil, <...>, podal spolucestujícímu baterku a <u>poručil</u>: "Svítit!"</i> <doc S NOV 1993 pi187> <s 001-p1101s2>	'Он вскочил, <...> подал спутнику фонарик и приказал: «Свети!» [букв. светить]'
<i>"<u>Zaostřít</u>," <u>přikázal</u> Barnes.</i> <doc S NOV 1993 koule> <s 001-p1101s2>	'«Сфокусируй! [букв. сфокусировать]», — приказал Барнс.'

p268s1>

"Sednout," rozkázal. <doc S|NOV|1997|mashpar> <s 003-p15s1> '«Сесть!» — приказал он.'

Tak soudruh Stalin nařídil: Sebrat! <doc S|NOV|1992|ing> <s 001-p397s13> 'Тогда товарищ Сталин распорядился: «Арестовать!»'

В русском речепотреблении инфинитивные побудительные конструкции также специфицированы для выражения *категорического* побуждения, ср. [Виноградов 1972: 475], [Храковский, Володин 1986: 196-202; 210].

Скрытые перформативы второго типа (не содержащие глагольной формы) также нередко эксплицируют категорическое побуждение и свободно сочетаются со скрытыми перформативами первого типа, ср.:

Dost! Dost, Lavičková! Končit! Papíry ze stroje! (V. Erben. Bláznova smrt) 'Хватит! Хватит, Лавичкова! Конец! [букв. Заканчивать!] Бумагу из машинки!'

Тем не менее для скрытых перформативов, не содержащих глагольной формы, достаточно обычно и их использование для выражения побуждения, которое не маркируется не как «авторитарное», ср. некоторые примеры из SYN2000 с интерпретирующими каузативами *zapřísahat, prosit, žádat, vyzývat, poradit, varovat, upozornit*:

"Jen do toho, zapřísahal všechny a všichni se do toho opravdu pustili. <doc S|PUB|1991|lnnp9122> <s 025-p18s5> '«Наддайте! [букв. за дело]» — умолял он каждого, и все действительно наддали.'

"Rychle, rychle, proboha!" prosil Tortorici. <doc S|COL|1997|kuname> <s 009-p24s3> '«Быстрее, быстрее, ради Бога!» — просил Торторичи.'

"Rezoluci!" žádali ze všech stran. <doc > '«Резолюцию!» — требовали со всех сторон.'

S|NOV|1990|zivago> <s 001-
p2618s2

"**Odvahu!**" *vyzýval*. <doc S|NOV|1996|bovary3> <s 001-
p406s3> '«Смелее! [букв. *Отвагу!*]» —
подбадривал [букв. *призывал*] он.'

"**Do ramene,**" *poradila Beth*. <doc S|NOV|1993|koule><s
004-p318s1> '«В плечо», — посоветовала Бэт.'

"**Klid,**" *varoval Norman*. <doc S|NOV|1993|koule> <s 003-
p1412s1> '«Спокойнее,» — предостерегал
Норман.'

"**Výtah,** *Victorie!*" *upozornil ji
náhle Archie, až ji vylekal*. <doc S|NOV|199d|milenci> <s 020-
p11s1> '«Лифт, Виктория,» — крикнул
[букв. *предупредил*] ей Арчи так
внезапно, что она испугалась.'

В высказываниях этого типа в той или иной степени «скрытым» может оказаться не только характер побуждения (просьба, приказ, совет), но и его пропозициональное содержание, что требует от Слушающего (= Исполнителя) дополнительных усилий. Так, в коммуникативно-прагматической ситуации приказа «вписанный в иерархическую систему адресат — подчиненный — испытывает ее давление; сознание его не свободно, и он понимает “скупые” или “случайные” слова начальства как косвенный речевой акт, имплицитно содержащий приказание, конкретный смысл которого выводится на основании “общего фонда знаний” о начальнике — о его поведении, убеждениях, интересах и т. п.» [Алисова, Бунтман 1988: 9]. Боязнь не опознать побуждение либо интерпретировать его некорректно обусловлены тем известным обстоятельством, что невыполнение *приказа* наказуемо, влечет за собой санкции [Morris 1960: 202]. Тем не менее «сбои» все же возможны, ср.: *Ротмистр останавливается и хрипит: «Замок!» По его черному лицу катится пот. Максим не понимает. Набежавший Панди отталкивает его, представляет дуло автомата к двери под ручкой и дает очередь.* (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

В иных, нежели приказ, коммуникативно-прагматических условиях Говорящий не может рассчитывать на то, что его слова будут с

трепетом ловиться Слушающим (= Исполнителем) и поэтому должен быть более конкретен. Обращение же к скрытым перформативам может повлечь непонимание, ср.: «**Чайник...**» / «**Что-о?!**» / «**Чайник...**» / «**Кто чайник?**» / «**М-м-м...**» / «**Не понял.**» / «**Дай воды!**» / «**Так бы, понимаешь, сразу и говорид!** А то: чайник, чайник...» (В. Шендерович. Куклы).

На периферии группы высказываний рассматриваемого типа находятся номинативные высказывания типа *Волна! Машина!*, способные, по нашему мнению, интерпретироваться как эллиптические эквиваленты перформативных высказываний типа *Я предупреждаю тебя (вас), что приближается волна / машина*. В отличие от высказываний типа *Стоять! Воды! Спокойно! Минутку!* подобные высказывания не тематизируют каузируемое действие (объект действия, условия его протекания и т. д.), а лишь называют причину, вследствие которой совершение действия необходимо. В литературе высказывалось мнение о возможности делить номинативные высказывания такого типа «на социально закрепленные слова-сигналы (*Газы! Танки! Тревога!*) и обычные существительные, способные обозначать переменную внешней ситуации (*Осторожно: поезд! Какой-то стук*)» [Воейкова 1988: 41].

В качестве скрытых побудительных перформативных высказываний можно рассматривать и высказывания с побудительными междометиями⁷¹, ср. *Тсс!* = ‘Я прошу / требую / ...: Тсс!’

2.5. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ТЕМАТИЗАЦИЮ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ

В составе высказываний, выражающих побуждение через тематизацию каузируемого действия, используются конструкции с формами индикатива или кондиционала. Сюда, безусловно, можно включить и конструкции с инфинитивом, рассмотренные выше (в качестве скрытых перформативных высказываний). При этом немалую роль играет оформление побуждения вопросительной или невопросительной конструкцией, а также наличие или отсутствие отрицания.

⁷¹ В числе русских «побудительных междометных предложений» называются такие образования, как *Тпру! Нно-о! На! Тсс! Эй! Айда!* [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 399].

2.5.1. Конструкции с формами 2 лица ед. и мн. числа индикатива

Использование в побудительных речевых актах невопросительных конструкций с презентно-футуральными формами 2-го лица индикатива в абсолютном большинстве случаев можно рассматривать как демонстрацию говорящим отсутствия у него малейших сомнений в том, что каузируемое действие будет выполнено.

Обращение к подобным конструкциям в обоих языках — довольно сильное средство, а потому оно и используется нечасто. Так, в романе М. Капека, где представлено более четырех сотен императивных форм 2 лица, среди обнаруженных нами 39 примеров с «побудительным» индикативом лишь 2 (!) примера содержат формы 2 лица. Оба примера — воинские приказы, отдаваемые начальником подчиненному, причем во втором из них за индикативной побудительной конструкцией следует обычная императивная, ср.:

<i>Budeš tady hlídat trabanta,</i>	<i>Ты будешь здесь сторожить</i>
<i>kdyby se mi holubičky náhodou</i>	<i>трабант, на тот случай, если я</i>
<i>někde ztratily. V takovém případě</i>	<i>случайно потеряю из вида наших</i>
<i>je zadrž!</i> (М. Капек. A je to gól!)	<i>голубок. Тогда задержи их!</i>

В текстах SYN2000 среди иллюкутивно маркированных побудительных высказываний рассматриваемые конструкции нами обнаружены прежде всего в «авторитарном» массиве, ср. некоторые примеры с «авторитарными» интерпретирующими каузативами *velet, poručit, přikázat, rozkázat, nařídit*:

<i>"Výborně se to podařilo!" zašeptal Fabio a <u>velel</u> banditům: "Ty se budeš modlit a zpívat, jako kněz nad hrobem. A ty budeš plakat!"</i>	<i>«Получилось отлично!» — шепнул Фабио и приказал бандитам: «Ты будешь молиться и петь псалмы, как священник над гробом. А ты будешь плакать!»</i>
<small><doc S NOV 1996 klima><s 002-p326s1></small>	

<i>"Zůstaneš tady!" <u>poručila</u> jí Colleen.</i>	<i>«Ты останешься здесь!» — приказала ей Коллин.»</i>
<small><doc S NOV 1996 epidem03><s 001-p33s1></small>	

<i>"Tyto lidi okamžitě zadržte," <u>přikázal</u> mu Verkramp.</i>	<i>«Этих людей немедленно задержат [букв. вы немедленно</i>
<small><doc</small>	<small>></small>

S NOV 1997 sharpe><s 002-p361s1>	задержите],» — приказал ему Феркрамп.’
" <i>Na příští zabočíte!</i> " <i>rozkázal jsem.</i> <doc S COL 1992 prokleti><s 029-p4s1>	‘«На следующей поворачивайте [букв. вы повернете]!» — приказал я.’
" <i>Vy dva pojedete se mnou domů,</i> " <i>úsečně nařídil otec.</i> <doc S NOV 1996 klenot3><s 001-p68s1>	‘«Вы двое едете со мной домой,» — коротко велел отец.’

Употребление подобных конструкций в «неавторитарных» высказываниях единично, хотя и возможно. При этом лексически или синтаксически может быть выражена неуверенность говорящего в успешности речевого акта, ср. третий из приводимых далее примеров:

" <i>Pojedeš se mnou,</i> " <i>navrhla jsem ti,</i> " <i>už sis na mou péči zvykl!</i> " <doc S COL 1985 metracek><s 001-p2072s1>	‘«Пойдешь со мной, — предложила я ему, — ты уже привык к моей заботе.»’
<i>Napišete jen prohlášení,</i> <i>navrhoval</i> <i>kostlivý.</i> <doc S NOV 1991 ryb><s 001-p1298s1>	‘«Вы напишете только декларацию,» — предлагал костлявый.’
<i>Pocity dětí snad nejlépe vystihuje</i> <i>prosba jednoho malého účastníka</i> <i>kurzu, který poslední páteční den</i> <i>poprosil našeho lektora: "Pane</i> <i>učiteli, vid'te, že řeknete mamince,</i> <i>že nemůžu odejít před čtvrtou</i> <i>hodinou!</i> <doc S PUB 1997 cw97><s 130-p5s5>	‘О чувствах детей лучше всего говорит просьба одного маленького участника курса, попросившего в последнюю пятницу нашего лектора: «Господин учитель, ведь вы скажете маме, что я не могу уйти до четырех часов!»’

Зато вопросительные конструкции с презентно-футуральными формами 2-го лица индикатива используются именно в «неавторитарных» побудительных высказываниях, ср.:

<i>Nevezmete si s námi kotletku?</i> <i>nabízal pan Kryštof.</i> <doc	‘«Не хотите [букв. вы не возьмете с нами] котлетку?» —
--	--

S COL 1992 pec><s 001-p1636s1>	<i>предлагал господин Криштоф.</i> '
" <i>Nezajdete se na něho podívat?</i> " <i>navrhl jsem.</i> <s 080-p10s1><doc S COL 1992 prokleti>	'«Вы не зайдете на него посмотреть?» — предложил я.'
" <i>Neřekneš to nikomu?</i> " <i>prosil.</i> <doc S COL 1985 metracek><s 001-p958s1>	'«Ты никому не скажешь» — просил он.'

При этом в отличие от русского языка, в котором подобные высказывания оформляются, как правило, конструкцией с отрицанием⁷², для чешского речеупотребления характерны конструкции без отрицания, ср.:

" <i>Dáte si kávu?</i> " <i>nabídla Amanda.</i> <doc S NOV 1996 pese1><s 001- p450s1>	'«Не хотите [букв. возьмете себе] кофе?» — предложила Аманда.'
<i>Vyzval ji: "Dáš si se mnou?"</i> <doc S NOV 1995 otcem><s 001- p1877s2>	'Он спросил [букв. призвал] ее: «Ты не пойдешь со мной?»'
" <i>Přijdete zítra na hon, že ano?</i> " <i>prosila, když komandant vystoupil.</i> <doc S NOV 1997 sharp><s 003- p450s1>	'«Вы придете завтра на охоту, ведь да?» — просила она, когда комендант вышел.'
" <i>Vežmeš si je, vid'?</i> " <i>zaprostil.</i> <doc S COL 1985 metracek><s 001- p2635s3>	'«Ты возьмешь их себе, да?» — попросил он.'

2.5.2. Конструкции с формами 1 лица индикатива

В обоих сопоставляемых языках говорящий может сообщать адресату о запланированном действии, ожидая от него согласия (мы имеем дело, таким образом, с *просьбой о разрешении*, иногда рассматриваемой в качестве особого социально значимого подтипа

⁷² См., например, [Безяева 1998].

просьбы⁷³). Высказывания типа *Я открою дверь* можно интерпретировать в качестве эллиптических эквивалентов высказываний типа *Если вы не возражаете, я открою дверь; С вашего разрешения, я открою дверь*. При этом в качестве **разрешения** может интерпретироваться отсутствие негативной реакции со стороны адресата, ср.:

<p>[подчиненный — своему начальнику:] <i>Ted' se radši půjdu trochu projít, abych ty myslivce co nejvíc uvětral.</i> (М. Карек. <i>A je to gól!</i>)</p>	<p><i>'Сейчас я лучше прогуляюсь, чтобы все эти рюмки «мысливецкой» поскорее выветрились.'</i></p>
--	--

Нередко подобные примеры могут интерпретироваться не только как просьба о разрешении (адресат побуждения — собеседник), но и как самопобуждение (адресат побуждения — сам говорящий), что не должно нас смущать (о том, что одно и то же высказывание может выполнять различные функции по отношению к разным участникам акта коммуникации, см. [Кларк, Карлсон 1986]).

Специфической особенностью чешского речеупотребления является возможность использования презентно-футуральных индикативных форм 1 лица ед. числа для экспликации категорического побуждения (прежде всего воинского **приказа, команды**) 2 лица⁷⁴, ср.:

<p><i>“Baštím a nebavím se,” křičel svobodník a loupal kolem sebe očima. <...> “Nekecám a cpu se!” vřískl svobodník. “Jestli si někdo myslí, že je v hotelu, tak at’</i></p>	<p><i>«Жрать! Не болтать! [букв. жру и не болтаю]» — кричал ефрейтор, тараща глаза. <...> «Не трепаться! Набивать брюхо! [букв. не треплюсь и набиваю</i></p>
--	---

⁷³ Специфика интерактивных условий просьбы о разрешении обуславливается следующим: (1) говорящий собирается сам реализовать либо воздержаться от реализации определенной деятельности; (2) для этого его поведения существуют определенные препятствия, ограничения или запреты; (3) адресат компетентен данные препятствия, ограничения или запреты ликвидировать. Именно эта ликвидация и является действием, побуждение к которому содержится в данном высказывании. Ср.: [GrepI, Karlík 1986: 73], [Mluvnice češtiny 1987: 341]. А. В. Дорошенко определяет просьбу о разрешении как «вынужденную просьбу» [Дорошенко 1986: 24]. Обстоятельный анализ «просьбы о действии» и «просьбы о разрешении» в современном русском языке см. в [Безяева 1998].

⁷⁴ На подобное употребление данных форм, не отмечаемое в грамматиках, внимание автора обратила преподаватель Карлова университета в Праге доктор А. Трнкова.

si to nemyslí!” *брюхо]*, — *завизжал ефрейтор.*
 (M. Švandrlík. Černí baróni aneb — *Если кто-то думает, что он в*
válčili jsme za Čepičky) *отеле, так пусть это не дума-*
ет!»’

С теми или иными стилистическими эффектами данная конструкция может быть использована и за пределами субординационных воинских отношений, ср.:

[demu — соседской собаке:] A tak ‘Лаять оглушительно [букв.
štěkám jako hrom! (м/фильм Mach a *Я лаю как гром]!’*
 Šebestová. O utrženém sluchátku)

Особо следует оговорить и случаи транспозиции индикативных форм 1 лица множественного числа (*инклюзив* → *второе лицо*), допустимой и в русском (о чем свидетельствует, в частности, возможность буквального перевода), но более характерной для чешского речеупотребления, ср.:

"A cvičíme, milostivá paní!" přikázala ‘«Тренируемся, любезней-
tiše. <doc S|COL|1985|metracek><s *шая!» — тихо приказала*
 001-p1234s1> *она.»*’

Makáme, makáme, slečno, ať máme ‘Работаем, работаем, ба-
na bramboráky! (film Bájecná léta pod *рышня, заработаем себе на*
 psa) *олады!»*’

2.5.3. Конструкции, оформленные сослагательным наклонением / кондиционалом

Между русским сослагательным наклонением и генетически коррелирующим с ним чешским кондиционалом много общего⁷⁵. Весьма показательными являются случаи обозначения явлений обоих языков в работах сопоставительного характера каким-то одним из этих двух терминов, будь это термин *кондиционал* [Широкова 1974:

⁷⁵ Отметим возможность обозначения русского *сослагательного наклонения* словом *Konditional* в немецком тексте [Panzer 1967], словом *conditional* — в английском [Jakobson 1957], словом *conditionnel* — во французском [Garde 1962], которые (названные слова трех языков) при переводе на русский могут выглядеть как «кондиционалис», ср. [Брехт 1985: 102, 105, 107].

19], или термин *сослагательное наклонение* [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 235-237]. Мы можем встретиться даже с мнением (не разделяемым, впрочем, всеми исследователями, ср. [Широкова 1983: 94]), что в функциональном отношении различия между чешским и русским языком в области кондиционала / сослагательного наклонения не столь уж велики и касаются лишь частностей оформления [Русская грамматика 1979: 205]⁷⁶. Известно, что носитель чешского языка обращается к кондиционалу гораздо чаще, чем носитель русского — к сослагательному наклонению [Широкова 1983], и эта отмечаемая в сопоставительных исследованиях закономерность сохраняется и в сфере высказываний с актуальной коммуникативной функцией побуждения: употребительность чешского кондиционала существенно выше употребительности русского сослагательного наклонения в составе перформативных высказываний, в составе конструкций, выражающих побуждение через тематизацию необходимости или возможности каузируемого действия, через тематизацию его полезности, либо через тематизацию волеизъявления Прескриптора данного действия. Большая употребительность кондиционала налицо и в сфере оформленных кондиционалом / сослагательным наклонением независимых побудительных высказываний⁷⁷.

В исследованиях по русистике мы можем встретиться с мнением, что «если побуждение к действию, выраженное с помощью специальной императивной формы (*расскажи, поезжай*), — это **программа действий**, приписываемая адресату, то побуждение к действию, выраженное с помощью формы сослагательного наклонения, — это **программа перестройки действия** (*ты бы рассказал; луч-*

⁷⁶ Кондиционалом на последующих страницах везде, где специально не оговаривается обратное, мы будем обозначать т. н. *кондиционал настоящего времени* (*kondicionál přítomný*). Так называемый *кондиционал прошедшего времени* (*kondicionál minulý*) «обозначает нереальное и нереализованное в прошлом действие» [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 241], то есть не может в принципе использоваться в речевом акте побуждения, предполагающем презентно-футуральную перспективу, и тем самым не представляет интереса для нашей проблематики.

⁷⁷ Так, в нашем извлеченном сплошной выборкой чешском материале число примеров подобного типа с кондиционалом почти в четыре раза превышает число примеров с сослагательным наклонением в соотносительном по объему русском материале..

ше) ты бы поехал)⁷⁸. <...> Другими словами, когда говорящего интересует только выполнение адресатом какого-либо действия, он адресует побуждение собеседнику с помощью формы императива; если же говорящий, кроме того, желает показать свое отрицательное отношение к наблюдаемому в действительности и предложить программу перестройки какого-либо действия (или перейти от бездействия к какому-либо действию), он использует форму сослагательного наклонения» [Рябова, Одинцова, Кулькова 1992: 155-158]. Мы склонны попытаться взглянуть на данную ситуацию под несколько иным углом зрения. Нам представляется, что побудительно употребленные конструкции с формами сослагательного наклонения / кондиционала⁷⁹ противопоставляются не столько императиву, сколько побудительно употребленному индикативу, при этом речь идет о противопоставлении **категориальных** значений наклонений. Индикативом говорящий декларирует реальность действия, реальность в прошлом, настоящем или будущем (поскольку речь идет не о самой действительности, а о ее языковом представлении, есть реальность и в будущем). Презентно-футуральная индикативность — это реальность, протянувшаяся в будущее, реальность, которая как бы уже есть и которую в силу этого уже нельзя изменить, поэтому высказывания типа *Завтра ты едешь домой, Ты сейчас же уйдешь отсюда* используются для экспликации тех социально значимых подтипов побуждения, при которых Говорящий (= Прескриптор) уверен (декларирует уверенность), что Слушающий (= Исполнитель) выполнит либо по крайней мере попытается выполнить казулируемое действие. Сослагательное же наклонение описывает действительность гипотетическую, действительность, которая может стать реальностью, а может и не стать, поэтому высказыванием типа *Съездил бы ты завтра домой* имплицитно возмущается возможность неисполнения Слушающим (= Прескриптором) казулируемого действия, а тем самым высказывания данного типа могут быть использованы для экспликации побуждений, не маркированных как авторитарные. Императив же способен

⁷⁸ Как считает А. М. Ломов, форма сослагательного наклонения «в основном используется при “корректировке” действия (с помощью обстоятельств типа *громче, быстрее, аккуратнее* и т. д.): *Говорили бы вы тише; Читали бы вы громче; Писали бы вы аккуратнее*» [Ломов 1977: 103].

⁷⁹ Чешский кондиционал в значительно меньшей степени подчиняется, если подчиняется вообще, данной отмеченной для русского сослагательного наклонения закономерности.

выражать как авторитарное, так и не-авторитарное побуждение, поэтому, на наш взгляд, речь может и должна идти не только об эквивалентной двучленной оппозиции *программа действия* (императив) :: *программа перестройки действия* (сослагательное наклонение), хотя идея альтернативности, безусловно, может индуцироваться идеей гипотетичности⁸⁰, но и о привативной трехчленной оппозиции *категорическое побуждение* (индикатив) :: *побуждение* (императив) :: *не-категорическое побуждение* (сослагательное наклонение)⁸¹. Мы склонны полагать, что в то время как для русского языкового сознания более существенной является, по-видимому, первая оппозиция, для чешского языкового сознания — вторая.

Весьма примечательно также следующее межъязыковое различие. В то время как почти все содержащиеся в нашем материале русские примеры рассматриваемого типа оформлены по модели *Шли бы (вы) (лучше) домой*⁸², среди чешских примеров модель с «чистым» кондиционалом (если не считать конструкций с модальными глаголами и интеррогативных конструкций, заслуживающих

⁸⁰ 'Гипотетическое' = 'не-реальное', а следовательно, 'альтернативное' по отношению к реальному.

⁸¹ Не случайно во всех приводимых Р. А. Кульковой примерах, призванных иллюстрировать, как Говорящий с помощью сослагательного наклонения «предлагает адресату речи другую программу действия, осуществление которой могло бы преобразовать реальную ситуацию в более целесообразную, лучшую; говорящий советует или предлагает адресату речи **перестроиться**, изменить свои действия, которые привели к положению вещей, оцениваемому автором текста отрицательно» [Рябова, Одинцова, Кулькова 1992: 157], сослагательное наклонение может без ущерба для (по крайней мере общего) смысла высказывания быть заменено императивом, ср.: (1) *Одному сидеть жутко, страх берет. Рассказал бы ты [расскажи — А. И.] что-нибудь, Сема.* (Чехов); (2) *Ехали бы [поезжайте — А. И.] в Калязин, ну, в Углич, в Рыбну, а то нашли куда! знаете, какие времена, а едете.* (Салтыков-Щедрин); (3) *Почаще бы ты приезжал [приезжай — А. И.], Шурка! А то за большими делами совсем забыл мать.* (из журнала); (4) *"Лекции, лекции, — недовольно заметил профессор. — Поговорили бы [поговорите — А. И.] лучше с живыми людьми".* (Шукшин).

⁸² Ср., например: *Да замолчите же вы! Постыдились бы такие вещи при девушке говорить!* (Е. Попов. Голубая флейта); *«А ты бы лучше меня отпустил, игемон, — попросил неожиданно арестант, и голос его стал тревожен, — я вижу, что меня хотят убить».* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *«У тебя болезненный вид, — сказал Григорий Алексеевич. — Ты б зашел к Буху».* (Ф. Горенштейн. Ступени); *«Шел бы ты домой, — говорит друг Эрни. — Перебрал ты малость».* (А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине).

отдельного рассмотрения) представлены единичными примерами⁸³. Абсолютное же большинство чешских примеров рассматриваемого типа содержит элементы **a-** либо **kdy**⁸⁴. Поскольку чешский союз *abych / abys / aby / ...* в определенном смысле соотносим с русским союзом *чтоб(ы)* (и чешский, и русский союзы могут быть использованы для присоединения придаточного цели), а в русском речепотреблении конструкции типа *Чтоб ты немедленно убрался отсюда!*⁸⁵, если верить подвергнутому нами сплошной выборке материа-

⁸³ Ср., например, "*Tak bys nenastoupil,*" *navrhl jsem*. <doc S|NOV|1969|sekuta> <s 001-p61s1>. О неузуальности побудительного использования конструкций с «чистым» кондиционалом красноречиво говорит и то обстоятельство, что оно может отмечаться в специальных исследованиях [Широкова 1974: 45], но игнорироваться теми же авторами в работах обобщающего характера [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 239].

⁸⁴ Вспомогательные формы глагола *bych, bys, by, bychom, byste, by* могут сливаться с подчинительными союзами **a** и **kdy** в одно полифункциональное слово, которое одновременно участвует в образовании форм кондиционала и в формировании сложного предложения: *a + bych, bys, by... → abych, abys, aby...* *чтобы я, ты, он...; kdy + bych, bys, by... → kdybych, kdybys, kdyby... если бы я, ты, он...*

⁸⁵ Коль скоро сочетания *abych / abys / ... + l-форма* регулярно рассматриваются при характеристике чешского кондиционала (см. цитируемые выше работы), мы не видим причин, говоря о русском сослагательном наклонении, игнорировать генетически близкое ему сочетание *чтоб + л-форма*, рассматриваемое авторами [Русская грамматика 1980. Т. II: 111] в составе синтаксического побудительного наклонения и специфицированного в русской разговорной речи для выражения категорического побуждения. Конструкции *чтоб(ы) + л-форма* нередко рассматриваются в составе русского «кондиционалиса», ср.: «В Брехт 1977 предложено семантическое и синтаксическое обоснование того, что союз *чтобы* состоит из союза *что* плюс модальный показатель *бы*. Тот факт, что эта частица функционирует в русском языке как энклитика, занимая в предложении вторую позицию (или же позицию сразу после глагола), объясняет ее слитное написание с вводящим придаточное предложение союзом *что*. В независимых предложениях частица *бы* встречается после первого ударного слова или сразу за глаголом. В придаточных она всегда стоит после союза *что*, кроме тех случаев, когда *что* вводит придаточное уступительное, в котором позиция *бы* значительно менее жестко регламентирована» [Брехт 1985: 116]. В качестве системно соотносительных рассматривает данные феномены чешского и русского языка и Т. Н. Молошная, ср.: «В русском языке С[ослагательное] Н[аклонение] образуется сочетанием глагольной формы на *-л* (ее вариантом может быть форма с нулевой флексией, например, *мог*) и неизменяемой частицы *бы* (или *б*). Давно установлено, что морфологическая форма глагола, входящая в это сочетание, значения прош. вр. не выражает, а лексическое значение

лу (в котором они единичны⁸⁶), употребительны в значительно меньшей степени, чем конструкции типа *Шел бы ты отсюда!*, при межъязыковом сравнении мы имеем дело со своего рода зеркальной ситуацией: в чешском языке употребительность конструкций с «чистым» кондиционалом в составе побудительных высказываний многократно уступает употребительности конструкций с не-«чистым» кондиционалом, в русском же языке — наоборот. Обращают на себя внимание также и межъязыковые различия в функциональной нагруженности чешских и русских конструкций рассматриваемого типа в плане выражения категорического / некатегорического побуждения. В то время как в русском языке конструкции типа *Шел бы ты домой* специфицированы для выражения некатегорического побуждения, а конструкции типа *Чтоб ты немедленно убрался* — для выражения побуждения категорического, в чешском языке для выражения некатегорического побуждения регулярно используется как «чистый», так и не-«чистый» кондиционал (для экспликации категорического побуждения специфицирована лишь одна из нескольких возможных моделей, а именно модель *ne + a- + кондиционал н.в.*⁸⁷).

частицы *бы* (*б*) стало ее грамматическим значением; соединение же этих двух единиц порождает грамматическое значение СН. Тяготение безударной частицы *бы* (*б*) к первому полноударному слову в предложении приводит к сближению или даже к слиянию этой частицы с некоторыми союзами и частицами, например, *чтобы* (*чтоб*), *если бы*, *якобы*, *хотя бы* и пр. Подобное слияние не означает, что частица *бы* (*б*) перестает быть компонентом А[налитической] Ф[ормы] СН. Дистантное положение компонентов этой формы не только допустимо, но и чрезвычайно распространено: *Глаза бы мои тебя не видели!*; *Чтоб глаза мои тебя не видели!*. В этой связи можно вспомнить термин “разрывная морфема”, бытовавший в лингвистике: морф *-л* (*-#*) и морф *бы*(*б*) составляют разрывную морфему, или АФ, СН, независимо от их позиции в предложении. <...> Из слияния изменяемых (в отличие от русск. неизменяемой *бы*) вспомогательных форм СН *bych*, *bys*, *by* и т. д. с частицей *a'* и союзом *kdy* возникли изменяемые по лицам и числам вспомогательные сращения *abych*, *abys*, *aby* и т. д., которые также участвуют в формировании значения СН» [Молошная 1990: 115, 117].

⁸⁶ Ср., например: *Вернись вечером, и чтобы газета была готова.* (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

⁸⁷ Авторы [Mluvnické češtiny 1987] обозначают, для большей терминологической четкости, структуры типа *Kdybyste přišel zítra* ‘Пришли бы вы завтра’, *Ne abys tam chodil* ‘Не вздумай туда ходить’ не как «кондиционал с *kdybyste*», «кондиционал с *abyste* с отрицанием в начале предложения» (как это было принято ранее), а как соответственно «*kdy* + кондиционал настоящего времени», «*ne + a + кондиционал настоящего времени*». Мы склонны принять новый спо-

«Отрицательное» побуждение может выражаться не только моделью *ne + a- + кондиционал н.в.*, но и моделью *a- + кондиционал н.в. с негацией l-формы*, при этом речь уже не будет идти о побуждении категорическом. В какой-то степени высказывания, оформленные по этим двум моделям, соотносятся как **запрет** и **предостережение**⁸⁸, и в пользу подобной интерпретации говорит также следующее обстоятельство:

В представленных в нашем материале высказываниях, оформленных по модели *ne + a- + кондиционал н.в.*, действие, к воздержанию от которого побуждается Слушающий (=Исполнитель), непосредственно называется, ср.:

<i>Bud' na sebe opatrněj, Bedřichu! Ne, aby ses zase držel moc při zdi!</i> (Dikobraz)	<i>Будь осторожен, Бедржих! Смотри не держись слишком уж у стенки!</i>
---	--

<i>[nana v křesle — malenkému rebenku s knížkou:] Dobře, ale jen dvě stránky. A ne abys potom zase říkal, že čtu pěkný blbosti!</i> (Dikobraz)	<i>Ладно, но только две страницы. И не вздумай потом опять говорить, что я читаю ерунду!</i>
---	--

В высказываниях же, оформленных по модели *a- + кондиционал с негацией l-формы*, тематизируются, как правило, возможные негативные последствия осуществляемых в данный момент действий Слушающего (= Исполнителя), ср.:

соб описания рассматриваемых моделей как более корректный, отмечая лишь дополнительно графическую нерасчлененность форм типа *abych / abys / ...*, *kdybych / kdybys / ...*, ср.: «**kdy-** + кондиционал настоящего времени», «**ne + a- + кондиционал настоящего времени**».

⁸⁸ Не случайно в учебной литературе основное различие между ними определяется именно подобным образом, ср.:

«2) Совет с оттенком предостережения и опасения, что действие не будет выполнено, выражается отрицательными формами кондиционала с **abych, abys, aby...** Ср.: *Abys už nemluvil hlouposti! He говорил бы ты глупости! <...> Abyste se nemýlili! Смотрите, не ошибитесь!*

3) Настоятельный приказ, категорическое запрещение с оттенком предупреждения передается формой кондиционала с **abych, abys, aby...** с постановкой отрицания в начале предложения. [Ср.:] *Ne abyste přišli pozdě na večeři! Смотрите, не вздумайте опоздать на ужин! Ne aby sis to koupil! Не вздумай купить себе это!»* [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 239].

Ale na náraz to citlivý bude. Aby ti to neupadlo na zem, rozumíš.
(J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů)

Eman si však neodpustil, aby ještě Zemanovi neřekl: — Abyste z toho neměl malér, pane poručík. Politickej! (J. Procházka. Vrah se skrývá v poli)

Но на сотрясение это среагировать может. Как бы это у тебя не упало как-нибудь на пол, понимаешь?

Эман не удержался, чтобы не сказать Земану: «Как бы у вас не было из-за этого неприятностей, господин поручик. Политических!»

Можно в связи с этим вспомнить и поддерживаемое В. С. Храковским разграничение *прохибитивного* и *превентивного* высказываний⁸⁹ (в богемистике подобное разграничение не принято и в обоих случаях речь будет идти о *прохибитивности* [Mluvniče češtiny 1987: 337]).

Если мы, однако, попытаемся мысленно визуализировать функционально-семантическое поле императивности в чешском языковом пространстве, то пара, образуемая двумя массивами, оформленными по рассматриваемым двум моделям высказываний, будет несколько смещена в направлении сгущения *предостережение*, так что даже центр массива высказываний, оформленных по модели *ne + a- + кондиционал н.в.*, расположен ближе к центру сгущения *предостережение*, чем к центру сгущения *запрет*⁹⁰.

⁸⁹ «По своей семантике превентивные предложения, с одной стороны, сходны с прохибитивными, а с другой — отличаются от них. Сходство состоит в том, что в превентивных предложениях, как и в прохибитивных, выражается адресованное слушающему волеизъявление говорящего относительно неисполнения действия, а отличия заключаются в том, что волеизъявление предстает как пожелание того, чтобы исполнитель контролировал ситуацию и не выполнил бы называемое действие, которое, по мнению говорящего, в случае его осуществления, нанесет ущерб либо исполнителю, либо говорящему, либо какому-нибудь другому лицу. Указанные различия между прохибитивными и превентивными предложениями фиксируются терминологически. Принято говорить, что в прохибитивных предложениях выражается запрет, тогда как в превентивных предложениях выражается предостережение [Дурново 1922]» [Теория... 1990: 213]. →

⁹⁰ Продолжив вектор XY (где X — центр массива *ne + a- + кондиционал н.в.*, а Y — центр массива *a- + кондиционал н.в. с негацией l- формы*), мы наткнемся на массивы высказываний, оформленных по моделям *a' + ne- + 2 л. наст. вр. индикатива (A' to neposíláš po Zdeňkovi 'Смотри не посылай это со Зденеком /*

Поскольку «отрицательные» модели с *a-* + *кондиционал н.в.* специфицированы для выражения **предостережения** и **запрета**, вполне закономерно, что коррелирующая с ними «положительная» модель *a-* + *кондиционал н.в.* специфицирована для выражения **совета** и **приказа**. Предпосылкой возможности использования модели *a-* + *кондиционал н.в. без негации* для выражения **совета** является ее соотносимость с моделью *a-* + *кондиционал н.в. с негацией l-формы* (речь может идти о некой обобщенной модели *a-* + *кондиционал н.в. с негацией / без негации l-формы*), а предпосылкой возможности ее использования для выражения **приказа** является ее соотносимость с моделью *ne* + *кондиционал* (речь может идти, таким образом, и об **альтернативной** обобщенной модели: *ne / Ø* + *кондиционал н.в. без негации l-формы*). Ср. следующие примеры с рассматриваемой моделью, первый из которых содержит **совет**, а второй — **приказ**:

*[ранним утром в провинциальный городок приезжает служебная машина со столичным номером, и из нее выходит похожий на доцента человек:] “Budu se s vámi vracet?” zeptal se řidič. / “Nevím,” řekl tiše docent, sáhl po aktovce a vystoupil z vozu. “Snad **abyste** se **šel** někam vyspat”.*
(V. Erben. Bláznova smrt)

«Мне подождать вас [букв. Я буду с вами возвращаться]?»», — спросил водитель. / «Не знаю, — ответил доцент, беря портфель и выходя из машины. — Наверное, вам стоит пойти куда-нибудь выспаться»

*[Следователь говорит по телефону с подчиненными:] Ted' hned zavoláš Beránkovi. Seberte partu a přijed'te. **Abyste** v sedm ráno **byli** na místě.*
(V. Erben. Bláznova smrt)

Сейчас ты сразу же позвонишь Беранеку. Соберите группу и приезжайте. Чтоб в семь утра были на месте»

Мы говорили о «смещении» массивов, образуемых высказываниями, оформленными по модели *ne* + *a-* + *кондиционал н.в.* и по модели *a-* + *кондиционал н.в. с негацией l-формы* (либо некоего со-

*Чтоб ты это не посылал со Зденеком') и *at'* + *není* + *participium passivi* (*At' tu není nakouřeno* 'Чтоб здесь не было накурено!'), которые авторы [Mluvnice češtiny 1987: 339], несмотря на то, что с этими моделями, по их мнению, «связана пресуппозиция возможности альтернативного поведения адресата, в связи с чем речь идет скорее о функции предостережения», рассматривают в числе средств экспликации **запрета**.*

вокупного массива, образуемого высказываниями, оформленными по «обобщенной»⁹¹ модели *a- + кондиционал н.в. с негацией l-формы / всей конструкции*), относительно центров сгущений *запрет* и *предостережение*. В случае с массивом высказываний, оформленных по модели *a- + кондиционал н.в. без негации l-формы*, подобное смещение к центру сгущения *совет* (относительно центров сгущений *совет* и *распоряжение*) будет еще более значительным: абсолютное большинство содержащихся в нашем извлеченном сплошной выборкой материале примеров рассматриваемого типа выражают именно *совет*.

Авторы [Mluvnice češtiny 1987: 345] отмечают рассматриваемую модель, осложненную частицами *snad*, *možná*, «сигнализирующими неуверенность говорящего в целесообразности (*účelnost*) того, что он предлагает» (высказывания типа *Snad (možná) abys ti zavolal* ‘А не позвонить ли тебе ему’), в качестве одного из средств выражения *предложения (návrh)*, которое они, таким образом, фактически смешивают (т.е. объединяют в одном массиве) с *советом*. Авторы [Mluvnice češtiny 1987: 345], решив разграничивать *предложение (návrh)* и *совет (rada)*, постулируя для первого «возможность» каузиремого действия (*možné jednání*), а для второго — его «желательность» (*žádoucí jednání*), несколькими строками далее фактически дезавуируют данное весьма существенное, на наш взгляд, различие, определяя *предложение* как «обращение внимания Адресата на возможную реализацию / нереализацию такой деятельности, которую Говорящий считает адекватной ситуации Адресата». Нам представляется, что идея адекватности (взаимодействующая с идеей желательности), имплицитно присутствует и в первой из приведенных выше цитат, т.к. нельзя сомневаться в целесообразности, если идея целесообразности (связанная с идеей адекватности и с идеей желательности) вообще ни при чем.

Модель *kdy- + 2 / 3 л. кондиционала н.в.* специфицирована в чешском языке, по свидетельству [Mluvnice češtiny 1987: 340], для выражения *просьбы*. Именно *просьбу* и выражает большинство выска-

⁹¹ Возможен, безусловно, и такой вариант обобщения.

званий подобного типа⁹², представленных в нашем материале, ср., например:

<i>Tady je, prosím, pistole. V pořádku.</i>	<i>Вот [ваш] пистолет. В полной сохранности. Прошу.</i>
<i>Prosím. To potvrzení kdybyste mi vrátil.</i> (V. Erben. Poklad byzantského kupce)	<i>Вы не вернете мне расписку?</i>

Тем не менее следует отметить также способность данной модели образовывать высказывания с актуальной коммуникативной функцией не только *просьбы*, но и *совета*, что обуславливается, на наш взгляд, тем обстоятельством, что подобные образования могут интерпретироваться как эллиптические эквиваленты не только структур типа *byl bych rád, kdybys(te)...* [Mluvnice češtiny 1987: 340]⁹³, но и структур типа *bude / bylo by lépe, kdybys(te)...* ‘будет / было бы лучше всего, если бы ты (вы)...’, ср., например:

<i>Ale ministryna choť nevěnovala mnoho pozornosti tomuto ději, nýbrž řekla, jako by to učinila každá jiná paní: “Prosím tě, kdybys raději jedl; vystydne ti to”.</i> (K. Čapek. Ztracený dopis)	<i>‘Однако супруга министра не проявила к этому особого интереса и сказала, как это сделала бы всякая другая супруга на ее месте: «Ешь [букв. если бы ты ел] лучше, а то все остынет».’</i>
---	---

Более того, актуализация идеи гипотетичности, связанной с категориальным значением кондиционала в целом, может приводить к тому, что высказывание, оформленное по этой модели, интерпретируется как *предложение*, ср.:

⁹² Целый ряд примеров содержит фразеологизованное усложнение данной модели: *kdybyste byl tak laskav a* [‘будьте так любезны и’] + *l*-форма смыслового глагола, ср. примеры из романа В. Эрбена *Bláznova smrt: Kdybyste byl tak laskav a doprovodil mě tam* ‘Вы не будете столь любезны проводить меня туда?’; *Kdybyste byl tak laskav, pane Kremna, a chvíli se mi věnoval...* ‘Вы не будете столь любезны, господин Кремна, уделить мне минуту вашего внимания...’; [стоящий у края бассейна — пловцу:] *Kdybyste byl tak laskav a připlul blíž...* ‘Вы не будете столь любезны подплыть поближе...’

⁹³ Ср. следующий пример: *“Vaše přítomnost,” řekl, “není nezbytně nutná, ale **byl bych rád, kdybyste přišla**”.* (V. Erben. *Bláznova smrt*) ‘«Ваше присутствие, — сказал он, — не обязательно, однако мне было бы очень приятно, если бы вы пришли»’.

"Pane, kdybyste počkal na druhé straně síně," navrhl Moneo. <doc S|NOV|1996|bozimedu> <s 005-p1153s1>

‘«Господин, подождите [букв. если бы вы подождали] в другом конце зала», — предложил Монео.’

Рассматривая возможность использования оформленных сослагательным наклонением / кондиционалом вопросительных конструкций в побудительных высказываниях в современных чешском и русском языках, следует отметить немаловажное межъязыковое различие.

В современном русском речепотреблении в составе побудительных высказываний оформленные сослагательным наклонением вопросительные конструкции ощутимо менее узуальны, чем соответствующие конструкции с индикативом, ср.: *Ты не зашел бы туда? :: Ты не зайдешь туда?* При этом, как и в рамках индикатива, для выражения побуждения используется конструкция с отрицанием, тогда как конструкция без отрицания специфицирована для выражения именно вопроса, а не побуждения, ср.: *Ты зашел бы туда? Ты зайдешь туда?*

В современном же чешском речепотреблении в составе побудительных высказываний, оформленных вопросительной конструкцией, кондиционал используется гораздо активнее индикатива (по данным SYN2000 почти в 2,5 раза активнее), при этом речь идет прежде всего о конструкциях без отрицания, ср. некоторые из весьма многочисленных примеров с разными интерпретирующими каузативами:

Ukázal jsem na ni a vybidl Nicka: "Ujal by ses vedení?" <doc S|NOV|1997|marcin> <s 005-p32s3>

‘Я показал на нее и попросил [букв. побудил] Ника: «Не сядешь за руль [букв. ты взял бы управление]?»’

"Vypnul byste prosím motor?" požádal ho. <doc S|NOV|1994|smilide> <s 001-p621s1>

‘«Вы не выключите [букв. вы выключили бы] мотор?» — попросил он его.’

"Dala by sis kávu?" nabídl Robert. <doc S|NOV|1996|epidem05> <s 001-p249s1>

‘«Ты не хочешь [букв. ты взяла бы себе] кофе?» — предложил Роберт.’

Оформленные кондиционалом вопросительные конструкции с отрицанием также возможны (хотя и менее узуальны, чем без отрицания⁹⁴), ср., например:

<p>"Nepřinesl byste nám dvě Shirley Temple?" požádal Radar číšníka , který se dostavil k jejich stolu, aby jim oznámil, že vedení baru hotelu Ritz zásadně nedovoluje konzumaci přinesených nápojů. <doc S NOV 1997 mashpar><s 018-p104s1></p>	<p>‘«Вы не принесете [букв. вы не принесли бы] нам две бутылки Shirley Temple?» — попросил Радар официанта, подошедшего к их столику, чтобы сообщить, что в баре отеля «Риц» ни в коем случае нельзя распивать принесенные с собой напитки.»</p>
<p>Nezkusila byste promluvit s panem režisérem? navrhl pan Anton. <s 001-p1145s1><doc S COL 1992 pec></p>	<p>‘«Вы не хотите поговорить [букв. вы не попробовали бы поговорить] с режиссером?» — предложил господин Антон.»</p>

Весьма употребительной в составе побудительно употребленных вопросительных конструкций с кондиционалом является и модель *co + kdy-/a-*⁹⁵ + кондиционал н.в., специфицированная, насколько можно судить по представленным в текстах SYN2000 примерам с интерпретирующим каузативом, для экспликации предложения, ср.:

<p>"Co kdybys začal příjemnou teplou koupelí?" navrhla jsem. <doc S NOV 1996 hearts6> <s 001-p15s1></p>	<p>‘«А не начать ли [букв. что, если бы ты начал] с приятной теплой ванны», — предложила я.»</p>
<p>"Co kdybyste mu zavolal," navrhl Jack. <doc S NOV 1996 epidem04> <s 001-p56s1></p>	<p>‘«Может, вам ему позвонить [букв. что, если бы вы ему позвонили]», — предложил Джек.»</p>
<p>"Co abys šel sem a posadil se?" navrhl velký černoš. <doc</p>	<p>‘«Может, подойдешь и присядешь [букв. *что чтобы ты</p>

⁹⁴ Среди представленных в текстах SYN2000 примеров рассматриваемого типа с интерпретирующим предикатом их почти в 10 раз меньше, чем без отрицания.

⁹⁵ В абсолютном большинстве случаев речь идет о варианте с *kdy-*.

S|NOV|1996|epidem06> <s 001-
p119s1>

подошел и присел]», — предло-
жил огромный негр.’

Модель *byl bys(te) tak laskav(a)* а в составе побудительно употре-
бленных вопросительных конструкций с кондиционалом специ-
фицирована для экспликации *просьбы*, ср.:

**"Slečno Taylorová, byla byste tak
laskava a připevnila si tenhle
mikrofonek na klope saka?"**
*požádal ji s úsměvem jeden z
techniků a podával jí miniaturní ,
černý mikrofon.* <doc
S|NOV|1995|jejitouh><s 006-
p130s1>

‘«Мадмуазель Тейлор, вы не
прикрепите [букв. были бы так
любезны и прикрепили] этот
микрофон на отвороте?» —
улыбнувшись, попросил ее один
из техников и подал миниа-
турный черный микрофон.’

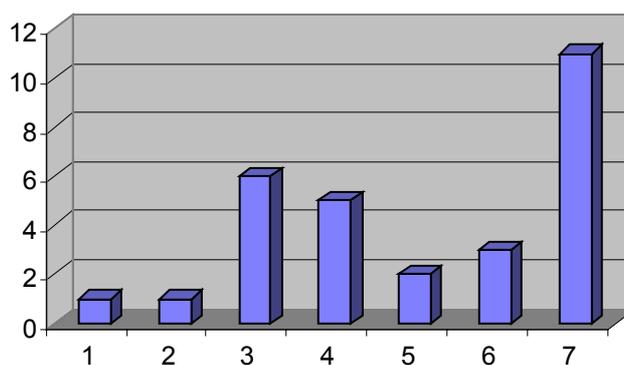
**"Byl byste tak laskav a vyřídil mu
to?"** *požádal Whattley.* <doc
S|NOV|1997|mashlon><s 006-
p41s2>

‘«Вы не передадите [букв. были
бы так любезны и передали]
ему это?» — попросил Уотли.’

Относительную употребительность рассмотренных выше моде-
лей в современном чешском речепотреблении можно проиллюст-
рировать следующей диаграммой, составленной на основе содержа-
щихся в текстах SYN2000 примерах с интерпретирующим каузати-
вом:

Модели:

1. *Kdybyste počkal na druhé straně síně.*
2. *Tak bys nenastoupil.*
3. *Ne abys někomu o tom říkal.*
4. *Dala by sis kávu?*
5. *Nepřinesl byste nám dvě Shirley Temple?*
6. *Byl byste tak laskav a vyřídil mu to?*
7. *Co kdybyste mu zavolał?*

В заключение отметим, что реализующаяся в рамках побудительных высказываний оппозиция *сослагательное наклонение (некатегорическое побуждение) ~ индикатив (категорическое побуждение)* в русском языковом сознании может переосмысливаться как оппозиция *неимперативная конструкция с **бы** (некатегорическое побуждение) ~ неимперативная конструкция без **бы** (категорическое побуждение)*⁹⁶, ср. два следующих примера из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», иллюстрирующих данную оппозицию «безглагольными» побудительными высказываниями:

(1) «*И молодец! И правильно!*» — с цинической, самоуничтожающей злобой подумал Рюхин и, оборвав рассказ о шизофрении, попросил: «Арчибальд Арчибальдович, **водочки бы** мне...»;

(2) «**Кресло мне,**» — негромко приказал Воланд, и в ту же секунду, неизвестно как и откуда, на сцене появилось кресло, в которое и сел маг.

⁹⁶ В [Брехт 1985] убедительно доказывается, что «*бы* в русском языке является независимой модальной частицей, привносящей в предложение значение ирреальности», а реализующаяся в рамках побудительных высказываний оппозиция *сослагательное наклонение / кондиционал ~ индикатив* основана, как мы отмечали несколькими страницами выше, именно на противопоставлении категориальных значений наклонений.

Материалом, свидетельствующим о подобном явлении в чешском языке, мы не располагаем.

2.6. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ТЕМАТИЗАЦИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ

Усиление категоричности может быть достигнуто тематизацией даже не самого возможного действия адресата, а *последствий* этого действия, ср. характерный пример из чешского классического фильма «Пекарь императора»:

A dostanu padesát zlatých! ‘С вас 50 золотых! [букв. И я получу 50 золотых]’⁹⁷.

Для русского речеупотребления подобный способ экспликации побуждения менее узуален, чем для чешского, однако все же возможен, о чем свидетельствует, на наш взгляд, допустимость буквально-го перевода следующего примера:

Až do zazvonění zde bude absolutní klid! (V. Erben. Bláznova smrt) ‘До самого звонка здесь будет абсолютная тишина!’

«Абсолютная тишина до конца урока», естественно, не может не являться следствием вполне определенных действий учеников.

В определенной степени говорить о тематизации последствий каузируемого действия можно и применительно к русским примерам типа *А ну, поднялся!* (актуализуется перфектная семантика эловых форм: ‘поднялся’ = ‘являющийся поднявшимся’, ср. [Бондарко 1971: 87]. В основе подобного употребления «лежит представление о каузируемых действиях как об уже совершившихся реальных фактах» [Теория... 1990: 74].]

Следует отметить весьма жесткие ограничения лексического характера, накладываемые на возможность обращения к данному способу экспликации побуждения. Так, принято считать, что речь идет об относительно небольшой группе глаголов, «у которых формы прош. вр. (особенно мн.ч., реже ед.ч.) могут иметь императивное значение и употребляться в повелительных предложениях. Это пре-

⁹⁷ На что собеседник отвечает «*Не дам!*», т. е. реагирует на реплику именно как на побуждение, отказываясь его выполнять.

жде всего глаголы СВ однонаправленного движения с префиксом *po-* типа *пойти, поехать, побежать*. Далее, в эту группу входят и другие глаголы СВ, обозначающие начальную (или конечную) фазу движения: *двинуть(ся), тронуть(ся), поднять(ся), взять(ся), начать, кончить*» [Теория... 1990: 236-237], ср.: «*Пошел к черту!*» — *сказал детина, озираясь*. (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

Примеры рассматриваемого типа в нашем материале единичны (при этом в большинстве случаев речь идет о конкретной словоформе — *пошел!*). Тем не менее данная модель экспликации побуждения остается в русском языковом сознании говорящего живой и теоретически может быть реализована. Примером может служить команда «*Упал, отжался!*», служившая какое-то время в качестве яркой детали речевого портрета одного из героев телесериала «*Куклы*». Показательно и то, что подобные конструкции продолжают оставаться в сфере внимания русистов, ср. [Беликов 2001].

2.7. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ТЕМАТИЗАЦИЮ НЕОБХОДИМОСТИ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ

И в чешском, и в русском языках достаточно обычным средством формирования побудительного высказывания является квалификация того или иного действия (поведения) Агенса как необходимого (ненеобходимого) или возможного (невозможного), что обусловлено присутствием сем необходимости и / или возможности в смысловой структуре побудительного высказывания.

Речь идет о постулативном долженствовании⁹⁸ и постулативной возможности. Понятие «постулативной возможности» соотносится с используемым Е. И. Беляевой понятием «внешней деонтической возможности, обусловленной волеизъявлением говорящего» [Теория... 1990: 132-136]. Термины *дедуктивное, объективное и посту-*

⁹⁸ Мы пользуемся данным термином вслед за П. Адамцем, по мнению которого «общее значение долженствования разбивается на три подгруппы: O¹ — дедуктивное долженствование, O² — объективное долженствование и O³ — постулативное долженствование. Все эти значения [в чешском речепотреблении — *А. И.*] выражаются глаголом *muset*, ср. *To musí být hodný člověk*. “Это, должно быть, добрый человек”, *Musel náhle odejet* “Ему пришлось внезапно уехать” и *Musíš mi pomoci* “Ты должен ему помочь”» [Adamec 1974: 151], распространив его употребление и на в о з м о ж н о с т ь .

лативное долженствование (возможность) представляются нам более удачными, чем используемые некоторыми исследователями соотносительные с ними термины *поссибилятивное*, *абильтивное* и *пермиссивное* долженствование (возможность) [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 319].

В обоих сопоставляемых языках группы модальных модификаторов необходимости и возможности объединяют различные по своим морфологическим характеристикам единицы. Так, русский язык располагает модальными глаголами *мочь* и *сметь*⁹⁹, прилагательными *должен*, *вынужден*, *принужден*, *обязан*, *нужен*, *необходим*, предикативными наречиями (словами категории состояния) *можно*, *нельзя*, *нужно*, *надо*, *необходимо*, *положено*, *пора*, глаголами и сочетаниями *следует*, *полагается*, *стоит*, *не мешает*, *надлежит*, *приходится/придется*, существительными *долг*, *обязанность*, *право*, некоторыми устойчивыми оборотами типа *имеет смысл*, *есть необходимость* и т. д. [Теория... 1990: 133-136; 147]. Группы семантически и функционально соотносительных чешских модальных модификаторов столь же разнородны, ср. *muset*, *moci*, *smět*, *mít*, *potřebovat*, *lze*, *dá se*, *jde [to zařídit]*; *je (bylo, bude) nutno (nutné)*, *třeba (potřeba, potřebné)*, *nezbytné*, *možno (možné)*, *žádoucí*, *záhodno (záhodné)*, *radno*, *dlužno*, *vhodné*, *náležitě*, *slušné*, *čas*; *být nucen*, *povinen*; *mít možnost*, *právo*, *povinnost*, *za úkol*, *potřebu*; *sluší se / slušelo by se*, *hodí se / hodilo by se*, *patří se / patřilo by se*, *stojí za to / stalo by za to* и т. д. [Mluvnice češtiny 1987: 280].

При этом, однако, узуальная употребительность тех или иных разрядов модальных модификаторов в сопоставляемых языках различна. Для выражения постулативного долженствования или постулативной возможности чех использует прежде всего конструкции с модальными глаголами *muset* 'быть должным, обязанным', *moci* 'мочь', *smět* 'сметь', *mít* 'иметь' с отрицанием и без него. Носитель же русского языка обращается прежде всего к неспрягаемым модификаторам *(не) должен*, *(не) надо*, *можно*, *нельзя*. Из спрягаемых

⁹⁹ Глагол *иметь* может быть использован в качестве модального окказионально и лишь в стилизованном речепотреблении, ср.: *Обвиняемый номер семьдесят три-тринадцать приговаривается к смертной казни, срок исполнения приговора не определяется, вплоть до исполнения приговора обвиняемый имеет пребывать на воспитательных работах.* (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

русских модификаторов узуален лишь глагол *мочь*, конструкции с которым представлены в нашем материале в количестве, соотносительном с числом конструкций с модификатором *можно*. Меньшая, по сравнению с чешским, встречаемость в русском речепотреблении форм модального глагола *сметь* (с отрицанием и без него) может быть обусловлена, на наш взгляд, следующим обстоятельством. В русском языке подобные формы сигнализируют, как правило, авторитарную позицию говорящего и употребляются прежде всего в эмоционально окрашенных высказываниях, ср.: *Ты не смеешь / Вы не смеее разговаривать со мной в подобном тоне!* Чешские же конструкции с формами модального глагола *smět* более нейтральны, а потому и способны использоваться чаще, ср., например:

Jenom mi nesmíte nadávat, jestli nic nevyhražete. (M. Kapek. A je to gól!) *‘Только потом не ругайте меня [букв. не смеее меня ругать...], если ничего не выиграете.’*

Po několika minutách mlčení doktor Rous nesměle promluvil: “Nesmíte se na mě zlobit... Kdybychom byli známí, přátelé, rozumíte... Například s Čejchanem by se mi hovořilo velmi volně...” (V. Erben. Blázno-va smrt) *‘Помолчав несколько минут, доктор Роус несмело пробормотал: «Не сердитесь на меня [букв. вы не смеее на меня сердиться]... Вот если бы мы с вами были знакомыми, друзьями, вы понимаете... С Чейханом, например, говорить об этом мне было бы просто...»’*

Условия употребления и особенности семантики чешских модальных глаголов *muset* и *mít* детально проанализированы в статье [Adamec 1974], при этом для нашей проблематики были особенно интересны следующие ее положения:

При выражении постулативного долженствования с помощью глагола *muset* в большинстве случаев используется презентная форма модального глагола в сочетании со смысловым глаголом совершенного вида, ср. *Musím si odpočinout* ‘Я должен отдохнуть’, *Musíme si stanovit přesný plán* ‘Мы должны составить точный план’, *Musíš jim pomoci* ‘Ты должен им помочь’. Несовершенный вид возможен в случаях, когда коррелят совершенного вида отсутствует (ср. *Musíš být opatrnější* ‘Ты должен быть более осторожным’) или же тогда, когда речь идет о действии атемпоральном, гномическом или

же de facto футуральном, ср. *Musíš pracovat systematictěji* 'Ты должен работать более систематически', *Učitel musí své žáky zapalovat pro svůj předmět* 'Учитель должен будить в учениках интерес к своему предмету', *Ted' se musíš léčit* 'Теперь тебе надо лечиться'.

Употребление модального глагола в форме будущего времени «смягчает» настоятельность высказывания (видимо, тем, что реализация каузируемого действия как бы отодвигается в неопределенное будущее), ср. *Musíš se léčit // Budeš se muset léčit*, *Musíme si stanovit přesný plán práce // Budeme si muset stanovit přesný plán práce*.

Формы кондиционала модального глагола *muset* при выражении постулативного долженствования употребляются довольно редко, хотя и возможны, ср. *Jestli máme stihnout ten vlak, museli bychom jít rychleji* 'Если мы хотим [букв. если нам надо] успеть на поезд, нам стоило [букв. стоило бы] пойти побыстрее', *Abys něčeho dosáhl, to bys musel pracovat úplně jinak* 'Для того, чтобы чего-нибудь достичь, тебе надо работать по-другому'. При этом речь может идти о своего рода переходных случаях между постулативным и объективным долженствованием.

Модальный глагол *mít* имеет более сложную семантику, чем глагол *muset*. Его употребление может свидетельствовать о том, что инициатором (инспириатором, арбитром) долженствования является не сам Говорящий, а кто-то иной, либо о том, что постулируемое действие не реализуется, что может вести или уже привело к нежелательным последствиям, ср. высказывание *Máš pracovat pečlivěji* — 'Тебе надо работать старательнее' в контексте *Mistr ti vzkazuje, že máš pracovat pečlivěji* — 'Мастер тебе передает, что тебе надо работать старательнее' и в контексте *Nenaříkej, že se ti to nepovedlo, máš pracovat pečlivěji* — 'Не жалуйся, что у тебя это не получилось, тебе надо работать старательнее'.

Формы кондиционала модального глагола *mít*, в отличие от форм кондиционала глагола *muset*, выражая постулативное долженствование, сигнализируют пониженную категоричность долженствования, ср. *Měl bys pracovat systematictěji* 'Тебе стоило [букв. стоило бы] работать более систематически', *Jiří by měl Mileně pomoci* 'Иржи стоило бы помочь Милене', *Měl byste s ním promluvit* 'Вам бы стоило с ним поговорить'. Формы кондиционала модального глагола *mít* оказываются, таким образом, семантически соотносимыми с индикативными формами не того же глагола *mít*, а глагола *muset*.

Отрицание при выражающих долженствование конструкциях может выполнять две основные функции: **анулативную** функцию (отрицание необходимости действия не исключает, тем не менее, его возможности) и **контрастивную** функцию (речь идет о необходимости нереализации действия). В отличие от русского языка, в котором наиболее узувальные выражающие долженствование конструкции регулярно выражают и анулативное, и контрастивное отрицание (ср. *У меня сейчас помощник, так что я уже не должен делать все сам* (анулативное отрицание) // *Ты не должен забыть об этом* (контрастивное отрицание); *Сегодня выходной, так что нам не надо вставать* (анулативное отрицание) // *Больному ни в коем случае не надо вставать* (контрастивное отрицание) и т. д.), в чешском языке анулативное отрицание выражается, как правило, с помощью отрицательных форм модального глагола *muset*, а контрастивное отрицание — с помощью отрицательных форм глагола *mít*, ср. *Nemusí pracovat* = ‘нет необходимости, чтобы он работал’, *Nemá pracovat* = ‘надо, чтобы он не работал’. Функции контрастивного коррелята к отрицательным формам глагола *muset* выполняют отрицательные формы иных модальных глаголов — глаголов *mosí* ‘мочь’ и *smět* ‘сметь’. Ср. отрицание *Nemůžeš / nesmíš tak přepínat své síly* ‘Тебе не надо [букв. ты не можешь / не смеешь] так перенапрягаться’ и утверждение *Musíš si už odpočinout* ‘Тебе уже надо отдохнуть’, *Takhle se to nemůže / nesmí dělat* ‘Так это нельзя делать’ и *Musí se to udělat jinak* ‘Это надо сделать по-другому’, *Nemůžete / nesmíme ho nechat bez pomoci* ‘Мы не можем оставить его без помощи’ и *Musíme mu pomoci* ‘Мы должны ему помочь’¹⁰⁰.

В тех случаях, когда чешский узус допускает употребление конструкций с отрицательными формами обоих глаголов (глагола *mosí* и глагола *smět*), обращение к отрицательным формам глагола *smět* может свидетельствовать либо об усилении категоричности, либо о подчеркивании морального аспекта долженствования.

¹⁰⁰ В определенных условиях (в эмоционально окрашенных высказываниях) может произойти, по мнению П. Адамца, транспозиция выражаемого конструкциями с отрицательными формами модального глагола *muset* анулативного отрицания в отрицание контрастивное или же отрицание, неоднозначно интерпретируемое, ср. *Nemusíš hned ze všeho dělat tragédie!* — ‘Тебе совсем не обязательно изо всего сразу делать трагедию!’

Постулативно употребленные формы глагола *muset* с отрицанием в кондиционале семантически соотносительны с индикативными формами и выражают некоторое смягчение категоричности, ср. *Taky ti nemusíš / bys ti nemusel hned nadávat!* — ‘Тебе совсем не обязательно его сразу ругать!’

Постулативно употребленные конструкции с отрицательными формами модального глагола *mít* в индикативе выражают контрастивное отрицание тех значений, которые выражаются данными формами без отрицания, а именно:

(1) O³ (общая сентенция): *Správná definice nemá být příliš dlouhá* ‘Корректное определение не должно быть слишком длинным’. В подобных случаях возможны и отрицательные формы глагола *smět*, ср. *Děti se nemají / nesmějí příliš rozmazlovat* ‘Детей не следует слишком баловать’;

(2) O^{3A} (передача чужого мнения): *Vzkazují ti, že tam dnes nemáš chodit* ‘Я передаю тебе, что тебе сегодня туда не надо ходить’, *Volal nám, že na něho nemáte čekat* ‘Он звонил, чтобы мы его не ждали [букв. что мы не должны...]’;

(3) O^{3B} (задача — избежать нежелательных последствий): *Nediv se, že se urazil, nemá ti pořádk nadávat* ‘Не удивляйся, что он обиделся, ты не должен его все время ругать’.

Обращение к кондиционалу свидетельствует об ослаблении категоричности, ср.: *Už bychom asi neměli čekat* ‘Наверное, нам уже не стоит ждать’, *Neměl bys k němu být tak přísný* ‘Не стои тебе быть с ним таким строгим’, *Neměl by se tolik spoléhat na jiné* ‘Не стои ему настолько полагаться на других’, *Neměli byste je nechat bez pomoci* ‘Вам не стои оставлять их без помощи’ [Adamec 1974: 135-149]

Основным средством экспликации постулативной возможности в чешском языке следует считать конструкции с формами модального глагола *moci* (без отрицания), оформленные индикативом или (реже) кондиционалом, ср. некоторые из весьма многочисленных примеров:

— *Můžeš být rád, že od tebe žena odešla. Byla to fuchtle, řekl krejčí.* (J. Marek. *Panoptikum starých kriminálních příběhů*)

Bylo vidět, že ztratil všechnu

‘«Радуи́ся [букв. можешь радоваться], что жена от тебя ушла. Это была шлюха», — сказал портной.’

‘Было видно, что он потерял

autoritu, a když řekl slabým
beznadějným hlasem: “**Mohli byste**
mně také **pomocť**,” tu všichni z
eskorty dívali se ztrnule a nehnula se
ani živá noha. (J. Hašek. Osudy
dobrého vojáka Švejka)

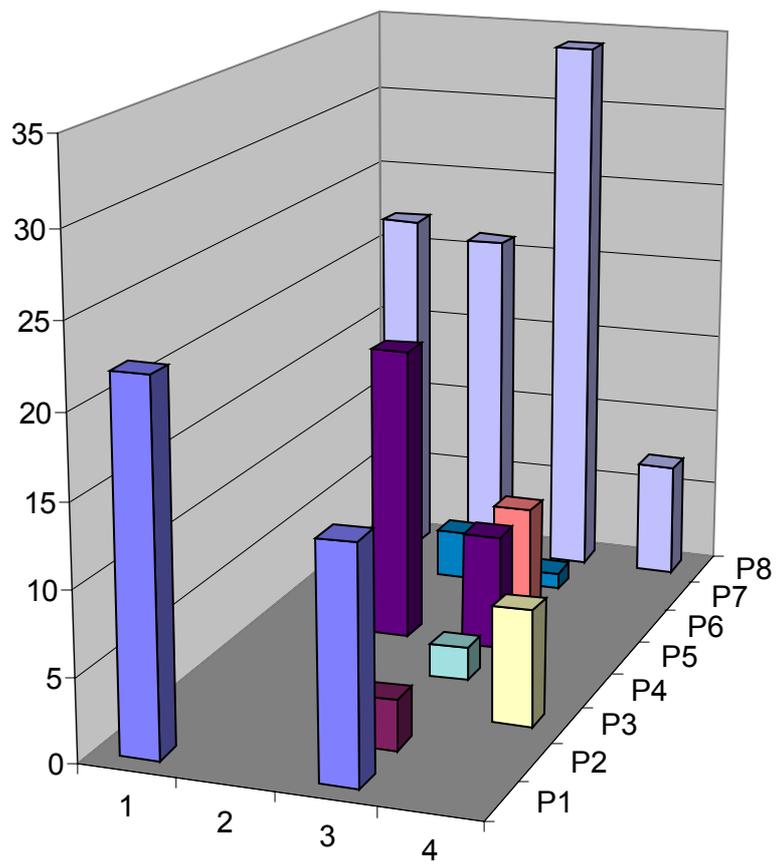
всякий авторитет, и когда он
безнадежным голосом сказал:
«Помогли бы хоть», — кон-
войные смотрели куда-то в
сторону, и никто не пошеве-
лился’.

Эксплицирующие постулативную возможность конструкции с
модальным глаголом *smět* (без отрицания) не узуальны, ср. один из
немногих подобных примеров:

Autokar s fotbalovou
jedenáctkou havaroval. Hráči
stojí před nebeskou bránou.
Svatý Petr přísně praví:
“Fotbalisty nepřijímáme!”
Sportovci odcházejí a vtom
svatý Petr zavolá: “Je tu s vámi
i střední útočník?” “Tady
jsem!” hlásí se Pavel. “Ty smíš
u nás zůstat, chlapče. Viděl
jsem tě hrát v posledním
zápase. Ty nejsi fotbalista”.
(Dikobraz)

‘Автобус с футбольной командой
попал в аварию. Игроки стоят
перед небесными воротами. Святой
Петр строго говорит: «Футболи-
стов мы не принимаем». Спорт-
смены уходят, и вдруг святой
Петр спрашивает: «Центральный
нападающий с вами?» «Здесь!» —
откликается Павел. «Иди сюда
[букв. ты смеешь у нас остаться],
парень. Я видел твою последнюю
игру. Ты не футболист»’

Об относительной употребительности рассматриваемых конст-
рукций может свидетельствовать следующая диаграмма, построен-
ная на основе представленных в текстах SYN2000 примерах данного
типа, снабженных авторским иллюкутивным комментарием, ср.:

Глаголы:

- 1 *mušet*
- 2 *mít*
- 3 *moči*
- 4 *smět*

Конструкции:

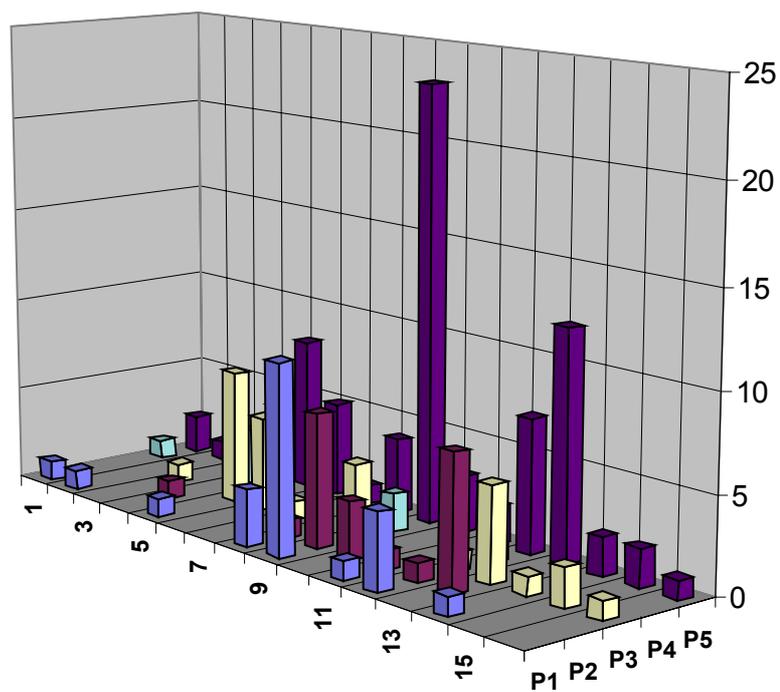
- P1 Невопросительная конструкция с индикативом без отрицания
P2 Вопросительная конструкция с индикативом без отрицания
P3 Невопросительная конструкция с индикативом с отрицанием
P4 Вопросительная конструкция с индикативом с отрицанием
P5 Невопросительная конструкция с кондиционалом без отрицания
P6 Вопросительная конструкция с кондиционалом без отрицанием
P7 Вопросительная конструкция с кондиционалом с отрицанием
P8 Общее число употреблений по всем конструкциям

Примеры к диаграмме:

- P1-1 "*Musíte s ní mluvit oficiálním tónem, pane rado,*" *domlouval* mu Smiley. <doc S|NOV|1994|smilide> <s 001-p2452s1> '«Говорите [букв. вы должны говорить] с ней официальным тоном, господин советник», – убеждал его Смили'.
- P1-3 "*Můžete se podívat,*" *nabídl* mu. <doc S|NOV|1995|vrazlek> <s 001-p2306s2> '«Посмотрите [букв. вы можете посмотреть]», – предложил он ему'.
- P2-3 "*Můžete mi to zahrát ještě jednou?"* *požádal.* <doc S|NOV|199h|leponap> <s 031-p52s1> '«Вы не сыграете [букв. вы можете сыграть] мне это еще раз?» – попросил он'.
- P3-4 "*Heleďte, nesmíte si to tak brát,*" *radil* mladý policista. <doc S|NOV|1997|doktorv> <s 002-p533s1> '«Слушайте, не берите в голову [букв. вы не смеете брать]», – советовал молодой полицейский'.
- P4-3 *Nemůžeš to vydržet do rána?* *zaprosila* její matka. <doc S|NOV|1992|jep> <s 001-p430s1> '«Ты не можешь потерпеть до утра?» – попросила ее мать'.

- P5-2 "Asi **byste** si **měla** lehnout," *doporučil* jí. <doc S|NOV|199h|leponap> <s 083-p77s1> '«Наверное, вам стоит лечь», – посоветовал он ей'.
- P5-3 "Dobry, ale vy **byste** mě pak **mohl** hodit domů... máte to po směru a sotva pět minut..." *prosil* Dominik táhnoucí už nohy za sebou. <doc S|NOV|1969|milavra> <s 001-p280s50> '«Хорошо, но потом вы не подбросите [букв. вы бы могли подбросить] меня домой... вам это по дороге, да и всего-то пять минут», – попросил Доминик, ноги которого уже заплетались'.
- P6-3 "**Mohl byste** mi podat moje karty?" *požádal* ho místo odpovědi a Mitch začal sbírat karty rozházené po zemi. <doc S|NOV|1994|pobrehli> <s 001-p279s1> '«Вы не подадите [букв. вы бы могли подать] мне мои карты?» – вместо ответа попросил он, и Митч начал собирать разбросанные по земле карты'.
- P7-2 "**Neměl byste** jít radši k doktorovi, když vás něco takového trápí?" *doporučila* máti. <doc S|NOV|1968|durrell> <s 001-p1508s1> '«Вам бы лучше пойти к доктору, раз уж вас мучает что-то вроде этого», – советовала мать'.
- P7-3 "**Nemohla by sis** jí vykasat?" *navrhl* Rost'a. <s 001-p1266s1> <doc S|COL|1991|sezona> '«Ты не можешь [букв. ты бы не могла] ее засучить?» – предложил Ростя'.

Как видно из приведенных примеров, выражающие постулативное долженствование и постулативную возможность конструкции используются для образования побудительных высказываний с самой разной иллокутивной значимостью, однако явное лидерство занимают *совет*, *предложение*, *просьба* (в таком порядке), см. следующую диаграмму:

Модальные глаголы:

- P1 *muset*
- P2 *mít*
- P3 *moci*
- P4 *smět*
- P5 *общее число по всем модальным глаголам*

Глаголы в интерпретирующем предикате:

- 1 *přikázat*
- 2 *nařít*
- 3 *pokynout*
- 4 *napomenout, napomínat*

5	prosit, zaprosit
6	žádat, požádat
7	přemlouvat
8	domlouvat
9	radit, poradit
10	doporučit
11	varovat
12	upozornit, upozorňovat
13	navrhnout, navrhopvat
14	vyzvat
15	nabídnout
16	vybídnout

Специфической возможностью чешского речеупотребления является возможность использования модальных глаголов *muset* (с отрицанием и без него) и *smět* (с отрицанием) в составе возвратных конструкций *musí se* 'следует, должно, полагается' и *nesmí se* 'не следует, нельзя', ср.:

<i>Na ty kluky maďarský se musí jít vostře. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)</i>	<i>‘С этими венграми надо обращаться круто.’</i>
---	--

<i>“Ale zelenina,” upozorňoval ho, “se v tomhle případě nesmí zapražit. To poznámávám...” (V. Erben. Bláznova smrt)</i>	<i>‘«Но овощи, — предупреж- дал он, — нельзя прожари- вать. Я особо отмечаю это...»’</i>
---	--

Рассмотренные выше конструкции с глаголами *muset*, *mít*, *smět*, *moci* покрывают абсолютное большинство (практически все) представленные в нашем материале примеры на постулативное должествование и постулативную возможность. Примеры с иными модальными спецификаторами единичны, ср., например:

<i>[покупательница — продавцу:] Potřebuji dnes úplně ďábelský svůdný parfém!” (Dikobraz)</i>	<i>‘Сегодня мне нужны духи с чертовски обольстительным запахом.’</i>
--	--

<i>Po dlouhé cestě na hory manžel- řidič, úplně vyčerpaný, odstavuje auto. “Tak, parkoviště bychom už</i>	<i>‘После долгой езды в горах суп- руг-водитель, совершенно измо- танный, паркует машину. «Так,</i>
---	---

měli, teď je ještě třeba zjistit, do kterého města jsme se to vlastně dostali”. (Dikobraz)

Tak to by možná chtělo podívat se, jestli tu nemáme nějakého námořníka. Myslím v kartotéce... (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů)

Poslyšte, kadete Bieglere, myslím, že jste se učil, že máte na otázky svého představeného odpovídat” / “Ovšem,” řekl kadet Biegler, “jest takový passus. Nutno ovšem předem rozebrati náš vzájemný poměr. Pokud je mi známo, nejsem nikam ještě přidělen”. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

Samozřejmě někdy můžeš z nich mít nějaký prospěch, ale spoléhat na to nelze. (J. Marek. Můj strýc Odysseus)

место для стоянки мы вроде как нашли, теперь надо выяснить, куда же мы, собственно, приехали».

‘Наверное, стоит посмотреть, нет ли у нас какого-нибудь моряка. Я имею в виду в картотеке...’

‘«Слушайте, кадет Биглер, я полагаю, вас учили, что вы обязаны отвечать на вопросы вашего начальника» / «Действительно, — сказал кадет Биглер, — есть такой пассаж. Но сначала надо выяснить наши взаимоотношения. Насколько мне известно, я еще никуда не назначен».

‘Ты можешь иметь от них когда-никогда выгоду, но рассчитывать на это нельзя.’

Наш русский материал представляет более равномерное распределение примеров рассматриваемого типа по отдельным модальным лексемам и моделям.

Интересно, что в то время как в общей массе высказываний, описывающих ситуацию необходимости, «в ряду прочих модальных лексем слово *должен* занимает особое место, являясь безусловной доминантой данного ряда [Теория... 1990: 147], высказывания, эксплицирующие в русском речепотреблении долженствование постулативное, образуются прежде всего с помощью словоформы *надо*. На втором месте стоит *нужно* и лишь на третьем — *должен,-а,-ы*. При этом среди побудительно-долженствовательных высказываний

представлены те же формально-синтаксические модели, что и в общей массе долженствовательных высказываний¹⁰¹.

2.8. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ТЕМАТИЗАЦИЮ ПОЛЕЗНОСТИ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ

Обращение к данному средству формирования побудительного высказывания закономерно для экспликации совета или предостережения, хотя естественно, что специфицированность данного средства для экспликации совета или предостережения не исключает его использования для выражения просьбы, приказа, требования и т. д. (в подобных случаях речь будет идти о транспозиции *совет* → *просьба*, *совет* → *требование*, *совет* → *приказ* и т. д.).

¹⁰¹ В общей массе долженствовательных высказываний С. Н. Цейтлин предлагает выделять «следующие конструктивные разновидности предложений, содержащих лексемы со значением необходимости в качестве стержневых: а) *Брат должен был с ним поговорить; Ты обязан подчиниться; Учитель вынужден ставить ему тройки*; б) *Матери нужно срочно с ним поговорить; Тебе необходимо там побывать*; в) *Вам следует туда пойти; Ему надлежит извиниться*; г) *Есть необходимость вам с ним объясниться*; д) *Долг солдата — подчиняться приказу; Твоя обязанность — смотреть за детьми*; е) *Его приезд необходим; Мне нужна ваша поддержка*. Перечисленные выше конструкции различаются способом представления основных компонентов предметной ситуации, но сам набор компонентов остается неизменным. В каждом предложении конструктивное ядро включает элемент со значением субъекта действия, элемент, обозначающий действие, а также модальную лексему (модальный оператор). Во всех структурах, кроме последней, действие выражено инфинитивом. В последней конструкции для выражения действия используется отглагольное существительное (налицо номинализация процесса). Компонент со значением субъекта действия занимает в предложении позицию либо подлежащего (структура а), либо дополнения (структуры б, в, г), либо определения (структуры д, е). Отсутствие вербального выражения субъекта свидетельствует либо об эллипсисе (незамещенной позиции), либо о синтаксическом нуле» [Теория... 1990: 147-148]. Из приведенных примеров не могут выступать в качестве долженствовательно-побудительных лишь пример *Учитель вынужден ставить ему тройки* (данная лексема специфицирована для выражения *объективного*, по терминологии [Adames 1974], долженствования) и пример *Брат должен был с ним поговорить* (высказывание описывает некую ситуацию в прошлом, а для побуждения необходима презентно-футуральная перспектива; для того, чтобы данное предложение могло функционировать в качестве долженствовательно-побудительного высказывания, достаточно замены *был* на *будет* или на нулевую связку настоящего времени).

В обоих сопоставляемых языках может быть использована конструкция типа чешск. *nejlepší (je / bude)* + инфинитив и русск. *лучше (всего) (вам / мне / нам...)* + инфинитив, тематизирующая предпочтительность того или иного действия потенциального Исполнителя.

Наш чешский материал представляет также конструкции типа *nejlepší / (nej)líp (je / bude / by bylo), když / kdyby...* ‘лучше всего (будет / было бы), если / если бы...’, *čím..., tím líp...* ‘чем..., тем лучше...’, *uděláte dobře / nejlépe, když...* ‘вы сделаете хорошо / лучше всего, если...’, *udělal byste dobře / nejlépe, kdybyste...* ‘вы бы сделали лучше всего, если бы вы...’, которые в принципе могут быть дословно переведенными на русский язык:

Uděláte dobře, když se taky posadíte. ‘Вы сделаете хорошо, если тоже присядете.’
(J. Hašek)

“*Nejlépe uděláte,*” pokračoval účelní šikovatel Vaněk, “*když necháte všechno plavat*”. (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*) ‘«Вы сделаете лучше всего, — продолжал фельдфебель Ванек, — если дадите всему идти своим чередом.»’

В нашем русском материале *полезность* каузируемого действия выражается также конструкциями типа *стóит / неплохо / хорошо / приятно... (было) (бы) + инфинитив*, ср.:

«Итак, мой благородный дон, — сказал дон Рэба, обращаясь к Румате, — **было бы чрезвычайно приятно услышать** ваши ответы на некоторые интересующие нас вопросы». (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом); «Я полагаю, что когорта Молниеносного может уйти, — ответил гость и прибавил: — **Хорошо бы было, если бы** на прощанье она продефилировала по городу». (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Предпочтительность того или иного действия Исполнителя в обоих языках может быть выражена также с помощью конструкции типа *(самое) главное / важное + инфинитив / существительное с семантикой действия (состояния)*, ср.:

чешские примеры:

Hlavní ve všem ročínání je vůbec začít. (J. Marek. *Můj strýc Odysseus*) ‘Во всем самое главное — вообще начать.’
Pohyby, chlapče, pohyby jsou důležité. (J. Marek. *Můj strýc Odys-*) ‘Движение, парень, движение — вот что самое важное.’

seus)

русский пример:

«*Стало быть, Миша Корнев, — думал Данилов, — ходил к Земскому... Надо будет обязательно расспросить Земского... Теории его ладно, хотя и они любопытны... Главное — выяснить про Мишу...*» (В. Орлов. Альтист Данилов).

Для тематизации *своевременности* каузируемого действия чешский язык располагает конструкциями типа *je největší / nejvyšší čas, aby / abys...*, а русский язык — конструкциями типа *пора / самое время + инфинитив*, ср.:

«*Самое время нам выпить с тобой*», — сказала она. (А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века).

Побуждение рассматриваемого типа может также оформляться как утверждение о том, что именно так поступают (готовы поступить, поступили бы) в данной ситуации достойные подражания люди (например, сам говорящий), ср.:

чешский пример:

[*отец — сыну, вручая ему деньги:*]
Otcovský podíl je posvátný a moudrý člověk ho rozhojí, dodal ještě starý slavnostně. (J. Marek. Můj strýc Odysseus)

‘*Наследство — вещь святая, и мудрый человек его приумножит*», — добавил старый торжественно.’

русский пример:

Мужчина должен заниматься настоящим мужским делом. Я бы на твоём месте поступила в пожарные. (А. Беляев. Ариель).

В обоих сопоставляемых языках побуждение данного типа может также выражаться квалификацией осуществляемого (либо планируемого, возможного и т. д.) действия / поведения как нежелательного, неуместного, нелепого, вредного и т. д., ср.:

чешские примеры:

Nesmíte tak příliš horlivě se hnát do služby. Není nic ošklivějšího nad splašeného ordonance <...>.

‘*Вам не следует так уж гореть на службе. Нет ничего отвратительнее суматошно-*

(J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka) *го ординарца <...>*

Ale ještě maličkost... Nebylo by snad dobré, kdyby o mé návštěvě věděla... celá škola... (V. Erben. Blázňova smrt) *'И еще одна деталь... Наверное, было бы не совсем хорошо, если бы о моем визите знала... вся школа...'*

русские примеры:

«Подождите, Доуэль, — вмешивался в разговор Ларе. — Вам вредно говорить». (А. Беляев. Голова профессора Доуэля); *Зря беспокоитесь, Верочка.* (И. Ефремов. Лезвие бритвы); *«Вы взрослый человек, — сердито сказал Данилов, — а, видно, уверили себя в каком-то детском вздоре... Это и смешно, и неприятно...»* (В. Орлов. Альтист Данилов); *Информатор щелкнул, помолчал и добавил поучающе: «Завидовать дурно. Завидовать дурно».* (А. и Б. Стругацкие. Попытка к бегству).

В обоих сопоставляемых языках прекращение осуществляемого Исполнителем действия может каузироваться конструкцией типа чешск. *dost* + *существительное / местоимение в род. п.* и русск. *хватит* + *инфинитив / существительное или местоимение в род. п., нечего + инфинитив*, ср.:

чешский пример:

Ale dost už těch velkých scén, Inko. (J. Procházka. Non na lišku) *'Но довольно уже этих сцен, Инка.'*

русские примеры:

«Хватит, хватит!» — перебила Элли. (А. Волков. Волшебник изумрудного города); *И нечего на меня орать, сами вы виноваты <...>.* (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

В обоих сопоставляемых языках побуждение прекратить или воздержаться от какого-либо действия может эксплицироваться квалификацией его как *недостойного*.

Чех в подобной ситуации обращается к конструкциям типа *není vám hanba* и особенно к конструкциям типа *Že se nestydíš...*, которые можно рассматривать как ставшие самостоятельными эллиптические эквиваленты конструкций типа *Já se divím, že se nestydíš...* 'Я удивлен, что тебе не стыдно...', ср.:

“Že se nestydiš,” zlobila se manželka, když ráno vstoupila do kuchyně, “pít na lačný žaludek rum!” / “Na jaký lačný žaludek?” diví se manžel. “Vždyť já si už dal dvě piva!” (Dikobraz)

‘«И не стыдно тебе пить на голодный желудок ром!» — сердилась супруга, выйдя утром на кухню. / «На какой еще голодный желудок? — удивляется муж. — Ведь я уже выпил две бутылки пива!»’

Že vám není hanba takhle otravovat poctivý lidi, soudruhu. (J. Procházka. Vrah se skrývá v poli)

‘И не стыдно вам, товарищ, надоедать честным людям.’

Русский может обратиться в подобной ситуации к конструкциям типа *и / как не стыдно (тебе); ты бы постыдился*, ср.:

«Вы бы все-таки постыдились, — сказал бармен, — при людях-то... Совесть совсем потеряли». (А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века).

Побуждение к воздержанию от какого-либо действия (поведения), либо к действию (поведению) альтернативному может осуществляться квалификацией действия, осуществляемого Исполнителем в текущий момент, как неуместного, ср. чешский пример и его русский перевод:

“Vždyť nejste na divadle, řvete jako operní zpěvák, Švejku,” ulekaně ozval se nadporučík Lukáš, když Švejk zazpíval poslední větu. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

‘«Ведь вы же не на сцене, вы ревете как оперный певец, Швейк», — испуганно воскликнул надпоручик Лукаш, когда Швейк пропел последние слова.’

В обоих языках в подобных ситуациях возможен риторический вопрос о причинах осуществляемого Исполнителем неуместного поведения, ср.

чешский пример:

“Co si nesedneš?” ptal se Vodička, který už seděl na židli u zdi, “tamhle máš židli”. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

‘«Чего ты не садишься? — спросил Водичка, который уже сидел на стуле у стены, — вон тебе стул.»’

русский пример:

«Гражданин! — опять встрял мерзкий регент. — Вы **что же это волнуете интуриста?**» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

О том, что речь идет именно о **риторическом** вопросе, свидетельствует, на наш взгляд, и возможность оформления подобных высказываний в письменном тексте (в обоих языках) **без** вопросительного знака, ср.

чешский пример:

<i>Proč nejdeš spát. Sediš tady jako vodník na vrbě. (V. Erben. Blázňova smrt)</i>	<i>‘Почему ты не идешь спать. Сидишь здесь как водяной на вербе.’</i>
--	---

русский пример:

«**Дашь ты мне когда-нибудь отдохнуть, свинья!**» — взвизгнула фигура. (Е. Попов. Вера, или дополнительные сведения о жизни).

О прескриптивном характере оценки (высказанная оценка способна стимулировать ответные действия собеседника) см., например, в [Арутюнова, Падучева 1985: 14], [Хазова 1988: 138], [Мискинц 1989: 51], [Останин 1995: 109].

2.9. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ТЕМАТИЗАЦИЮ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ

Подобно тому, как постулативное долженствование или постулативная возможность могут рассматриваться в качестве зон пересечения функционально-семантических полей долженствовательности и императивности либо возможности и императивности, в ряде случаев следует говорить о зоне пересечения функционально-семантических полей императивности и оптативности.

Обратимся к понятию оптативного высказывания и его статусу в современных чешском и русском языках. Прежде всего следует отметить, что этот статус в богемистике **выше**, чем в русистике. В то время как «в соответствии с русской грамматической традицией среди предложений, функционирующих как высказывания, по коммуникативной установке принято различать: повествовательные (*Ты хорошо рисуешь; Петров едет в Москву; Я думаю, что пойдет дождь*), вопросительные (*Ты хорошо рисуешь? Едет Петров в Мо-*

ску? Сказать, что я думаю? Можно вечером позвонить вам домой?) и повелительные, или побудительные (*Рисуй хорошо; Пусть Петров едет в Москву; Скажи, что ты думаешь; Позвоните мне вечером домой*)» [Теория... 1990: 185], в чешской грамматической традиции в число основных коммуникативных функций наряду с сообщением (*oznámení*), вопросом (*otázka*), побуждением (*výzva*) включается и желание (*přání*), а в соответствии с этим выделяются не три, а четыре основных типа «форм высказывания» (*výrovné formy*): констатирующая (*konstatační*) ФВ ≈ 'повествовательное предложение'; интеррогативная (*interogační*) ФВ ≈ 'вопросительное предложение'; императивная (*imperativní*) ФВ ≈ 'повелительное предложение' и оптативная (*optativní*) ФВ ≈ 'желательное предложение' (ср. рекомендованные министерством образования ЧССР в качестве **учебников** [Grepř, Karlík 1986: 41], [Mluvnice češtiny 1987: 319])¹⁰². Понятие *желательные предложения* (*věty přací*) используют даже те авторы, которые объединяют их с *повелительными предложениями* (*věty rozkazovací*) в общий тип *побудительных*¹⁰³ *предложений* (*věty žadací*), ср. вышедший пятым изданием **учебник** [Navránek, Jedlička 1981: 254, 323, 325]. Что же касается русской школьной традиции, то «забракованное Ломоносовым желательное наклонение почти не упоминается в последующих грамматиках до К. С. Аксакова и Ф. И. Буслаева» [Виноградов 1972: 458], да и сейчас, хотя и используется (ср. [Русская грамматика 1980. Т. II: 99, 105-110]), однако далеко не повсеместно. Важно отметить также то, что и функциональная нагруженность, и, как следствие, употребительность чешского кондиционала существенно превосходит функциональную нагруженность и употребительность системно соответствующего ему русского морфологического сослагательного наклонения, ср. [Широкова 1974]. Нам представляется поэтому, что русский язык в силу как объективных (т.е. собственно языковых), так и субъективных (сложившаяся традиция) факторов предоставляет меньшие возможности для вычленения функционально-семанти-

¹⁰² Подобная классификация весьма удобна в школьной практике: один из названных типов ФВ объединяет предложения, графически маркированные в письменном тексте вопросительным знаком, а три остальные распределяются по трем морфологическим наклонениям — индикативу, императиву, кондиционалу.

¹⁰³ Именно так переводит сочетание *žadací věta* [ЧРС 1976].

ческой категории оптатива, чем чешский или ряд иных европейских языков (не случайно Г. Г. Сильницкий, автор раздела «Функционально-коммуникативные типы наклонений и их темпоральные характеристики» в [Теория... 1990], в подразделе «Оптатив» обращается к иностранным примерам чаще, чем к русским)¹⁰⁴. Естественно, что сказанное ни в коей мере не означает, что мы пытаемся посягнуть на «права гражданственности» оптатива в русском языковом пространстве (мы можем выделить полей и категорий ровно столько, сколько пожелаем, мы лишь должны иметь в виду, что чем больше мы их выделим, тем выше вероятность их пересечения, того, что они будут многократно перекрывать одно и то же языковое явление). Просто если мы попытаемся визуализировать выделенные нами функционально-семантические поля оптативности и императивности в виде неких многомерных образований (одно измерение — инвентарь формальных средств, другое — узуальность того или иного средства, третье — общая употребительность высказываний данного типа и т.п.), то «разница объемов» этих образований в чешском языковом пространстве будет меньше, чем в языковом пространстве русском.

Под пересечением функционально-семантического поля императивности и функционально-семантического поля оптативности мы понимаем не только то, что одна и та же комбинация формальных языковых средств может использоваться (в различных ситуациях) и в качестве побудительного, и в качестве оптативного высказывания, но и то, что одно и то же высказывание может быть (при определен-

¹⁰⁴ Г. Г. Сильницкий, для которого наклонение — это «грамматическая категория, эксплицирующая способ регулирования субъектом речи его коммуникативно-информационного взаимодействия с адресатом» [Теория... 1990: 90], соответственно двум основным функциям информации — «управляющей» и «осведомительной» (ср. [Братко, Кочергин 1977: 147]) — различает два основных функционально-коммуникативных типа наклонений: «волитивный» и «когнитивный» (ср. «инфлюативный» и «информативный» уровни второсигнального взаимодействия в [Поршнева 1974: 195-196]), при этом волитивный тип наклонения «служит грамматическим средством выражения различных видов мотивированности глагольного действия волевой установкой субъекта речи на реализацию или нереализацию этого действия» и включает в себя **императив** (прямое волитивное наклонение) и **оптатив** (косвенное волитивное наклонение).

ных обстоятельствах) **одновременно** и побудительным, и оптативным¹⁰⁵.

А поэтому критерии, предлагающие жесткий выбор по типу *некое свойство :: некое противоположное свойство, его исключающее* и тем самым не допускающие *пересечения* полей императивности и оптативности в приведенном понимании (критерии типа *императив* — адресованное волеизъявление, *оптатив* — неадресованное¹⁰⁶) при разграничении императива и оптатива мы считаем принципиально неприменимыми. Речь может идти, как нам представляется, лишь о критериях типа *обязательность некоего свойства :: факультативность этого свойства* (так, *побуждение* предполагает обязательность: 1) компонента каузации в семантической структуре волеизъявления; 2) презентно-футуральной перспективы; 3) адресованности волеизъявления; 4) интенциональности предиката и, возможно, ряда других, менее значимых признаков. Для оптативного же волеизъявления эти признаки являются факультативными.

В обоих сопоставляемых языках желательность может тематизироваться конструкциями с глаголами волеизъявления (в чешском языке это глаголы *chtít, přát (si)*, в русском — *хотеть, желать*), соотношение которых в сопоставляемых языках неравное.

В современном русском речепотреблении основным модальным глаголом волеизъявления является глагол *хотеть*, он стилистически нейтрален, тогда как глагол *желать* стилистически маркирован, «употребляется или в “высоком стиле,” или при повышенной эмоциональности, или, наконец, в особых сферах общения, например, в речи обслуживающего персонала при обращении к клиентам» [Теория... 1990: 183]. Наш русский материал фиксирует единичные примеры с *желать*.

В чешском же речепотреблении соотношение конструкций с глаголами *právít (si)* и *chtít* более ровное. Так, в нашем материала число конструкций с *chtít* хотя и превышает число конструкций с *právít (si)*, но не в десять раз (соотношение конструкций с глаголами *хо-*

¹⁰⁵ Так, Р. А. Буралова, анализирующая русские высказывания с независимым инфинитивом, выделяет наряду с «чистой оптативностью» и «побудительностью» также и «оптативность с оттенком побуждения» [Буралова 1988: 32].

¹⁰⁶ Критерий *адресованности / неадресованности* довольно распространен, ср., например, [Распопов 1973], [Распопова 1985], [Беляева 1985].

теть и *желать*¹⁰⁷ в нашем русском материале), а лишь в полтора раза. Возможно, реальной употребляемости конструкций с *přát (si)* (отметим и значительный общий перевес чешских примеров на побудительную желательность в нашем материале — и это при том, что сплошной выборке нами были подвергнуты приблизительно равные массивы текстов) способствует то обстоятельство, что данный глагол, в отличие от глагола *chtít* и в отличие от глаголов *хотеть* и *желать*, является в современном чешском речепотреблении перформативным [Mluvnické češtiny 1987: 353, 354]¹⁰⁸.

В обоих сопоставляемых языках названные глаголы желания могут выступать в формах индикатива или сослагательного наклонения / кондиционала, при этом в последнем случае речь идет, как правило, о «смягченном» волеизъявлении.

Волеизъявительные высказывания с формами названных глаголов мы склонны разделить на два основных типа.

Во-первых, в высказывании может непосредственно эксплицироваться действие Слушающего (либо иного, не тождественного Слушающему Агенса), которое является желательным¹⁰⁹ для Говорящего (либо иного, не тождественного Говорящему автора волеизъявления). В этих случаях в русском языке закономерна «конструкция с придаточным дополнительным, вводимым союзом *чтобы* в сочетании с глаголом в сослагательном наклонении» [Теория... 1990: 183], а в чешском — конструкция с кондиционалом, ср.

чешские примеры:

*Já taky **chci, abyste** všichni odpovídali něměcky, a ne tou vaší patlaninou.* (J. Hašek. Osudy

‘И еще я хочу, чтобы вы все отвечали по-немецки, а не на этой вашей тарабарщине.’

¹⁰⁷ Отметим, что формы данного глагола во всех наших примерах употреблены с отрицанием, поэтому следует говорить не столько о лексемах *хотеть* и *желать*, сколько о *хотеть* и *не желать*.

¹⁰⁸ Поэтому чешское высказывание типа *Přeji si, aby na té skále stál zlatý zátek* значит не только ‘Я *хочу*, чтобы на этой скале стоял золотой замок’, но и ‘Я *высказываю желание*, чтобы на этой скале...’. В русском же речепотреблении перформативным является не лексически соотносительный чешскому глаголу *přát (si)* глагол *желать*, а сочетание *желать* *удачи*, ср. [Апресян 1995. Т. II: 202].

¹⁰⁹ Или же *нежелательным*, в этом случае каузируется *воздержание от действия* / *какое-либо альтернативное действие*.

dobrého vojáka Švejka)

Přeji si, abyste mluvil vždy pravdu a vykonával bez reptání všechny mé rozkazy. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka) *‘Я хочу, чтобы вы всегда говорили только правду и беспорочно выполняли все мои приказания.’*

“Přál bych si jen,” řekl Josef Krempa, “abyste odešel”. (V. Erben. Bláznova smrt) *‘«Я хочу только одного, — ответил Йозеф Кремпна, — чтобы вы ушли.»’*

русские примеры:

Не хочу, чтобы вы вмешивались в это дело. (А. и Б. Стругацкие. Попытка к бегству); *Я советский инженер и не желаю, чтобы со мной разговаривали таким тоном.* (А. Глебов)¹¹⁰.

Во-вторых, в высказывании может эксплицироваться желательность некоторого действия (результата некоторого действия)¹¹¹ говорящего, возможного в результате определенных действий слушающего, которое тем самым и п л и ц и р у е т с я данным высказыванием (‘Я хочу с вами поговорить’ = ‘Поговорите со мной’), ср.:

чешские примеры:

“Já chci žebro,” říkal ke kuchařovi, “včera jsi mi dal oháňku”. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka). *‘«Я хочу ребро, — говорил он повару, — вчера ты мне дал хвост.»’*

Zákaznice žádá prodavačku, “Chtěla bych na obličej nějaký růžový pudr. Něco podobného, jako máte vy”. (Dikobraz) *‘Посетительница просит продавщицу: «Я бы хотела розовую пудру для лица. Что-то такое, как у вас.»’*

¹¹⁰ Пример Е. Е. Корди в [Теория... 1990: 183]. Отметим, что при обычности употребления в составе подобной конструкции глагола *хотеть* глагол *желать* встречается достаточно редко. Во всяком случае, в 10 000 стандартных книжных страниц художественного текста, подвергнутых нами компьютерной обработке, не было обнаружено ни одного примера этого типа.

¹¹¹ Высказывания типа *Я хочу цветок*, которые мы склонны рассматривать как эллиптические эквиваленты высказываний типа *Я хочу получить цветок*, также подпадают под это определение.

русские примеры:

«Нет, нет, — сказал Юрий Дмитриевич. — Мы ведь с вами еще не договорили. <...> Я сейчас говорить **хочу**...» (Ф. Горенштейн. Ступени); *Прошу прощения, но я **хотел бы** знать, как вы проникли в дом.* (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом); «**Не желаю** на эту тему разговаривать», — объявил Гай. (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

Специфической особенностью чешского речеупотребления является большая употребительность в составе высказываний рассматриваемого типа конструкций с кратким прилагательным *rád, -a, -i, -y*¹¹², оформленные кондиционалом¹¹³. В нашем материале конструкции с *rád* содержатся почти в половине желательнопобудительных высказываний, ср. некоторые из весьма многочисленных примеров:

Rád bych se s vámi o něčem pohovořil. 'Я бы хотел поговорить с вами кое о чем.'
(V. Erben. Poklad byzantského kupce)

Já bych přece jen raději¹¹⁴ vědel, odkud jste vzal tuhle fotografii. 'Я бы хотел сначала знать, откуда вы взяли эту фотографию.'
(V. Erben. Poklad byzantského kupce)

Оба сопоставляемых языка располагают и некоторыми иными лексическими средствами формирования желательных высказываний, реальная употребительность которых для выражения побуждения, по нашим наблюдениям, невысока. Так, в нашем русском материале представлены единичные примеры с [мне] *неохота*, [мне] *надоело*, *я не намерен*, ср.: *Мне надоело повторять тебе одно и то же...* (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров); «**Неохота** мне лезть по обрывам», — сказал Антон. (А. и Б. Стругацкие. Трудно

¹¹² Чешские конструкции *rád, -a, -i, -y* + *наст. вр. индикатива* типа *Rád čtu* 'Я люблю читать' являются грамматической калькой немецкого *Ich lese gern*.

¹¹³ Оформление подобной конструкции индикативом для высказываний рассматриваемого типа не характерно, ср. следующий пример, в котором высказывание с *rád* выражает мотивацию волеизъявления, выраженного предыдущим высказыванием с императивной конструкцией, но не само волеизъявление: "Chtěl jsi něco?" / "Ne," řekl muž. "Nech nás o samotě." / Exner vstal. "Ale ne. Pojd'te dál, jestli máte čas, paní. Rád si promluví s oběma". (V. Erben. Bláznova smrt).

¹¹⁴ *Raději* — сравнительная степень от *rád*.

быть богом); *Не намерен с вами спорить.* (И. Ефремов. Лезвие бритвы).

2.10. ПОБУЖДЕНИЕ В РАМКАХ УСТАРЕВШИХ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМ ОБРАЩЕНИЯ

В чешском языке, наряду с фамильярным обращением к собеседнику «на ты» (tykáni) и вежливым обращением «на вы» (vykáni), существует также устаревшее разговорное обращение «на они» (onikáni) и разговорное фамильярно-покровительственное обращение «на он» (onkáni). А поскольку в рамках любой этикетной формы общения, будь то «тыканье», «выканье», «ониканье» или «онканье», должна предполагаться возможность обратиться к собеседнику с побуждением, данное явление безусловно имеет право быть рассмотренным в рамках описания средств и способов экспликации данной коммуникативной функции.

2.10.1. «ОНИКАНЬЕ»

«Ониканье» обязано своим возникновением существовавшему когда-то чешско-немецкому двуязычию и представляет собой вежливое обращение к собеседнику формой, совпадающей с презентно-футуральной формой 3 лица мн. числа индикатива¹¹⁵. Будучи очевидным германизмом, «ониканье» весьма не приветствовалось пуристами, и сфера его употребления всегда ограничивалась некодифицированной речью, ср. некоторые примеры из чешских классиков:

*Šourková se při tomto
připomenutí trochu zakabonila:
“A jdou, ani mi nevzpomínají!
Starej se mi na svůj svátek natáh
<...>.”* (К. Н. Mácha. Martin
Žemla)

‘Услышав это, Шоуркова нахмурилась: «Оставьте, даже и не говорите [букв. оставят... не вспоминают] мне об этом! Мой-то на праздник налился <...>.’

*Vstávají, pane redaktor, /
nelekají se, / jdeme v noci,*

‘Вставайте, господин редактор, не бойтесь [букв. встают... не

¹¹⁵ О том, идет ли при этом речь о побудительном высказывании или о высказывании с иной актуальной коммуникативной функцией, определяет контекст и ситуация.

nejsme však zloději, / jenom komise. (K. Havlíček Borovský. Tyrolské elegie)

“No, tedy nám **povědí**, jak to bude a kdo všechno tam bude?” vyzvíдалa paní Klepandová (B. Němcová. Kávová společnost)

“Tak si ji **jdou** koupit do Pražského deníku!” odsekla bába a přidala několik jadrných hrubostí a nadávek. (L. Stroupežnický. Pták z říše bájí)

“**Libějí** přece **vylézt**, pane domácí; vždyť je tam plno neřesti,” pobízел ho starostivý Würfel. (S. Čech. Nový epochální výlet pana Broučka tentokrát do patnáctého století)

Človče, **hodějí se** do civilu! (I. Olbracht. Kariéra Eduarda Žáka)

Ale taky nikomu nic **neříkají** ... ani muk! (J. John. Holínky dědy Pejšáka)

“Policejní ředitel, váš šéf, jest mým strýcem!” A ukazuje na nešťastného pana Markupa, zvolal: “**Odvedou ho!**” (J. Hašek. Perzekuce nové strany kruhy vládními)

Ale **řeknou** mně, kam moh jít, když neměl na těle ani kšandu!?

боятся], мы пришли ночью, но мы не воры, а всего лишь комиссия.’

‘«Ну а теперь расскажите [букв. расскажут] нам, что это все будет и кто там будет,» — допытывалась пани Клепандова.’

‘«Ну вот в газету и идите [букв. идут] за покупками», — отсекала баба и добавила пару сочных ругательств.’

‘«Извольте же вылезать, господин домохозяин, ведь там полно грязищи», звал его заботливый Вюрфель.’

‘Дружище, переоденьтесь [букв. переоденутся] в штатское!’

‘Но только никому не рассказывайте [букв. не рассказывают]... ни слова!’

‘«Директор полиции, ваш начальник, приходится мне дядей! — И провозгласил, показав на бедного господина Маркупа: — Арестуйте [букв. арестуют] его!»’

‘Но скажите [букв. скажут] мне, куда он мог идти, когда на

(К. Čapek. Zmizení herce Bendy) *нем даже подтяжек не было?!'*

Современные чешские авторы могут насыщать «ониканьем» речь персонажей тех своих произведений, действие которых происходит в прошлом — в XIX-начале XX века (либо в абстрактном прошлом мира волшебной сказки). Так, Й. Марек использует «ониканье» в романе «Мой дядя Одиссей» и в сборнике «Паноптикум старых криминальных историй», Я. Копш — в «криминальной хронике старой Праги», авторы журнала «Дикобраз» — в миниатюрах «из жизни старых пражан», И. Брдечка и О. Липски — в фильме «Адела еще не ужинала» о пражских приключениях американского супердетектива Ника Картера, Я. Дрда — в литературных «Чешских сказках», ср. например:

[извозчик приезжает:] Tak si sednou a povědí mi, já jich dovezu jako v peřince. (J. Marek. Můj strýc Odysseus) *'Садитесь и скажите [букв. сядут и скажут] мне, и я вас [букв. их] доведу, как на перине.'*

Pane Šmídmajer, oni mi tu zdržujou moje lidi, a já je potřebuju jinde! Už toho nechaj a jdem!.. (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů) *'Господин Шмидмайер, вы [букв. они] мне тут задерживаете [букв. задерживают] моих людей, которые мне нужны в другом месте. Прекращайте-ка [букв. прекращают] это и пошли!..'*

Pamatujou si, paní Vejmelková, že jsem ještě nikdy nikomu nic špatného neřekla a neřeknu. (Dikobraz) *'Помните [букв. помнят], пани Веймелкова, что я еще никогда никому ничего плохого не сказала и не скажу.'*

Tak jdou, jdou, pane čerchmant, nic se neostejhají, vemou si se mnou krapítek májové houbovky! (J. Drda. Zapomenutý čert) *'Идите, идите [букв. идут], господин черт, не стесняйтесь [букв. не стесняются], поешьте [букв. поедят] со мной майской грибной похлебки!'*

Мы встречаем «ониканье» в фильме «Все мои близкие» о трагической судьбе большой еврейской семьи во время гитлеровской оккупации Чехословакии (фильм снят в 1999 году!), ср.:

– *Tady je ta smlouva. **Napišou** tam kolik **můžou** dát a ať to můžeme zapít!* ‘– Вот договор. Впишуте [букв. впишут] туда, сколько вы можете [букв. могут] дать, и отметим это дело!’

– *Chcete tím říct, že tam můžu napsat jakoukoliv částku?* – Вы хотите сказать, что я могу туда вписать любую сумму?

– *Už jsem řek. **Napišou** tam a podepišou.* (фильм Všichni moji blízcí) – Я же сказал. Впишуте [букв. впишут] и подпишите [букв. подпишут].’

«Ониканье» нередко сопровождается и лексическими германизмами (в том числе отсутствующими в литературном языке), ср. следующий пример, просто избыточный ими (нем. *putzen* — ‘чистить’, *das Gewehr* — ‘винтовка’, *der Gefreute* — ‘ефрейтор’, *der Lauf* — ‘ствол’):

*Tohle že je vyucovanej kver? **Nestyděj** se? A to **chtějí** být frajtrem? <...>. Dám jim lauf protáhnout, zatím **počkaj!** (Nájemník 1910, č. 5)* ‘И это вычищенная винтовка? И вам [букв. им] не стыдно? И вы еще хотите [букв. они хотят] быть ефрейтором? <...> Я распоряжусь прочистить вам [букв. им] ствол, а пока подождите [букв. подождут]!’

Эти германизмы могут быть даже графически не освоены (нем. *die Münze* — ‘1. монета. 2. монетный двор’ -*werk* — суффикс с собирательным значением, ср.:

*Tak Karpíšek, kde **mají** ten svůj münzwerk? Nic **nezapírají**, všechno se ví do puntíku!* (J. Kopš. Pražské pitavaly) ‘Так, Карпишек, где этот ваш [букв. у них] монетный двор? Не отнекивайтесь [букв. не отнекиваются], мы знаем все!’

В качестве явного германизма обращение «на они» могло интерпретироваться как более **официальное**. Так, «оникает», обращаясь к уважаемому клиенту, трактирщик («Nový epochální výlet pana Broučka tentokrát do patnáctého století» С. Чеха), от смущения начинает «оникать» старый крестьянин, оказавшись перед английским королем («Klapzubova jedenáctka» Э. Басса). «Оникать» может без-

работный, обращаясь к фабриканту (кинофильм *Hej Rup*), или школьный сторож, говоря с пожилым учителем (кинофильм *Cesta do hlubin študákovy duše*). Поначалу «оникает» незнакомцу (но уже на второй день начинает «тыкать») бабка Плайзнерка из литературной сказки Яна Дрды «*Zaromenutý čert*».

Показательно, что «ониканье» может восприниматься как более официальное не только по отношению к «тыканью», но и по отношению к «выканью». Об этом могут свидетельствовать следующие два примера, в которых Говорящий «оникает», отдавая распоряжение непосредственному подчиненному, и «выкает», обращаясь к иному лицу, ср.:

Strážmistr, zřetelně pohnut pohledem na dobrodušnou Švejkovu tvář, dodal: “A nevzpomínejte [«выканье»] na mne ve zlém. Vezmou [«ониканье»] ho, pane závodčí, tady mají bericht”. (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*)

‘Стражмистр, заметно тронутый добродушием, написанным на физиономии Швейка, добавил: «И не поминайте меня лихом. Ведите [букв. возьмут] его, господин разводящий, вот донесение.»’

O vás [«выканье» — А. И.] půjde bericht k soudu,” stručně řekl rytmistr; “pane strážmistr, zavřou [«ониканье»] oba muže, ráno je přivedou [«ониканье»] k výsledku a ten bericht z Putimě proštudujou [«ониканье»] a pošlou [«ониканье»] mně do bytu”. (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*)

‘Донесение о вас пойдет в суд, — коротко сказал ротмистр. — Господин стражмистр, посадить [букв. посадят] обоих, завтра утром привести [букв. приведут] на допрос, а это донесение из Путима изучить [букв. изучат] и послать [букв. пошлют] мне на квартиру.»’

Еще более показателен в этом плане третий пример, в котором «ониканьем» сменяется «тыканье», когда один рядовой начинает проводить со своим товарищем воинские упражнения, ср.:

Ted’ budeš dělat [«тыканье»] pohyby těla na místě. Rechts im! Člověče! Voni jsou [«ониканье»] kráva! Jejich [«ониканье»] rohy mají se octnout tam kde měli [«они-

‘А сейчас будешь делать повороты на месте. Напра-во! Ну и корова же вы [букв. они]. Ваши [букв. их] рога должны очутиться там, где

канье»] dřív pravý rameno.
Herstellt! Rechts um! Links um!
(J. Hašek. Osudy dobrého vojáka
Švejka)

было раньше правое плечо.
Отставить! Напра-во! Нале-
во!'

Впрочем, речь идет о едва намеченной тенденции и никак не о закономерности, поскольку в абсолютном большинстве случаев «ониканье» и «выканье» в романе Я. Гашека находятся в свободном варьировании, ср. некоторые из многочисленных примеров их со-
вмещения:

“**Nechte si** [«выканье»] své učnosti,” přerušil ho desátník, “a **jdou** [«ониканье»] raději zamést cimru, dneska je na nich [«ониканье»]”

‘«Оставьте свои учености, — перебил его сержант, — и идите [букв. идут] лучше подмести в казарме, сегодня ваша [букв. их] очередь»’

“**Polibte** [«выканье»] ještě, bábo, krucifix,” poroučel strážmistr, když Pejzlerka za ukrutného vzlykotu odpřísáhla a pokřižovala se zbožně. “Tak a teď zas **odnesou** [«ониканье»] krucifix, odkud **si** ho **vypůjčili** [«ониканье»], a **řeknou** [«ониканье»], že jsem ho potřeboval k výslechu!”

‘«Поцелуйте еще распятие, бабуля, — приказал стражмистр, когда Пейзлерка, безостановочно всхлипывая, поклялась и набожно перекрестилась. — А теперь отнесите [букв. отнесут] распятие обратно, у кого вы его одолжили [букв. они одолжили], и скажите [букв. скажут], что оно потребовалось мне для допроса!»’

Малая представленность «ониканья» в художественных текстах объясняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что тогда, когда данное явление было живо в речи носителей чешского языка (период чешско-немецкого двуязычия), оно не допускалось в печатный текст как нелитературное и даже «непатриотическое», а когда право авторов печатать все, что они считают нужным, было признано, «ониканье» уже ушло в прошлое. Единственное художественное произведение, содержащее «ониканье» просто в изобилии — «Похождения бравого солдата Швейка...» Я. Гашека, шокировавшее современников своим языком (в послесловии к первой части романа Я. Гашек специально предупреждает читателей, что в дальнейших главах «...и солдаты, и штатские будут говорить и поступать так, как они посту-

пают в действительности.» — цит. по русск. переводу П. Богатырева). Ср. некоторые из полутора сотен примеров побудительного «ониканья» в романе:

Švejk, obléknou se a půjdou k výslechu! ‘Швейк, одевайтесь [букв. оденутся] и идите [букв. пойдут] на допрос!’

Lezou ven a nežvanějí! ‘Вылезайте [букв. лезут] наружу и не болтайте [букв. не болтают]!’

Moc se nám tady neroztahujou! ‘Тут у нас особенно не хозяйничайте [букв. не хозяйничают]!’

Nelekají se, pane feldkurát! ‘Не бойтесь [букв. не пугаются], господин фельдкурат!’

Pane Herolde, jsou tak laskav, hrajou durcha a neblnou! ‘Господин Герольд, будьте так любезны [букв. суть так любезен], заказывайте максимум и не идиотничайте [букв. заказывают и не идиотничают].’

Интересно, что для «ониканья» характерны в целом те же способы оформления побуждения, что и для «выканья» или «тыканья». Так, наряду с рассмотренными выше конструкциями, которые, являясь основным средством экспликации побуждения в рамках «ониканья», коррелируют тем самым с императивными конструкциями 2 лица — основным средством выражения побуждения в рамках «выканья» и «тыканья», в нашем материале представлены следующие средства и способы экспликации побуждения:

Перформативные конструкции

Выражаемое в рамках «ониканья» перформативное побуждение теоретически будет отличаться от стандартного (т.е. выражаемого в рамках «выканья» или «тыканья») лишь формой обозначающего адресата побуждения местоимения, ср. неоконченное:

Milostpane, proboha jich prosím,” ‘«Сударь, ради Бога вас
ozvalo se žalostně z kuchyně, ale Švejk [букв. их] прошу...» — раз-
již končil svou válečnou píseň. далось с кухни, но Швейк
(J. Hašek. Osudy dobrého vojáka уже закончил свою военную

Švejka)

песню.’

Следующий пример демонстрирует усложнение эксплицитной перформативной формулы: Говорящий не равен Прескриптору, ср.:

<i>Pane kantýnskej, pan cuksfír</i>	<i>‘Господин трактирщик, господин</i>
<i>Bartoš nechá se poroučet a</i>	<i>взводный Бартош кланяется и про-</i>
<i>prosí, aby mu poslali dvě</i>	<i>сит послать [букв. просит, чтобы</i>
<i>športky, večer prý je zaplatí.</i>	<i>они послали] ему две сигареты, он</i>
(Nájemník 1910, č. 5)	<i>говорит, что вечером заплатит.’</i>

Отметим, что *prosím vás* закономерно трансформируется в *prosím jich* и тогда, когда речь идет о его переходе в полифункциональную частицу со сложной семантикой, ср.:

<i>Švejcárková pokynula rukou, jako</i>	<i>‘Швейцаркова махнула рукой, как</i>
<i>by chtěla říci: “Inu, prosímich, to</i>	<i>будто хотела сказать: «Ну, что</i>
<i>jináč nejde!”, a ubírala se zvolna</i>	<i>же вы хотите [букв. я их про-</i>
<i>dále. (K. H. Mácha. Martin</i>	<i>шу], по другому нельзя!» — и</i>
<i>Žemla)</i>	<i>поплелась дальше.’</i>

<i>Prosímich, s dovolením, kam to</i>	<i>‘Извините [букв. я их прошу],</i>
<i>půjdem? (J. John. Oščádalův</i>	<i>куда это мы пойдём?’</i>
<i>kufírek)</i>	

Аналитические конструкции с *aí*

Как отмечалось выше, в рамках «выканья» и «тыканья» аналитические конструкции *aí* + 2 лицо индикатива в современном чешском речеупотреблении выражают эмоционально окрашенное категорическое побуждение. Так же и в рамках «ониканья» персонаж Я. Гашека обращается к конструкции с *aí*, когда «обычное» ониканье не помогло (при этом, естественно, конструкция *aí* + 2 лицо индикатива трансформируется в конструкцию *aí* + 3 лицо индикатива), ср.:

<i>“Poslouchají, bábo,” řekl</i>	<i>«Слушайте [букв. слушают], бабуля,</i>
<i>strážmistr k Pejzlerce,</i>	<i>— сказал стражмистр Пейзлерке,</i>
<i>přísně se jí dívaje do</i>	<i>строго смотря ей в лицо, — дос-</i>
<i>obličej, “seženou někde</i>	<i>таньте [букв. достанут] где-нибудь</i>
<i>krucifix na podstavci a</i>	<i>распятие и принесите [букв. прине-</i>

přinesou ho sem.” Na tázavý pohled Pejzlerky zařval strážmistr: “**Koukají, at’ už jsou tady!**” (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

сут] его сюда». В ответ на вопросительный взгляд Пейзлерки стражмистр заорал: «Вернуться немедленно! [букв. чтоб они уже были здесь]».’

Аналитические формы с račit, hledět

Рассмотренные выше аналитические императивные конструкции с *račit, hledět* возможны и в рамках «ониканья», ср.:

“Račej odpustit, pane inšpektor,” řekl nejistým hlasem, “já to udělat musel”. (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů)

‘«Простите [букв. изволят простить], господин инспектор, — произнес он неуверенным голосом, — я должен был это сделать».’

Tak ani tam nechodějí, jdou raději na Radomyšl, ale hledějí tam přijít k večeři, to jsou všichni četníci v hospodě. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

‘Тогда туда даже не ходите [букв. не ходят], идите [букв. идут] лучше на Радомышль, но смотрите придите [букв. смотрят придут] туда к ужину, тогда все жандармы в трактире.’

Panímámo, nelibějí se zlobit, ale tadyhle posílá rukama starostovejma Sejnohova žena holínky a mají hned vrátit dvacet zlatech — jináč řek starosta, aby žalovala. (J. John. Holínky dědy Pejškáka)

‘Хозяйка, не сердитесь [букв. не соблаговолят сердиться], но жена Сейноги посылает через старосту сапоги, а вы должны вернуть двадцать золотых, а то староста сказал, чтобы она подавала в суд.’

Koukaj vypadnout! (фильм Adéla ještě nevečeřela).

*‘Убирайтесь! [букв. *смотрят убирать вон!]’*

Конструкции с десемантизированными формами

Так же, как и в рамках «тыканья» или «выканья», в рамках «ониканья» императивные формы некоторых глаголов, в частности, глаголов *poslouchat* ‘слушать, подслушивать, слушаться’ и *vědět* ‘знать’, находясь в начале высказывания, могут частично утрачивать свое лексическое значение и начинают функционировать как своего рода сигнал, предвещающий особо важную, по мнению говорящего, информацию, ср.:

Kouknou, pane šef, jestli chtějí pro mě něco udělat, dají mně na večeri. (кинофильм *Hej Rup*)

‘*Слушайте [букв. смотрят], хозяин, если вы хотите для меня что-то сделать, дайте мне на ужин.*’

Poslouchají, já už mám před penzí, ale jsem rád, že jsem ještě na konci zažil takovou náhodu, jakou bych si nikdy ani neuměl představit. (J. Marek. *Panoptikum starých kriminálních příběhů*)

‘*Слушайте [букв. слушают], я уже собираюсь на пенсию, но страшно рад, что успел встретиться с такой случайностью, какую никогда даже представить не мог.*’

“**Vědí co, dám tedy zlatý padesát,**” nabízel písař.
(L. Stroupežnický. *Pták z říše bájí*)

‘*«Знаете [букв. знают] что, я дам золотой пятьдесят», — предложил писарь.*’

Конструкции с кондиционалом

Так же, как и в рамках «выканья» или «тыканья», в рамках «ониканья» побуждение может быть эксплицировано конструкцией с кондиционалом, при этом речь может идти о конструкциях как с отрицанием, так и без него, ср.:

[*полицейский — сообщнику:*] **Vědí, i kdybyste je vzali na pár hodin hop, ježíšmarjá, ne aby se dali zaleknout a otvírali zobák.** (I. Olbracht. *Kariéra Eduarda*)

‘*Знаете [букв. знают], даже если мы вас [букв. их] на пару часов задержим, не давайте себя запугать [букв. чтоб они не дали себя запугать] и и не открывайте*

Žáka)	[букв. чтоб не открывали] пасть.’
“Penze je krásná věc, aby věděli ,” řekl potom a napsal recept. (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů)	‘«Пенсия — вещь прекрасная, знайте это [букв. чтобы они знали], — сказал он и выписал рецепт.»

Конструкции с модальными глаголами

Так же, как и в рамках «выканья» или «тыканья», в рамках ониканья побуждение может выражаться тематизацией необходимости или возможности каузируемого действия, что в чешском языке осуществляется прежде всего с помощью конструкций с модальными глаголами *muset* ‘быть должным, обязанным’, *tosí* ‘мочь’, *smět* ‘сметь’, *mít* ‘иметь’ с отрицанием и без него:

Модальный глагол *muset*

“Dobrá,” řekl Švejk, “to mně musěj dít písemně, aby se vědělo <...>, kdo mně to udělal. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)	‘«Хорошо, — сказал Швейк, — но только дайте мне этот приказ [букв. они должны мне дать...] в письменном виде, чтобы потом <...> было известно, кто в этом виноват.»
Nemusejí se bát vlézt do nich. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)	‘Смело надевайте ее [букв. они не должны бояться надеть].’

Модальный глагол *mít*¹¹⁶

“Taký mají dít pokoj s tím	‘«Не лезьте вы ко мне [букв. им
-----------------------------------	---------------------------------

¹¹⁶ В нашем материале представлено и немодальное употребление глагола *mít* ‘иметь’ в рамках «ониканья», ср.: “**Nemají strachu**, pane závodčí,” řekl Švejk, “uděláme nejlepší, když se k sobě přivážem. Tak se nemůžem jeden druhému ztratit. **Mají s sebou želízka?**” (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka) ‘«Не бойтесь [букв. не имеют страх], господин разводящий, — сказал Швейк, — лучше всего будет, если мы друг к другу привяжемся. Тогда мы не сможем один другого потерять. У вас [букв. у них] есть с собой наручники?»’.

posledním pomazáním,“ bručel, oblékaje se neochotně, “vzpomenou si lidi umírat, když je člověk v nejlepším spánku”. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

следует не лезть] с этим соборованием, — ворчал он, неохотно одеваясь. — Вспоминаете [букв. вспоминают], когда человек только-только разоспался».

*“Pane rechnungsfeldvébl,“ hlásil mu Švejk, “**mají hned jít k magacínu, tam už čeká Fuchs s 10 maníky, budou se fasovat konzervy. Mají běžet laufšrit. Pan lajtnant dvakrát už telefonoval”.*** (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

‘«Господин фельдфебель, — докладывал ему Швейк, — вам [букв. им] надо сейчас же идти на склад, там уже ждет Фукс с 10 солдатами, будут выдавать консервы. Вам [букв. им] приказано бежать бегом. Господин обер-лейтенант звонил уже два раза.»

Модальный глагол *моci*

*Do Brucku nás vezou, jestli chtějí, pane obrfeldkurát, **můžou ject s námi.*** (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

‘Нас везут в Брук, и если хотите [букв. хотят], господин оберфельдкурат, поезжайте [букв. могут ехать] с нами.’

*No tak! Tak si **můžou** teď **myslet,** že jsou v mordpartě.* (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů)

‘Ну вот! Вот и представляйте себе [букв. они могут думать] теперь, что вы в группе по убийствам.’

Модальный глагол *smět*

*No **nesmějí** tak rychle, to musejí **hodně pomalu.*** (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

‘Не так быстро [букв. не смеют так быстро], надо помедленнее [букв. они должны...]’

Тематизация полезности / неполезности

Так же, как и в рамках «выканья» или «тыканья», в рамках «ониканья» побуждение может эксплицироваться тематизацией **полезно-**

сти для адресата каузируемого действия (семантическая интерпретация побуждения: *совет*) либо тематизацией негативных последствий осуществляемого или же планируемого адресатом действия, т. е. тематизацией его *неполезности* (семантическая интерпретация: предостережение), ср.:

Nejlepší udělají, když půjdou s námi ke zdejšímu faráři, aby nám vrátil erární majetek. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

‘Лучше всего будет [букв. они сделают лучше всего], если вы пойдете [букв. они пойдут] с нами к здешнему священнику, чтобы он вернул нам казенное имущество.’

“Pane majore,” budil ho Švejk, “poslušně hlásím, že dostanou vši”. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

‘«Господин майор, — будил его Швейк, — осмелюсь доложить, что вы нахватаете [букв. нахватывают] вшей».’

К приведенному выше примеру примыкает следующий, содержащий оформленную в рамках «ониканья» фразеологизованную конструкцию (ставшее самостоятельным придаточное предложение *Že se nestydiš / nestydíte... ‘И как тебе / вам не стыдно... [букв. Что ты не стыдишься / вы не стыдитесь...]*’), тематизирующую социальную неадекватность осуществляемого адресатом действия¹¹⁷, ср.:

Bába Pejzlerka udělala alarm, stáhla závodčího i Švejka s postele. Závodčímu řekla: “Že se nestydějí spát voblečenej jako boží dobytek,” <...>. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

‘Бабка Пейзлерка подняла шум, стащила разводящего и Швейка с постелей. Разводящему она сказала: «И как вам [букв. им] не стыдно спать одетым, точно скотина», <...>’

¹¹⁷ Либо действия уже осуществленного — в этом случае речь идет о «совете на будущее».

Риторический вопрос

Так же, как и в рамках «выканья» или «тыканья», в рамках «ониканья» побуждение может быть выражено с помощью риторического вопроса, ср.:

To se rozumí, že pan Znamenáček i ten dozorce zůstali stát jako zkoprnělí, ale on si na ně dup a rozkřikl se: “Poslechnou, nebo ne!” (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka) *‘Ясно, что господин Знаменачек и тот стражник просто окаменели, но он [судья] топнул ногой и закричал: «Будете выполнять [букв. послушаются] или нет!»’*

2.10.2. «ОНКАНЬЕ»

«Онканье»¹¹⁸, состоящее в использовании при обращении к собеседнику формы, совпадающей с претеритной или (реже) презентно-футуральной формой 3-го лица ед. числа индикатива, выражает снисходительно-покровительственное отношение к собеседнику. На первый взгляд может показаться, что речь идет о явлении, подобном русским примерам типа «Упал, отжался!» (ставшая крылатой реплика одного из персонажей телепередачи «Куклы»). Однако в русском языке речь идет отнюдь не о формах 3-го лица: если при эловой форме нет личного местоимения, лицо определяется из контекста (это может быть и 1-е, и 2-е, и 3-е лицо). В чешском же языке «голая» эловая форма однозначно свидетельствует о 3-м лице. Чешское «онканье» использует не только претеритные, но и презентно-футуральные формы, в русском же языке речь идет об исключительно претеритных формах. «Онканье», как видно из названия, ограничено 3-м лицом единственного числа, в русском же языке в случае с «авторитарным императивом»¹¹⁹ речь может идти и о формах множественного числа, ср.: «Подвинулись, колонны!» (телепередача «Городок»: «братки» распахивают стоящих у них на дороге).

¹¹⁸ Или «онаканье», если собеседник женского пола.

¹¹⁹ Так это явление было названо в докладе В. И. Беликова на международном конгрессе «Русский язык: Исторические судьбы и современность» (МГУ, 2001).

В отличие от «ониканья», «онканье» не маркируется в сознании носителей языка как относящийся к ушедшей эпохе грамматический германизм¹²⁰. Невысокая употребительность «онканья» может быть обусловлена, на наш взгляд, спецификой его семантики («онканье» более жестко, чем «тыканье» или «выканье», предполагает определенное соотношение социальных ролей говорящего и адресата), а также его некодифицированностью (последнее обстоятельство становится особенно важным в эпоху массовой коммуникации, когда резко усиливаются процессы, ведущие к унификации и стандартизации языкового пространства). Тем не менее мы можем обнаружить «онканье» в речи персонажей художественных произведений, при этом можно выделить два типа случаев:

Во-первых, «онканье» может встречаться в текстах, созданных тогда, когда данное явление было еще достаточно употребительным, ср.:

[хозяйка — служанке:]
Nemohla jít k jinému, ona hloupá? <...> No, teda šla k němu, řekla, že se nechám uctivě poroučet, aby měl ještě do prvního strpení, že se s ním spořádám.
 (B. Němcová. Kávová společnost)

'И ты [букв. она не могла] не могла пойдти к другому, глупая? [букв. она глупая] <...> Тогда иди [букв. она шла] к нему, скажи [букв. она сказала], что я кланяюсь и прошу подождать еще до первого числа, что я с ним рассчитуюсь.'

[хозяин — служанке:] *Zuzanko, voda je nejzdravější nápoj, zůstala vždy při vodě, bude zdráva a šťastna.* (B. Němcová. Babička)

'Зузанка, вода — самый здоровый напиток, пей [букв. пила] только воду, будешь [букв. будет] здоровой и счастливой'

[проститутка — прохожему:]

'Красавчик, пошли [букв. он по-

¹²⁰ Дело не в том, **является** ли данное явление германизмом или нет (скорее всего, является, во всяком случае оно явным образом соотносится с принятым некогда в германоязычных странах этикетным способом обращения в 3 лице единственного числа к лицу, стоящему существенно ниже на социальной лестнице, например, обращение дворянина — к слуге, офицера — к денщику и т.п.), а в том, **воспринимается** ли оно в качестве такового в глазах людей, имеющих определенное представление о **современном** немецком языке и не знающих особенно много о его истории, т. е. в глазах среднего чеха.

Hezoune, šel si zafilipínkovat.
(J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)
шел] развлечемся.'

*“Nic si z toho nedělal,” těší ho
kyprá dáma, až se ožení, pak dá
matematice vale.* (K. Poláček.
Hostinec u kamenného stolu)
«Да не переживай [букв. не переживал] из-за этого, — утешает его пышная дама, — когда женишься, скажешь [букв. он женится... он скажет] математике «пока».

*Když se po vyzkoušení studentů
vypsaných na jeden den vrátil
nahoru do kanceláře, předal sešit
paní sekretářce s pokynem:
“Přepsala to do epické šíře!”*
(P. Bartůňek. Smích z
poslucháren)
‘Когда же, проэкзаменовав всех записанных на этот день студентов, он поднимался в канцелярию, то передавал тетрадку секретарше с указанием: «Перепиши-ка [букв. она переписала] это в эпос!»’

Во-вторых, к «онканью» обращаются и авторы современные¹²¹ — речь идет о средстве стилизации. Так, оформленные «онканьем» фразы звучат в фильме К. Стеклого о бравом солдате Швейке (в тексте романа Я. Гашека, положенного в основу сюжета сценария, этой фразы нет!) и в историческом фильме «Пекарь императора», ср.:

*[генеральская вдова — слуге:]
Johan, on musel sofort na
korpuskomando (film Dobrý
voják Švejk)*
‘Иоганн, сейчас же иди [букв. он должен сейчас же] в штаб корпуса.’

*[Рудольф II — придворному:]
Langu, šel sem! (film Císařův
pekař a pekařův císař)*
‘Ланг, иди-ка [букв. он пошел] сюда!’

В качестве стилистического средства использует «онканье» (наряду с «ониканьем») И. Марек, ср.:

¹²¹ В этой связи нам кажется весьма показательным то обстоятельство, что «ониканье» и «онканье», традиционно игнорируемые в научных грамматиках чешского языка, наконец-то нашли отражение в новом труде брненских авторов [Příruční mluvnické češtiny 1996: 595].

[барышня из ресторана — молодому герою:] **Kouknul**, chlapečku, **on je** slušnej mužskej, **šel** se mnou, dáme si na pokoji ještě šampus na jejich účet.
(J. Marek. Můj strýc Odysseus)

‘Слушай [букв. он слушал], малыш, да ты [букв. он] парень хоть куда, иди [букв. шёл] со мной, закажем еще шампанского в номер за их счет’

О том, что речь идет о живом, пусть и малоупотребительном языковом средстве, свидетельствует и использование «онканья» в современных художественных переводах на чешский язык, ср. следующий фрагмент, в котором вежливое «выканье» временно сменяется фамильярным «онканьем», когда возникает потребность утихомирить собеседника:

“**Nevzrušujte se** [«выканье»]. *Vím o té záležitosti víc, než si myslíte. A domnívám se, že vám můžu pomoci. Vím, kde ho hledat.*”

Nahnul se přes bar.

“Kde?”

“**Pustil** tu košili, kámo,” řekl jsem potichu a ukázal mu obušek, “jinak se **ocit** jak dlouhej tak širokej na chodníku a poldům řeknu, že se **mu** udělalo šoufl.” [«онканье»]

Pustil mě.

“Promiňte. Ale řekněte mi, kde je. A taky mi řekněte, jak je možný, že o tom tolik víte.”

“**Všechno má svůj čas. Jak víte** [«выканье»], existujou kartotéky: v nemocnicích, v sirotčincích, v ordinacích...”

(R. A. Heinlein; překl.

J. Hlavička).

«Не волнуйтесь. Я знаю об этом больше, чем вы думаете. И я думаю, что могу вам помочь. Я знаю, где его искать.»

Он наклонился через стойку.

«Где?»

«А ну-ка пусти рубашку, приятель, — шепнул я ему и показал дубинку, — а то будешь валяться на тротуаре, а легавым я скажу, что тебе стало плохо.»

Он отпустил меня.

«Извините. Но скажите мне, где он. И скажите, как это возможно, что вы об этом столько знаете.»

«Всему свое время. Как вы знаете, существуют картотеки: в больницах, в приютах, в приемных...»’

До сих пор «онкает», обращаясь к своим детям, потомок чешского аристократического рода Кинских, ср.:

A pak [otec] ještě dodal: A dal na sebe pozor. Otec nám s bratrem totiž onká. (smích). (Интервью с Антонином Кинским в журнале Týden. 4.12.2000)

'А потом [отец] еще добавил: «И будь внимательным» [букв. и был внимательным]. Отец нам с братом «онкает». (смех).'

Если подыскивать русские аналоги чешскому «онканью», то можно обратить внимание на три типа примеров (ни один из которых, впрочем, однозначно с чешским «онканьем» не соотносится).

Во-первых, это высказывания типа *A nu, pošel odsud!* Речь, однако, при этом идет не об особом этикетном способе общения, а об относительно небольшой группе глаголов, «у которых формы прош. вр. (особенно мн.ч., реже ед.ч.) могут иметь императивное значение и употребляться в повелительных предложениях. Это прежде всего глаголы СВ однонаправленного движения с префиксом *po-* типа пойти, поехать, побежать. Далее, в эту группу входят и другие глаголы СВ, обозначающие начальную (или конечную) фазу движения: двинуть(ся), тронуть(ся), поднять(ся), взять(ся), начать, кончить» [Теория... 1990: 236-237].

Во-вторых, речь может идти о *непрямой адресации* — к способу обращения к собеседнику в третьем лице¹²², ср.: «Помилуйте, что вы делаете, Афраний, ведь печати-то, наверное, храмовые!» / «*Прокуратору не стоит беспокоить себя* этим вопросом», — ответил Афраний, закрывая пакет. (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Не скажет ли благородный дон*, что в городе. (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом). Подобные обороты возможны (с той же стилистической нагрузкой) и в чешском речепотреблении, ср.:

Kbyby pan dvorní rada dovolil... naše čtenáře by jistě nejvíc zajímalo, jak se lze té choroby uchránit. (К. Чапек. Bílá nemoc).

Если господин советник разрешит... Наших читателей, конечно, больше всего интересует, как уберечься от этой болезни. (перевод Т. Аксель).

¹²² В. И. Коровин, анализируя басню И. А. Крылова «Волк и Ягненок», отмечает, что с помощью оформления реплик в третьем или во втором лице подчеркивается социальная пропасть, разделяющая персонажей («Когда светлейший Волк позволит, осмелюсь я донести», «гневаться напрасно он изволит» — «Досуг мне разбирать вины твои...») [Коровин 1997: 88-89]

Последние случаи демонстрируют фактический переход от «фигур слова» к «фигурам мысли», то есть от такого способа выражения, который неразрывно связан с языковым материалом, к такому, который с последним не связан.

Суммируя изложенное, следует констатировать, что «ониканье» и «онканье», уже долгое время являясь грамматическим архаизмом, проявляют удивительную стабильность, продолжая активно использоваться в произведениях художественной литературы и кинематографе в качестве яркого стилистического средства.

Глава 3. ИНКЛЮЗИВНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

3.1. ИЛЛОКУТИВНО УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИНКЛЮЗИВНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ

3.1.1. Синтетический императив 1 лица мн. числа

«Исходная» парадигма чешских синтетических императивных форм включает в себя, помимо форм 2 л. *piš* (НСВ), *napiš* (СВ) и мн. ч. *pište* (НСВ) *napište* (СВ), парадигматические формы 1 лица мн. ч., у большинства глаголов не омонимичные соответствующим презентно-футуральным формам индикатива (ср. *pište*, (НВС), *napište* (СВ) – императивные формы, *pišete*, (НВС), *napišete* (СВ) – индикативные).

Конструкции с синтетическими формами 1 л. мн. числа безусловно являются основным средством экспликации инклюзивного побуждения в современном чешском речепотреблении, ср. некоторые из весьма многочисленных примеров:

Leč vrat'me se do dob Vídeňských, do onoho světa, který leží už daleko za námi! (J. Marek. Můj strýc Odysseus) ‘Однако давайте вернемся к венским временам, в тот мир, который лежит далеко позади.’

“Podívej, Vlád'o, už jsme dost nahovořili o svých problémech,” řekla manželka. “**Hovořme** teď zase o tvých starostech. Co mi, například, chceš koupit k vánocům?” (Dikobraz) ‘«Слушай, Владя, мы уже достаточно говорили о моих проблемах, — сказала супруга. — Давай теперь говорить о твоих делах. Что ты, например, собираешься подарить мне на рождество?»’

“V domě oběšencově **nemluvme** o provaze,” pravil Krempa jedovatě. (V. Erben. Bláznova) ‘«В доме повешенного не будем говорить о веревке», — язвительно произнес Кремпа.’

smrt)

V textech SYN2000 více než desetkrát použity formy 1. osoby množného čísla 209 sloves.

řici — 1337 употреблений; dát — 1141; připomenout — 1014; doufat — 739; podívat se — 724; vrátit se — 713; jít — 610; nechat — 489; dodat — 415; uvést — 398; vzpomenout (si) — 370; vzít — 323; představit si — 320; být — 314; zkusit — 274; jmenovat — 274; předpokládat — 247; všimnout si — 241; pokusit se — 219; zapomenout — 208; cvičit — 199; ponechat — 184; připomenout — 180; věřit — 180; začít — 171; uvažovat — 159; poznamenat — 140; připustit — 131; přiznat (si) — 127; mluvit — 120; určit — 117; hledat — 115; mít — 110; říkat — 107; zastavět — 101; dělat — 98; věnovat (se) — 97; položit (si) — 96; uvědomit si — 90; bát se — 88; zůstat — 88; počkat — 81; roztočit — 80; zmínit (se) — 80; zopakovat (si) — 80; ptát se — 79; povšimnout si — 76; hledět — 73; označit — 73; přejít — 72; ukázat — 71; brát — 68; divit se — 63; udělat — 63; zamyslet se — 63; uvázat — 58; snažit se — 55; zdůraznit — 54; počítat — 53; držet (se) — 52; zabývat se — 52; srovnat (si) — 51; předbíhat — 48; jet — 48; pomáhat — 47; pominout — 47; obrátit (se) — 47; pokračovat — 46; myslet — 45; chtít — 44; vyjít — 43; nazvat — 41; připočít — 41; čekat — 40; opustit — 37; zachránit — 37; přestat — 35; využít — 34; radovat se — 34; přidat — 33; mýlit se — 32; pamatovat (si) — 32; doplnit — 31; citovat — 30; porovnat — 29; sledovat — 29; použít — 28; poslechnout — 28; připojit — 28; pohledět — 28; pomoci — 28; dávat — 28; povědět — 27; přistoupit — 27; připravit — 26; rozumět — 26; těšit se — 26; vybrat (si) — 25; bavit se — 25; popřát — 25; naučit (se) — 25; diskutovat — 24; soustředit se — 23; zeptat se — 23; postavit (se) — 23; smířit se — 23; modlit se — 22; podceňovat — 22; konstatovat — 22; opakovat — 22; vypočítat — 22; vyčkat — 22; zaměřit — 22; dopřát — 21; dosadit — 21; vypočít — 21; promluvit — 21; učinit — 21; číst — 20; jednat — 20; zapamatovat — 20; dívat se — 20; pět — 20; dopustit — 20; učit — 20; poznat — 20; zvážit — 20; omezit — 19; podotknout — 19; veselit se — 19; zanechat — 19; přeceňovat — 18; rozlišovat — 18; slyšet — 18; vsadit se/si — 18; nahlédnout — 17; skončit — 17; hovořit — 17; ocitovat — 17; přehrát — 17; sestrojít — 17; respektovat — 17; prosit — 17; chodit — 17; přenechat — 16; popsat — 16; přenést — 16; zvolit — 16; přičíst — 16; upřesnit — 16; koukat — 16; připít (si) — 16; dovolit (si) — 16; zaznamenat — 16; chápat — 16; odhlédnout

se — 15; *přijmout* — 15; *vycházet* — 15; *zbavit se* — 15; *upozornit* — 15; *používat* — 15; *přeskočit* — 15; *vážit si* — 15; *žádat* — 15; *zavést* — 15; *přečíst* — 15; *bránit (se)* — 15; *považovat* — 15; *vysvětlit* — 15; *narýsovat* — 15; *chovat se* — 14; *spojit (se)* — 14; *spokojit se* — 14; *utéci* — 14; *žít* — 14; *očekávat* — 14; *řešit* — 14; *nazývat* — 13; *projít* — 13; *vědět* — 13; *soudit* — 13; *analyzovat* — 13; *nenamlouvat si* — 13 (только с отрицанием); *pustit* — 13; *pokoušet se* — 13; *vyhodit* — 13; *vytvořit* — 12; *podporovat* — 12; *běžet* — 12; *přehlédnout* — 12; *připočítat* — 12; *zrekapitulovat* — 12; *okótovat* — 12; *napít se* — 12; *posoudit* — 12; *vynechat* — 12; *vyšetřit* — 12; *poučit se* — 12; *odložit* — 12; *změnit* — 11; *odpovědět* — 11; *pojmenovat* — 11; *dohodnout se* — 11; *přemýšlet* — 11; *hádat (se)* — 11; *rozebrat* — 11; *dokázat* — 11; *pracovat* — 11; *pozastavit se* — 11.

Русские аналоги типа *пойдёмте!* непарадигматичны и игнорируются, как правило, нормативными грамматиками, хотя сама возможность образования подобных форм сохраняется в сознании носителей языка и в принципе может быть реализована, ср. увиденный автором несколько лет назад в московском метро рекламный плакат: *Летимте вверх!*

Определённый налёт «неправильности» характеризует все подобные формы, одни в меньшей, другие в большей степени, кроме, пожалуй, словоформ *идемте* и *пойдемте*, что, безусловно, связано в их относительной частотностью¹²³.

¹²³ В подвергнутом нами компьютерной обработке довольно большом массиве (около 10 000 стандартных книжных страниц) художественных текстов были обнаружены следующие формы рассматриваемого типа: *пойдемте* (97 примеров), *идемте* (29 примеров), *поедемте* (4 примера), *пройдемте* (4 примера), *перейдемте* (1 пример), *уедемте* (1 пример). Используются следующие списанные из Интернета (<http://www.sf.amc.ru/books/>) тексты: *Беляев А.* Ариель. Голова профессора Доуэля. Остров погибших кораблей. Человек, нашедший свое лицо; *Булгаков М.* Похождения Чичикова. Собачье сердце. Роковые яйца. Мастер и Маргарита. Баргровый остров; *Булычев К.* Сто лет тому вперед. Тринадцать лет пути. Альтернатива. «Так вступал я...». Умение кидать мяч. Выбор. Белое платье Золушки. Смерть этажом ниже. Любимец. О страхе. Великий дух и беглецы. Девочка, с которой ничего не случится. Козлик Иван Иванович. Закон для дракона. На днях землетрясение в Лигоне. Марсианское зелье. Глубокоуважаемый микроб. Миниатюры. «Можно попросить Нину?». Показания Оли Н. Поминальник XX века. Лиловый шар. Заповедник сказок. Пленники астероида. Конец Атлантиды. Котел. День рождения Алисы. Город без памяти. Остров ржавого лейтенанта. Доказательство. Поселок. война с лилипутами. *Булычев К.*, 202

Ранее формы на *-те* были более узуальны, ср. некоторые примеры из произведений авторов XIX века: **Оставимте** мы эти пренья, *Перед Молчалиным не прав я, виноват.* (А. С. Грибоедов. Горе от ума); *Ребята! не Москва ль за нами? Умремте ж под Москвой, Как наши братья умирали.* (М. Ю. Лермонтов. Бородино); **Сделаемтесь** же, как многие делываются. *Выстрелим друг в друга, но так, в сторону, мимо, понимаете?* (А. А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда»); **Присядемте** и станем читать вместе (Ф. В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин); *Господа, крикнемте «посматривай!»* (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы); **Теперь сделаемте** себе каждый комнатку в снегу и давайте спать! (Л. Н. Толстой. Метель).

3.1.2. Чешские конструкции типа *pojď(te) zřívaj* и русские типа *давай(те) (будем) петь*

Оба сопоставляемых языка располагают специфицированными для выражения инклюзивного побуждения конструкциями, способными интерпретироваться в качестве аналитических императивных форм. Речь идет прежде всего о чешских конструкциях *pojď(te) + инфинитив / индикатив наст. или буд. вр.* и русских конструкциях *давай(те) + инфинитив / индикатив наст или буд. вр.*. В обоих сопоставляемых языках варианты с инфинитивом достаточно редки, хотя и возможны, ср.:

чешский пример:

Dejte už pokoj o autech, pojďte 'Хватит уже об автомобилях,

Володин А., Данелия Г.А слезы капали...; *Ефремов И.* Лезвие бритвы. Туманность Андромеды; *Головачев В.* Владыки. Непредвиденные встречи. Демон. истребитель закона. И возмездие со мною. отклонение к совершенству. Тень Люциферова крыла; *Кабаков А.* Последний герой. Невозвращенец. Сочинитель; *Орлов В.* Альтист Данилов; *Пелевин В.* Хрустальный мир. Девятый сон Веры Павловны. Омор Ра; *Перумов Н.* Русский меч; *Рыбаков В.* Трудно стать богом; *Стругацкие А. и Б.* Попытка к бегству. Трудно быть богом. Жук в муравейнике. За миллиард лет до конца света. Обитаемый остров. Понедельник начинается в субботу. Отягощенные злом, или сорок лет спустя. пикник на обочине. Жиды города Питера, или невеселые беседы при свечах. Улитка на склоне. Сказка о тройке. Волны гасят ветер. Страна багровых туч; *Волков А.* Волшебник Изумрудного города. Урфин Джюс и его деревянные солдаты. Семь подземных королей. Огненные бог Марранов. Желтый туман. Тайна заброшенного замка.

si povídat o ženskejch: perete radši titanem nebo persolem? (Dikobraz) *давайте говорить о женщинах: вы предпочитаете стирать «Титаном» или «Персолом?»*

Tak pojd'te hovořit o něčem jiném. <doc S|NOV|199f|kalib> <s 004-p57s2> *Давайте говорить о чем-нибудь другом.*

русские примеры:

Давайте считать, что это несвоевременно. (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров); *Значит, мы лежим, я говорю младшему сержанту: «Давай уходить».* (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

В обоих сопоставляемых языках в составе рассматриваемых конструкций вместо инфинитива может выступать индикатив настоящего или будущего времени, ср. извлечения из «Чешско-русских речевых параллелей в темах и ситуациях» [Арутюнов, Паролкова, Лизунов 1988: 33, 37]:

Pojd', pojedeme v sobotu! *Давай поедем в субботу!*

Pojd'te, domluvíme se takto: vy se seznámíte s prací, sestavíte si plán. A potom si promluvíme. *Давайте договоримся так: вы познакомитесь с делами, составите план. Тогда и поговорим.*

При этом следует, однако, отметить, что в то время как рассматриваемые чешские конструкции с индикативом так же малоупотребительны, как и конструкции с инфинитивом, их русские корреляты вполне узуальны. Мы полагаем, это может объясняться следующим: для чеха, располагающего парадигматической синтетической формой типа *zpívejme!*, подобные конструкции интересны прежде всего как стилистическое средство (конструкции с *pojd'(te)* маркированы как разговорные), тогда как для русского, если иметь в виду нерегулярность образования форм типа *spoějme!*, аналитические конструкции зачастую являются единственным средством выражения инклюзивного побуждения, не омонимичным индикативу, отсюда их меньшая стилистическая маркированность и большая употребительность.

«Побудительность» русского *давай(те)* и чешского *pojď(te)* настолько велика, что они способны формировать инклюзивное побудительное высказывание без участия индикативной или инфинитивной формы смыслового глагола, ср.

чешский пример:

“*Pojďme dnes do té nové hospody, je tam útulno, budeš se tam cítit jako doma*” / “*Jako doma? To pojď raději někam jinam*”. (Dikobraz)

‘«*Пошли сегодня в эту новую пивную, там уютно, ты будешь чувствовать себя как дома*» / «*Как дома? Тогда давай лучше куда-нибудь в другое место*»¹²⁴.

русские примеры:

«*Действительно, а давайте ко мне!*» — сказал Данилов. (В. Орлов. Альтист Данилов); *Слушай, я опоздаю, давай в метро, будет быстрее.* (А. Кабаков. Сочинитель)

Об употребительности русских моделей с *давайте* весьма красноречиво говорит следующий отрывок, компактно содержащий в нескольких строчках все четыре рассмотренных выше варианта (*давайте* + наречие; *давайте* + инфинитив, *давайте* + Ø; *давайте* + 1 л. мн. ч. инд.), ср.:

— *Никто нас не убьет. Давайте попроще. Не нужны нам никакие остроумные осложнения. Мы люди и давайте действовать как люди.*

— *Давайте,* — устало сказал Саул. — *И давайте поедим. Известно, что будет дальше.* (А. и Б. Стругацкие. Попытка к бегству).

Проницаемость границ *императив-индикатив* в случае с рассматриваемыми чешскими и русскими конструкциями проявляется, как мы считаем, прежде всего в лёгкости оживления их этимологической внутренней формы. Так, образование чешской аналитической конструкции *pojď(te)* + *инфинитив* / *индикатив* связано, безусловно, с семантическим сближением начала физического перемещения в

¹²⁴ В данном примере речь идет об аналитической императивной конструкции, включающей в себя элемент *pojď*, а не о синтетической императивной форме *pojď*, так как высказывание выражает побуждение 1 л. мн. ч., а не 2 л. ед. ч. Для того, чтобы содержащееся в данном примере инклюзивное побуждение выражалось синтетической императивной формой, пример должен выглядеть как *To pojďme raději někam jinam*.

пространстве с началом какой-либо деятельности, тем более, что в целом ряде случаев подобное физическое перемещение является необходимой предпосылкой этой деятельности, ср. переходный, на наш взгляд, случай, демонстрирующий это сближение:

<i>Hodila na okraj krbu nedokouřenou cigaretu a kývla na Rubeše. «Pojd'te, Bohouši, dáme si dvě partie, tady bude ještě šum a ruch, ani bychom neusnuli». (V. Erben. Bláznova smrt)</i>	<i>'Она бросила недокуренную сига- рету и кивнула Рубешу. «Пой- дёмте, Богоуш, сыграем ещё пару партий, здесь будет ещё столько шума, что всё равно не уснёшь»'.</i>
---	--

Легко оживляется и внутренняя форма русской конструкции *давай(те) + инфинитив/индикатив*, ('позволь(те) мне/нам/ему ... сделать то-то и то-то', ср. аналогичную внутреннюю форму англ. *let us go* и нем. *laßt uns gehen*), ср.: *Дверь лаборатории отворилась, и оттуда вышли два лаборанта, волоча чан с пустыми ведрами. Третий лаборант, опасливо оглядываясь, суетился вокруг и бормотал: «Давайте, ребята, давайте, я помогу, тяжело ведь...»* (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

3.2. ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ИНКЛЮЗИВНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ

Обращение к эксплицитным перформативным конструкциям при выражении инклюзивного побуждения для современного чешского речеупотребления не характерно. В текстах SYN2000 подобные примеры единичны, причем речь идет лишь¹²⁵ о перформативных глаголах *doporučovat* и *navrhovat*, ср.:

<i>Zatímco se i nadále bude hledat ideální palivo, doporučuji, aby- chom se zamysleli nad výhodami</i>	<i>'Пока же ищут идеальное топливо, я рекомендую нам задуматься [букв. я рекомендую,</i>
--	--

¹²⁵ Мы не рассматриваем примеры, способные интерпретироваться неоднозначно, ср.: *Ale prosím vás, abychom si netrivializovali tuto otázku.* <doc S|PUB|1997|mf970624><s 007-p2s24>. В приведенном случае словоформа *prosím* может интерпретироваться и как форма перформативного глагола, и как частица.

zemního plynu. <doc
S|PUB|1994|refl9433> <s 004-
p18s4>

*чтобы мы задумались] над
преимуществами природного
газа'.*

*Navrhují, abychom zašli za
šéfem, který mi tvůj úkol oficiálně
předá, a já jej pak oficiálně
dokončím.* <doc
S|PUB|1994|mf941110><s 015-
p13s4>

*'Я предлагаю зайти [букв. я
предлагаю, чтобы мы зашли] к
шефу; он официально
перепоручит мне твоё задание, а
я его официально завершу'.*

3.3. «НЕКАТЕГОРИАЛЬНОЕ» ИНКЛЮЗИВНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ

3.3.1. Конструкции с формами 1 лица мн. числа индикатива

Обращение к презентно-футуральным (футуральным) формам 1 л. мн. ч. индикатива является наиболее узуальным способом экспликации инклюзивного побуждения в современном русском речепотреблении и достаточно употребительным (стоящим на втором месте после использования конструкций с синтетической императивной формой 1 л. мн. числа) в речепотреблении чешском.

Помимо различий в употребительности, межъязыковые различия можно видеть также в неодинаковом соотношении обращений к глаголам совершенного и несовершенного вида в чешских и русских примерах данного типа. В то время как в нашем русском материале число примеров, содержащих глагол несовершенного вида, в 10 раз превышает число примеров, содержащих глагол совершенного вида, в нашем чешском материале число «перфективных» примеров превышает число примеров «имперфективных» лишь в 2 раза. При этом практически во всех русских примерах с глаголом несовершенного вида употреблена описательная форма будущего времени, тогда как во всех чешских примерах — форма простая.

Соотношение русских форм типа *пойдём* и *пойдёмте* заслуживает особого рассмотрения. Конечно же, было бы весьма заманчивым рассматривать противопоставление этих форм в качестве своего

рода аналога оппозиции типа *пойди :: пойдите*¹²⁶ и было бы нелепым отрицать наличие связи между данными оппозициями в сознании носителя языка. С другой стороны, то же самое сознание носителя языка не может игнорировать и то обстоятельство, что у абсолютного большинства глаголов современного русского языка инклюзивные формы на *-те* не узуальны, а их функциональный потенциал частично «поглощен» индикативными формами 1 л. мн. числа. Нам представляется, что в тех немногочисленных случаях, когда узуальны обе инклюзивные формы (императивная и транспонированная в императив индикативная) и мы имеем дело с парой типа *идём! :: идёмте!*, дистрибуция этих форм начинает коррелировать с дистрибуцией форм в паре типа *иди! :: идите!*, не совпадая, впрочем, с последней. Форма типа *иди!* маркирована, она однозначно сигнализирует и о единичности адресата, и о том, что говорящий с ним «на ты». Формы типа *идём!* также свидетельствуют о «тыканьи», но ничего не говорят о числе собеседников (школьник может так обратиться и к однокласснику, и к группе одноклассников, но не к учителю). Тогда же, когда дублет с *-те* отсутствует (ср. *обратимся :: *обратимтесь*) или же неузуален (ср. *оставим ~ оставимте*), форма без *-те* никак не маркируется¹²⁷. Поэтому мы склонны не согласиться с мнением тех, пусть и весьма нами уважаемых исследователей, которые, как нам представляется, несколько упрощают реальную ситуацию, интерпретируя противопоставление форм типа *пойдём :: пойдёмте* как противопоставление (инклюзивное) ед. число :: (инклюзивное) мн. число (ср. [Русская грамматика 1979: 190];

¹²⁶ Ср. примеры в [Русская грамматика 1979: 187-188], иллюстрирующие «формальную структуру повелительного наклонения» русского языка:

<i>пойди</i>	::	<i>пойдем</i>	<i>пеки</i>	::	<i>будем печь</i>
::	::	::	::	::	::
<i>пойдите</i>	::	<i>пойдёмте</i>	<i>пеките</i>	::	<i>будемте печь</i>

Обзор мнений о категориальном статусе подобных форм см. в [Теория... 1990: 191-193].

¹²⁷ Ср. примеры со словоформами *оставим, обратимся, оставимте*: *Но оставим пока геометрию. Обратимся к науке, которую вы, как чиновник почтового ведомства, вероятно, любите. География — наука почтальонов.* (А. П. Чехов. Экзамен на чин); *Оставимте мы эти пренья, Перед Молчалиным не прав я, виноват.* (А. С. Грибоедов. Горе от ума).

[Типология... 1992: 8]), хотя и не исключаем, что когда-то ранее дистрибуция подобных форм могла быть иной¹²⁸.

Дистрибуция форм типа *пойдём :: пойдёмте*, поддерживаемая дистрибуцией форм типа *пойди :: пойдите* и расшатываемая неузуальностью инклюзивных образований на *-те*, продолжает разрушаться. Так, хотя в нашем материале в большинстве случаев словоформа *пойдём* (ее оппозиит *пойдёмте* достаточно узуален, см. выше) сигнализирует «тыканье», она употребляется и при обращении на «вы», ср.:

— *Пойдем куда-нибудь, — сказала она.*

— *Можно, — сказал я. Мне никуда не хотелось идти, хотелось немного посидеть в прохладе.*

— *Я вижу, вам не очень-то хочется, — сказала она. (А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века).*

Нельзя также сбрасывать со счетов возможность интерпретации оппозиции форм типа *пойдём :: пойдёмте* как оппозиции *индикативная форма :: императивная форма*, то есть форма, специфицированная в системе языка прежде всего для выражения категорического побуждения, противопоставлена форме, в этом плане нейтральной¹²⁹, ср. следующие примеры, в которых повтор побуждения (мы очевидно имеем дело с возрастанием его категоричности) сопровождается заменой формы с *-те* формой без *-те*: «*Пойдемте сейчас же*», — сказала она. / «*Ни за что*», — сказал я и лег. / «*Что за манеры? Сейчас же вставайте и пойдём!*» (А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века); «*Румата, друг мой, пойдёмте отсюда. У вас*

¹²⁸ По мнению Ф. И. Буслаева, «совокупное действие 1-го лица со 2-м единственным числа означает повелительными формами *пойдём, скажем* и пр.; и со 2-м лицом множественного числа – формами *пойдём-те, скажем-те*. Первые соответствуют двойственному числу, а вторые множественному. Поэтому из вежливости двойственное число изменяется на множественное, например, вместо *пойдём* (т.е. я и ты) говорится *пойдём-те* (т.е. я и вы)» [Буслаев 1858, 186]. Аналогичного мнения придерживался и В. В. Виноградов, ср.: «Формы *пойдём, посмотрим* и т.п. означают исходящий от говорящего лица призыв к соучастию в действии, побуждение к совместному действию. Это формы синкретического «двойственного», т.е. совокупного 1-го и 2-го лица единственного числа (ср. *мы с тобой*), формы совместного действия» [Виноградов 1972, 46]. Исследованиях отмечается, что транспонированные в область первичных функций императива индикативные формы выражают, как правило, категорическое побуждение, ср. [Теория... 1990: 235].

слишком богатые погреба! Уедемте!» / «Но куда?» / <...> / «Да. Я понимаю вас. Это ужасно... Но все-таки уедем». (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом)

В чешском языке, располагающем полноценной (то есть парадигматической и узуальной) императивной формой 1 л. мн. числа, данная оппозиция может быть представлена в рамках инклюзивного побуждения в чистом виде, ср. следующий пример, в котором одно и то же инклюзивное побуждение (речь идет о совместном походе в трактир) сначала высказывается арестованным Швейком (предложение, которое конвоиры могут принять или отвергнуть — использована императивная форма), а затем — одним из конвоиров (решение принято — использована индикативная форма):

“Pojďme na ‘Kuklík’,” vybízeli Švejk, “kvěry si dáte do kuchyně, hostinský Serabona je Sokol, toho se nemusíte bát.” <...> Čahoun s malým podívali se ještě jednou na sebe a pak řekl čahoun: “Tak tam půjdeme, do Karlína ještě daleko”. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

«Идемте в “Куклик”, — предложил Швейк, — ружья оставите на кухне, хозяин там — член «Сокола», его можете не бояться». <...> Верзила еще раз переглянулся со своим невысоким спутником и сказал: «Ну что ж, пошли туда, до Карлина еще далеко».’

Следует также отметить, что значительная часть чешских примеров рассматриваемого типа (в нашем материале — около половины) содержит в своем составе открывающую высказывание частицу *так*, ср., например:

Položil sluchátko a zamnul si ruce. “Tak si to shrneme”. (V. Erben. Bláznova smrt)

‘Он положил трубку и размял руки: «Подведем итоги!»’

“Tak se setkáme tamhle za rohem tribuny,” — hodil na ně přes rameno. (M. Kapek. A je to gól!)

‘«Значит, встречаемся вон там за углом трибуны», — бросил он через плечо.»’

Глава 4. ПОБУЖДЕНИЕ «ТРЕТЬЕГО ЛИЦА» В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

4.1. ИЛЛОКУТИВНО УНИВЕРСАЛЬНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ «ТРЕТЬЕГО ЛИЦА»

4.1.1. Чешские конструкции типа *ať zpívá / zpívají* и русские типа *пусть поёт / поют*

Сходство между чешскими конструкциями типа *ať zpívá / zpívají* и русскими конструкциями типа *пусть поёт / поют*, в обоих сопоставляемых языках регулярно обозначаемыми как императивные¹³⁰, мы склонны видеть не только в том, что они регулярно соответствуют друг другу в переводах, но и в том, что в данном случае речь может идти о функционально-семантической эквивалентности. Многие аргументы, выдвигаемые русистами в пользу включения в императивную парадигму конструкций типа *пусть (с)поёт!*, могут быть чуть ли не механически использованы применительно к чешским конструкциям типа *ať zpívá*. Так, при решении вопроса о том, можно ли сочетания типа *пусть (с)поёт!* считать аналитическими императивными формами, либо их следует рассматривать как формы индикатива, транспонированные в сферу императивности частицей модально-императивного типа (ср. [Русская грамматика 1980: 622]),

¹³⁰ Ср. [Mluvnice češtiny 1987: 336], [Теория... 1990: 193]. Обзор мнений [Шахматов 1941], [Немешайлова 1961], [Зарецкая 1976], [Грамматика... 1970], включающих конструкции типа *Пусть (пускай) напишет* по семантическим и по формальным основаниям в императивную парадигму, мнений [Виноградов 1938] и [Русская грамматика 1980], признающих данные образования императивными содержательно, но не формально, мнений [Мучник 1955], [Исаченко 1957], интерпретирующих их в качестве содержательно «побудительных», но не императивных, мнения А. В. Бондарко, считавшего, что данные образования «примыкают к парадигме повелительного наклонения, но не могут считаться ее равноправными членами» [Бондарко, Буланин 1967], а также мнения [Пазухин 1974], отказывающего рассматриваемым конструкциям во включении в императивную парадигму и по формальным, и по содержательным критериям, см. в [Храковский, Володин 1986: 113-115].

В. С. Храковский предлагает «прежде всего исходить из того, что предложения с обсуждаемыми формами безусловно являются повелительными и по своим формальным свойствам весьма близки эталонным повелительным предложениям с императивными формами 2-го л. В частности, эти предложения переводятся из прямой речи в косвенную так же, как эталонные (*Пусть он рисует* → *Она сказала: «Пусть он рисует»* → *Она сказала, чтобы он рисовал / Она велела ему рисовать*) <...> Коль скоро рассматриваемые предложения являются повелительными, то хотелось бы думать, что и глагольные формы в этих предложениях можно считать императивными, тем более что любому эталонному предложению с императивной формой 2-го л. регулярно соответствует повелительное предложение с обсуждаемой формой 3-го л. (*Рисуй хорошо* → *Пусть он рисует хорошо; Позвоните вечером ему домой* → *Пускай они позвонят ему вечером домой*)» [Теория... 1990: 194]¹³¹.

Сходство между сопоставляемыми языками можно видеть также в том, что и в чешском, и в русском наряду с узуальным вариантом рассматриваемой конструкции (образования типа русск. *пусть войдет*, чешск. *at' vstoupi*) существуют варианты менее узуальные (образования типа русск. *пускай войдет*, чешск. *necht' vstoupi*). Впрочем, определенная асимметрия существует и в этой области.

В современном чешском речепотреблении конструкции с *necht'* не только неузуальны, но и стилистически отчетливо маркированы как относящиеся к торжественно-патетическому способу выражения. Что же касается русских конструкций с *пускай*, то эта маркированность «по другую сторону». При стилистически нейтральных чешских конструкциях с *at'* и русских конструкций с *пусть* чешские конструкции с *necht'* маркируются как книжные устаревшие, а русские конструкции с *пускай* — как разговорные¹³². Тезис о разгово-

¹³¹ Ср. полную аналогию в чешском (мы лишь заменили *рисование пением*): *At' zpívá* → *Řekla: 'At' zpívá'* → *Řekla, aby zpíval; Zpívej dobře* → *At' zpívá dobře; Zavolejte mi večer domů* → *At' mi zavolají večer domů*.

¹³² Отметим, впрочем, что мнение о разговорном характере конструкций с *пускай*, высказываемое в [Саранцацрал 1993 а], не является общепринятым, ср.: «Показатели *пусть* и *пускай* в принципе как будто свободно заменяют друг друга, и соответственно формы, различающиеся только этими показателями, представляют собой равноправные варианты» [Храковский, Володин 1986: 122]. В. В. Виноградов, рассматривая экспрессивные оттенки, связанные с различием видовых форм, связывал их и с корреляцией *пусть* и *пускай*, полагая, что

ном характере варианта с *пускай* согласуется с малой представленностью этого варианта в современных художественных текстах (исключение составляют произведения, речь персонажей которых подчеркнута не литературна, ср., например, сборники сценариев популярных телесериалов В. Шендеровича. «Куклы» и «Куклы-2»).

В текстах XIX века ситуация была иной: ныне малоупотребительные варианты (чешские с *necht'* и русские с *пускай*) были достаточно обычны, ср.:

чешские примеры:

*Necht' je jak je, ty se neuč
vumýšlet v jídle* (В. Němcová.
Babička)

*'Пусть будет, как есть, не ка-
призничай с едой.'*

*Kdokoliv zprávu podat může,
necht' telegrafuje do Prahy na
pana Františka Burgra, správce u
hraběte Lvovského!* (J. Neruda. Já
to nejsem)

*'Тот, кто может сообщить
что-либо, пусть телеграфирует
в Прагу господину Франтишеку
Бургеру, управляющему графа
Львовского.'*

русские примеры:

*Нет, решено — пойду искать управы У герцога: пускай отца за-
ставят Меня держать как сына, не как мышь, Рожденную в подпо-
лье.* (А. С. Пушкин. Скупой рыцарь); *Ох, запру я двери-то, ей-богу
запру; пускай его кверху идет, а ты уж, голубушка, здесь посиди.*
(А. Н. Островский. Свои люди — сочтемся).

Более того, они могли, по-видимому, относительно свободно варьироваться с вариантами основными (в чешском — с вариантами, содержащими *at'*, в русском — с вариантами, содержащими *пусть*), ср. чешский пример, где в одном и том же контексте употреблены конструкция с *necht'* и конструкция с *at'*, и русский пример, в котором содержится и *пускай*, и *пусть*:

чешский пример:

*“Tvým! Tvým necht' se jmenuje!”
zvolal jako z božského vnučutí
stařec dlouhé, bílé brady, nejstarší
ze všech starostů. / Hned všichni,*

*«Твоим! Твоим именем пусть
зовется!» — вскричал длинно-
бородый старец, старший из
всех старейшин. / Тут же все,*

«пусть» выражает волю более решительную, крепко и повелительно. *Пускай* означает скорее допущение, позволение» [Виноградов 1972: 470].

starostové i čeled', volali jako jedním hlasem: / "Tvým! Tvým jménem!" / "Po tobě at' se jmenuje!" (A. Jirásek. Staré pověsti české)

и старейшины, и челядь вскричали единым голосом: «Твоим! Твоим именем!» / «В твою честь пусть зовется!»

русский пример:

*Когда Борис хитрит не перестанет, Давай народ искусно волновать; Пускай они оставят Годунова, Своих князей у них довольно, пусть Себе в цари любого **изберут**.* (А. С. Пушкин. Борис Годунов)

Подыскивая стилистически адекватное русское соответствие чешским конструкциям с *necht'*, можно вспомнить о конструкциях с *да*, сохранившихся в современном русском речепотреблении во фразеологизованных сочетаниях типа *да здравствует, да будет*¹³³, однако довольно активно использовавшихся авторами XIX века в качестве средства архаизации либо патетизации речи персонажа¹³⁴, а порой используемых (в аналогичных ситуациях) и сегодня, ср.: *Да пощадит меня снисходительный читатель!* (А. И. Солженицын. Архипелаг Гулаг); *Приходящий или прибегающий к мирским начальникам за рукоположением, если завладеет церковью, да будет низложен, а если богоугодными заведениями, да будет изгнан с отлучением.* (Современный перевод византийского текста, выполненный Д. А. Афиногеновым, автором монографии «Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии»); *Да простят меня поклонники современного направления в искусстве, но нашим полководцам определенно не везет.* (Е. Киселев. Передача «Вчера в "Итогах"». НТВ. 21.06.99).

¹³³ Ср.: «*Да будет вам известно, — продолжал дон Рэба, — что указанный атаман Арата в настоящее время гуляет во главе восставших холопов по восточным областям метрополи, обильно проливая благородную кровь и не испытывая недостатка ни в деньгах, ни в оружии.*» (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом).

¹³⁴ Ср.: *Мы все пойдем молить царицу вновь, Да сжалятся над сирью Моквою И на венец благословит Бориса. Идите же вы с Богом по домам, Молитесь, да взыдет к небесам Усердная молитва православных.* (А. С. Пушкин. Борис Годунов); *О князь, ты, который предать меня мог За сладостный миг укоризны, О князь, я молю, да простит тебе Бог Измену твою пред отчизной.* (А. К. Толстой. Василий Шибанов).

В современном чешском речеупотреблении конструкции с *necht'* характерны для архаизованного повествования, ср. один из весьма многочисленных примеров из исторического романа М. Гануша:

<p><i>Poslal sto tolarů adresátovi, a několika chudým, které mu doporučil: “Necht’ jim Vaše Urozenost přidělí, kolik myslí každému, ale největší část (třeba osmdesát tolarů) necht’ podrží pro sebe, <...>”. (М. Hanuš. Osud národa)</i></p>	<p><i>‘Он послал сто талеров для него и нескольких бедняков, которых он ему рекомендовал: «Пусть Ваше Сиятельство выделит им столько, сколько сочтет нуж- ным, оставив, однако, большую часть (например, восемьдесят талеров) для себя, <...>»’</i></p>
---	---

Принято считать, что конструкции типа русск. *пусть войдет* и чешск. *at’ vstoupí* выражают опосредованное побуждение¹³⁵. И действительно, примеры с подобным употреблением рассматриваемых образований в нашем материале довольно многочисленны¹³⁶. Очень часто, однако, чешские конструкции *at’ + 3 л. инд.* и русские конструкции *пусть + 3 л. инд.* выражают не побуждение, а недирективное волеизъявление говорящего относительно желательности (допустимости) некоего действия (состояния, положения вещей), осуществление / неосуществление

¹³⁵ Ср. мнение русистов по поводу конструкции с *пусть* и мнение богемистов — по поводу конструкции с *at’*: «Данная конструкция [*пусть он вернется завтра*] тоже служит для выражения опосредованной мотивированности глагольного действия волей субъекта речи: дейктический адресат не совпадает здесь с исполнителем этого действия, но выполняет опосредствующую коммуникативную роль, состоящую в том, что он должен “передать” предполагаемому субъекту глагольного действия (некоторому “третьему” лицу) волеизъявление субъекта речи» [Теория... 1990: 93]; «Смысл подобных высказываний [*At’ mi sekretářka ihned přinese poštu*] ‘Пусть секретарь немедленно принесет мне почту’ мы можем перефразировать следующим образом: “*vyříd’ (řekni, pověz...)* sekretářce, *at’ mi přinese poštu*” ‘передай секретарю, пусть принесет мне почту’» [Mluvnice češtiny 1987: 336].

¹³⁶ Весьма показательны в этом плане случаи, в которых посредническая роль собеседника эксплицирована, то есть когда подобному побуждению «третьего лица» предшествует адресованное собеседнику побуждение связаться с этим третьим лицом, передать, сказать, сообщить ему что-либо и т.п., ср. чешск. *Zavolej tam. At’ vezmou matriku a porodnice.* (V. Erben. Poklad byzantského kurse) *‘Позвони туда. Пусть проверят родильные дома и метрические книги’*; русск. *Передай Гаалу, пусть поднимется.* (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

ление / неосуществление которого не зависит совершенно либо зависит весьма незначительно от участников акта коммуникации, ср.:

чешский пример:

První případ, říkám si, tak at' je to něco pořádného! (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů) 'Первый случай, думаю, так пусть это будет что-нибудь порядочное!'

русский пример:

«Это не для меня, — заявил я. — Пусть этим занимаются бухгалтеры и парикмахеры». (А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века).

Семантику *согласия* с неким существующим положением вещей выражают изолированно употребленные *at'* и *пусть*, ср.:

чешский пример:

— *Vás si tady necháme samozřejmě taky.* / — *Já si to myslela. Ale at'.* *Aspoň budu spát.* (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů) '«Вас нам придется тоже задержать». / «Я так и думала. Но пусть. По крайней мере я теперь смогу спать»'

русский пример:

Положим даже, что варвары будут сильнее солдат. Побьют они солдат, порушат ихние проклятые вышки, захватят весь север. Пусть. Нам не жалко. (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

Для выражения *согласия* с неким существующим положением вещей чех, помимо частицы *at'*, может использовать и частицу *budiž* — застывшую архаическую императивную форму глагола *быть* 2-3 лица ед. числа, ср.:

Chtějí mne mocí donutit, abych se při jejich žertu zúčastnil. Budiž! (J. Neruda. Ženich z hladu) 'Они хотят меня заставить принять участие в их шутке. Ладно!'

Данные средства дифференцированы стилистически: при стилистически нейтральном *at'* элемент *budiž* маркируется как книжный.

Яркой отличительной чертой чешского речеупотребления является активное использование конструкций *at' + наст. вр. инд.* в высказываниях, содержащих побуждение **второго** лица. Речь при этом может идти о примерах **двух типов**:

Во-первых, это отмечаемые в грамматиках конструкции *at'* + 2 л. наст. вр. инд., специфицированные в чешском речеупотреблении для выражения категорического побуждения, ср.:

Až se vrátí pan major Wenzl, at' mně za to potichoučku přineseš láhev vína. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka) 'Чтоб мне за это принес, когда вернется господин майор Венцл, бутылку вина.'

“Měj se tu dobře a at' mi nejsi nevěrná, než se vrátím,” říká manžel své ženě před odjezdem na služební cestu. (Dikobraz) '«Всего хорошего и смотри не изменяй мне, пока я буду отсутствовать», — говорит муж своей супруге перед поездкой в командировку.'

Во-вторых, это весьма частотные конструкции *at'* + наст. вр. инд. в составе сочетаний, семантика которых может интерпретироваться как 'сделай(те) X, чтобы я / мы / ты / вы / он, -а, -о / они Y', ср.:

at' + 1 л. ед. ч. ('сделай(те) X, чтобы я Y')

“Drahý,” říká manželka, “půjč mi zápalky, at' mohu zapálit v kamnech oheň”. (Dikobraz) '«Дорогой, — говорит супруга, — дай-ка мне спички, я хочу разжечь [букв. чтобы я могла разжечь] камин».'

at' + 1 л. мн. ч. ('сделай(те) X, чтобы мы Y')

Chyt' radši Prahu, at' víme co je. (J. Procházka. Hon na lišku) 'Поймай лучше Прагу, пусть мы знаем, что происходит.'

at' + 2 л. ед. ч. ('сделай X, чтобы ты Y')

Dej pozor, Marie, at' mi to tu nepřeházíš, jak máš ve zvyku. (Dikobraz) 'Внимательнее, Мария, смотри не перепутай тут у меня все, как ты обычно делаешь.'

at' + 2 л. мн. ч. ('сделай(те) X, чтобы вы Y')

Poručík Dub řekl pouze: "Koukejte, at' už zmizíte, Švejku, at' vás zde už podruhé nevidím!" (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka) *'Поручик Дуб сказал только: «Исчезните, Швейк, чтоб я вас здесь больше не видел!»'*

at' + 3 л. ед. ч. ('сделай(те) X, чтобы он Y')

Chraň se uzlů a zádrhelů, koukej, at' je nit vždycky rovná. (J. Marek. Můj strýc Odysseus) *'Избегай узелков, следи, чтобы нить была всегда ровной.'*

at' + 3 л. мн. ч. ('сделай(те) X, чтобы они Y')

Máme tady nějaký nadělení, vemte to dolů, at' o tom v detektivně vědí. (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů) *'У нас тут есть кое-что, возьмите это вниз, пусть в следственном отделе об этом знают.'*

К рассмотренным выше случаям очевидным образом примыкают примеры, способные интерпретироваться как их эллиптические эквиваленты (модель '[сделай(те) X], чтобы я / мы / ты / вы / он, -а, -о / они Y' с опущенным элементом *сделай(те) X*, легко восстанавливаемым из контекста), ср.:

Právě přišel do lokálu nějaký host, tak at' vás neslyší, nebo byste mohl mít z toho nepříjemnosti. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka) *'Сейчас в трактир зашел какой-то посетитель, как бы он вас не услышал, а то у вас могут быть неприятности.'*

В отличие от чешского, в русском речепотреблении в составе рассматриваемой модели формы иного, нежели третьего лица встречаются крайне редко. Авторы московской академической «Русской грамматики» (1980) отмечают, что «тем же способом [модель *пусть / пускай + през. инд.*] может быть образована форма побудит. накл. и у предложений с глаголом в форме 1 л. ед. и мн. ч. и, реже, с глаголом в форме 2 л. ед. и мн. ч.», приводя, в частности, следующие примеры: *Уж не мешайте, пусть я расскажу.* (Н. В. Гоголь); *Он не мириться вас к себе просит, но пусть вы только придете и пока-*

жетесь на пороге. (Ф. М. Достоевский); *Пусть мы с нею увидимся, и я ей самой, может быть, еще больше дам.* (Н. С. Лесков) [Русская грамматика 1980. Т. II: 111, 247]. Заметим, однако, что все эти и немногочисленные им подобные примеры¹³⁷ ощущаются как отчетливо маргинальные.

Мы склонны полагать, что данные различия между русским и чешским речеупотреблениями связаны с различиями **внутренней формы** соотносительных чешской и русской аналитических конструкций. Русская конструкция *пусть / пускай + наст. вр. инд.* обладает внутренней формой 'позволь X'¹³⁸, тогда как этимологическая внутренняя форма чешской узуального варианта соотносительной чешской конструкции *at' + наст. вр. инд.* может быть охарактеризована как 'и X'. Й. Юнгманн возводит *at'* к союзу *a*, слившемуся с эмфатическим отместоименным *t'* (< *ti* 'тебе') [Jungmann 1989: 28]¹³⁹, тем самым *at'* оказывается генетически близким полифункциональным образованиям *abych, abys, aby, abychom, abyste*, которые одновременно участвуют в образовании форм кондиционала и в формировании сложного предложения: *a + bych, bys, by... → abych, abys, aby... 'чтобы я, ты, он...'*. Поэтому неудивительно, что в современном чешском речеупотреблении конструкции с *at'* и конструкции с *abych, abys...* оказываются функционально близкими и нередко используются в качестве синонимичных в идентичных контекстах, ср.:

¹³⁷ *Он выбыл первый Из круга нашего. Пускай в молчаньи Мы выпьем в честь его.* (А. С. Пушкин. Пир во время чумы). *Пушай* это будет пудра. *Пушай я буду* после каждого бритья морду себе *подсыпать*. *Надо же культурно пожить хоть раз в жизни.* (М. Зощенко. Качество продукции).

В безграмотной речи персонажей М. Зощенко и Ю. Алешковского можно встретить примеры рассматриваемого типа, в которых форма *пусть / пускай* заменена украинизмом *нехай*: *А на кой пес, товарищи, бочонок этот вывозить и тем самым народные соки-денежки тратить и проценты себе слабить? Нехай выкатим этот бочонок во двор. И подождем, что к утру будет.* (М. Зощенко. Бочка).

¹³⁸ Ср. сохранение этой внутренней формы в следующих примерах: *Мужчина со злыми глазами метнулся к ним и принялся толкать, но мальчишки ловко увертывались и хихикали.* / «*Не надо, Сидорыч, пусть их*», — сказала какая-то старушка. (Ф. Горенштейн. Ступени); *У меня такое ощущение, что соус синтетический. В ресторане мы могли бы рассчитывать на натуральный... Метр! Впрочем, пусть его, не будем капризны. Идите, идите!.. О чем это я? Да!* (А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века).

¹³⁹ О характере частицы *ти* в истории славянских языков ср., например, [Зализняк 1989: 15-17].

— *Tak podívej, miláčku, —
přistoupila k Čadkovi, —
napřed hezky pánu
nadporučíkovi nabídni něco na
zahřátí, je tu přece k
nevydržení, pořádně roztop ten
krb a udělej nějaké dřevo, **at' je
čím přikládat.** <...> / — *A teď
mne na chvíli omluvte. Přitáhnu
pár polen, **abychom měli čím
přikládat.** (J. Procházka. Hon
na lišku)**

‘*«Дорогой, — она повернулась к
Чадеку, — сначала предложи
господину надпоручику что-
нибудь, чтобы согреться, здесь
невозможно холодно, хорошенько
растопи камин и принеси дрова,
чтобы было что подкладывать»
<...> / «А сейчас я на минутку
отлучусь. Принесу пару поленьев,
чтобы нам было чем
подкладывать».*’

Интересно, что с точки зрения внутренней формы чешским узуальным и стилистически нейтральным конструкция с *at'* соответствуют неузуальные и стилистически маркированные русские конструкции с *да*, ср.: *Засветит он, как я, свою лампаду — И, пыль веков от хартий отряхнув, Правдивые сказанья перепишет, — Да ведают [= чтобы ведали] потомки православных Земли родной минувшую судьбу <...>.* (А. С. Пушкин. Борис Годунов). И наоборот — русским узуальным и стилистически нейтральным конструкция с *пусть* с точки зрения внутренней формы соответствуют чешские неузуальные и стилистически маркированные конструкции с *necht'*, рассматриваемые в качестве застывшей императивной формы глагола *nechat* ‘оставить, позволить’, присоединившей (подобно союзу *a*) эмфатическое отместоименное *t'* (< *tí* ‘тебе’), ср. многочисленные примеры с *necht'* (с эмфатическим *t'*) и *nech* (без эмфатического *t'*) в [Jungmann 1990. D. II]. Интересно, что в текстах XIX века встречаются формы, присоединившие еще и второе эмфатическое краткое местоимение (*si* ‘себе’), ср.:

***At'si!** Však ono by neškodilo,
kdyby nám bylo z těch časů
ještě více zbylo než dudy.
(J. K. Tyl. Strakonický dudák)*

‘*Ну и пусть! Было бы неплохо,
если бы с тех времен остались не
только волынки.*’

*‘Ale to není k hraní, to je k
potřebě, matko,’ řekl jí pán. /
‘Inu **necht'si** je, ale pro mne se*

‘*«Но это не игрушка, это нужная вещь, матушка», — сказал ей
мужичиный соседчик. / «Тыкой*

<p><i>to nehodí, 'řekla kmotra a mermotocí se podívat nechtěla.</i> (B. Němcová. Babička)</p>	<p><i>незнакомый господин. / «Пускай будет так, все равно это не для меня,» — ответила крестная и не захотела смотреть.</i>'</p>
---	--

4.1.2. Реликты синтетического императива 3 лица ед. числа

И в чешских, и в русских текстах мы можем встретиться с фразеологизованными сочетаниями типа русск. *Дай Бог! Чёрт возьми!* или чешск. *Pomáhej Pán Bůh! Vem to čert!.*, которые, употребляясь прежде всего как средство экспликации наплыва эмоций либо в качестве этикетных формул, тем не менее в определенных контекстах подобные конструкции способны функционировать именно в качестве побудительных, ср., например:

<p><i>Však soudruh jeho bídný / ku nemocnému zrak obrátil vlídný / a pravil: "Bratře, vstaň, Bůh dej ti zdraví!" / V té chvíli rostla zář mu kolem hlavy, / on rostl v ní. Odešel chorý s plesem, <...> (J. Vrchlický. Šimon kouzelník)</i></p>	<p><i>'Однако его бедный спутник приветливо посмотрел на больного и произнес: «Встань, брат, дай тебе Бог здоровье!» В эту минуту сияние возникло над его головой, он рос в этом сиянии. Больной ушел, ликуя, <...>'</i></p>
--	--

Собственно говоря, для того, чтобы подобные высказывания функционировали в качестве побудительных, совсем не обязательно, чтобы их произносил Спаситель (как в приведенном выше примере), вполне достаточно, чтобы говорящий верил в существование сверхъестественных сил и полагал (не так важно, оправданно или неоправданно), что его просьба¹⁴⁰ будет услышана.

И в чешских, и в русских художественных текстах XIX века конструкции рассматриваемого типа достаточно обычны, ср.:

<p><i>чешские примеры</i> <i>Co k pohřbu dá, každý mu zjev!</i> (K. H. Mácha. Máj)</p>	<p><i>'Пусть каждый ему покажет, что он даст на погребение.'</i></p>
---	--

¹⁴⁰ Естественно, что и к Богу, и к «супостатам Божьей воли» человек может обращаться лишь с просьбой и никак не с приказанием.

“**Zůstaň každý na svém místě,**”
zahřímal, “**jediný pokus odporu a věta**
je po vás všech. <...>”
(P. Chocholoušek. Jan Pancéř)

*Vidím, že přišla naše hodina. **Kdo s***
námi, přísahej! (Z. Winter. Pro čest
řemesla)

‘«**Пусть каждый остается**
на своем месте, — крикнул
он, — малейшее сопротивление, и вы покойники.’

‘**Я вижу, что настал наш**
час. Кто с нами, пусть при-
сягает!’

русские примеры:

*Ах! **тот скажи** любви конец, Кто на три года вдаль уедет.*
(А. С. Грибоедов. Горь от ума); *Какого туману **напустил!** **Разбери,***
кто хочет! (Н. В. Гоголь. Ревизор); *Так подними [брошенную пер-*
*чатку], и **меч нас рассуди!*** (А. С. Пушкин. Скупой рыцарь).

Особо следует оговорить чешские формы *bud'(iž)* и *bud'te(ž)*¹⁴¹,
ср.:

To budíž jasno nám všem, ať už
naše jednání vyústí kamkoli.
(M. Hanuš. Osud národa)

*I řekl Bůh: “**Bud' světlo!**” A bylo*
světlo. (Ekumen. Bible. Genesis
I, 3.)

*I řekl Bůh: “**Bud'te světla na***
nebeské klenbě, aby oddělovala
den od noci. Budou na znamení
časů, dnů a let. (Ekumen. Bible.
Genesis I, 14.)

‘**Пусть это будет ясно нам всем,**
к чему бы ни привел наш разго-
вор.’

*И сказал Бог: «**Да будет свет!**»*
И стал свет (Библия. Бытие I, 3)

*И сказал Бог: **да будут светила***
на тверди небесной, для отделе-
ния дня от ночи, и для знамений,
и времен, и дней, и годов; (Биб-
лия. Бытие I, 14).

¹⁴¹ Элемент *-iž / -že*, добавляемый к окончанию глагольной формы, используется в современном чешском речепотреблении в качестве средства стилизации и архаизации, ср. примеры XIX века с императивом 2 лица: *Je potřeba, abyste měli správce nad ženu přísnějšího. **Mějtež ho!*** (A. Jirásek. Staré pověsti české) ‘Вам нужен правитель более строгий, чем женщина. Так получите же его!; *Dobře, paní manželko, vy nemáte více mít příležitost orakovat mně něco podobného, **račtež jen zůstat samodržitelkou bohatství svého, já nechci a nebudu nikdy více překážet!*** (J. Neruda. Stará hra) ‘Хорошо, госпожа супруга, у вас больше не будет возможности повторять мне что-либо подобное, извольте же остаться единичной владелицей своего богатства, я не хочу и не буду вам в этом препятствовать!’

лия. Бытие I, 14).

Данные формы могут также употребляться в составе конструкций *bud'(iž) / bud'te(ž) + краткое страдательное причастие*, традиционно рассматриваемых в богемистике в качестве «страдательного императива».

4.1.3. Чешский страдательный императив

Специфической особенностью чешской императивной системы является наличие в ней аналитических конструкций *bud'(iž) / bud'te(ž) + краткое страдательное причастие*, способных рассматриваться и традиционно рассматриваемых в чешских грамматиках в качестве страдательных императивных форм [Mluvnice češtiny 1987: 336]. Следует, однако, отметить, что практически все представленные в нашем материале примеры относятся к XIX веку, ср.:

*Ale budiž spravedlivě
pověděno, že skrovné
Martinovy úspěchy školní
nespadaly jenom na jeho hlavu.*
(K. H. Mácha. Martin Žemla)

*‘Но справедливости ради следует
сказать [букв. будь сказано], что
причиной скромности успеха
Мартина в школе был не только
он сам.’*

*“Sem s mrtvolou!” hřmí
Krassus. “První všech / ta na
kříž budiž vbíta!”* (J. Vrchlický.
Spartakus)

*‘«Сюда тело [убитого Спарта-
ка]!» — гремит Красс. — «Первым
[букв. оно будь прибито] на
крест!»’*

*Vy plémě Kainů, co mi
odpovíte? — / “Do rukou jeho
bud' náš život dán, / on dobrý
— všechno zlé nesplácel nikdy
zlem!”* (J. V. Frič. Slovan)

*‘«Вы, племя Каиново, что вы ему
ответите?» / «Пусть наша жизнь
будет [букв. будь отдана] отдана
в его руки, он добрый, он никогда
не отвечал на зло злом!»’*

В современном чешском речепотреблении эти конструкции маркированы как книжные, они уместны лишь в официально-деловой сфере использования языка, ср.: *Budiž to uvedeno v protokolu, že...* ‘Пусть в протоколе будет отмечено [букв. будь отмечено], что...’ [Příruční mluvnice češtiny 1996: 602]; *Vstupenka. Budiž nošena viditelně* ‘Входной билет. Предъявлять окружающим [букв. будь *носим]’ (надпись на входном билете в библиотеку Страговского

монастыря, выдаваемой туристам). За пределами официально-деловых текстов данные конструкции, в силу их книжности и малоупотребительности, могут быть использованы в качестве сильного стилистического средства для архаизации речи (первый из приводимых ниже примеров) либо для создания иронического эффекта (второй из приводимых ниже примеров), ср.:

<p><i>Budiž odpuštěno</i> vám všem, kteří jste méně silní, stateční, vytrvalí a pokorní v nesení kříže než ochabující a klesající stařec Komenský. (M. Hanuš. Osud národa)</p>	<p>‘Да простится [букв. <i>будь про-</i> <i>щено</i>] вам всем, тем, кто не так силен, мужественен, постоянен и терпелив в несении своего крест- та, как слабеющий старик Ко- менский.’</p>
---	---

<p>“Každý z nás,” filosofoval Exner, “má čas od času chuť si zahrát na dobrého dědečka z pohádky. <...> <i>Vaše přání budiž splněno</i>”. (V. Erben. Bláznova smrt)</p>	<p>‘«Каждому из нас, — философ- ствовал Экснер, — хочется ино- гда поиграть в доброго волшеб- ника. <...> Ваше желание да будет исполнено.»’</p>
--	--

В русском языке о подобных конструкциях говорить не приходится: с причастными предикативами форма *будь* сочетается лишь во фразеологизованных сочетаниях типа *не в обиду будь сказано*; *не к ночи будь помянуто*; *к чести кого-н. будь сказано* [Русская грамматика 1980. Т. II: 112]. «Кандидатами» на русский страдательный императив могут быть также упоминаемые выше узуально ограниченные конструкции типа *да будет низложен*.

Эта межъязыковая асимметрия легко объясняется различиями функциональных потенциалов страдательных причастий сопоставляемых языков: в то время как образование и функционирование русских *-n- /-t- причастий (как полных, так и кратких) связано с целым рядом ограничений, а имперфективные причастия рассматриваемого типа вообще маргинальны, структурно с ними соотносимые причастия чешские весьма употребительны, см. [Изотов 1993].

4.2. ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ПОБУЖДЕНИЕ «ТРЕТЬЕГО ЛИЦА»

В то время как для инклюзивного побуждения обращение к выражающим иллокутивно специализированное побуждение эксплицитным перформативным конструкциям, как было показано выше, не характерно, в рамках побуждения «третьего лица» речь идет о вполне употребительном средстве, ср.:

Doporučuju jim, aby se po nich rozhlídli. <doc S|NOV|1969|mundsto> <s 001-p252s4> 'Я советую [букв. рекомендую] им проследить за ними'.

"Dámy a pánové," zvolal mistr, "nastane nám doba plesů a já jsem povinen dát vám několik cenných rad ... prosím, ať ten pán přestane tančit, když mluvím, ano?" <doc S|NOV|1993|pi187> <s 001-p2720s1> '«Дамы и господа! – провозгласил танцмейстер, – приближается время балов, и в мои обязанности входит дать вам несколько ценных советов... я прошу вон того господина не танцевать, пока я говорю, хорошо?»'

Žádám jej, aby rukopis opatřil alespoň názvem a adresou. <doc S|COL|1994|divis1> <s 008-p30s2> 'Я прошу его снабдить рукопись хотя бы названием и адресом'.

To nepřijímám a opět zemědělcům navrhuji, aby fondu neprodávali. <doc S|PUB|1996|mf960813> <s 056-p2s12> <s> 'Я не принимаю это и вновь предлагаю фермерам не продавать фонд'.

Současně vyzývám redakci Respektu, aby k tomuto případu zaujala stanovisko a omluvila se všem, kteří byli veřejně zneváženi. <doc S|PUB|1993|resp9328> <s 001- 'Одновременно я призываю редакцию «Респекта» определить свою позицию по отношению к данному случаю и извиниться перед всеми, заслуги которых были публично умалены'.

p314s3>

*Také Matthäusovi **radím**, aby v mužstvu zůstal.* <doc S|PUB|1994|mf940714> <s 023-p8s3> ‘А Маттхойсу я советую остаться в команде’.

***Nabízím** povstalcům sebe, aby výměnou za mne osvobodili unesené zahraniční pozorovatele.* <s 215-p2s23> <doc S|PUB|1997|mf971025> ‘Я предлагаю повстанцам себя, чтобы они взамен освободили похищенных иностранных наблюдателей’.

***Nařizují** s okamžitou platností, aby zaměstnanci tyto hovory zaznamenávali a vyúčtovali.* <doc S|PUB|1999|mf990220> <s 002-p6s4> ‘Приказываю всем сотрудникам начиная с сегодняшнего дня подобные разговоры фиксировать и оплачивать’.

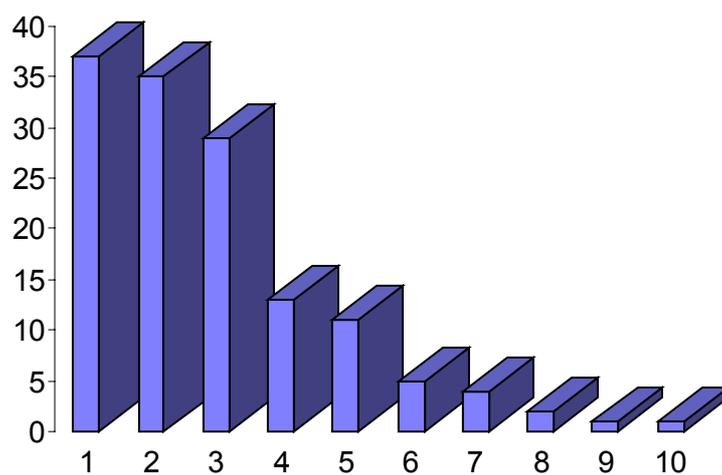
*Takové lidi **vybízím**, aby zůstali abstinenty.* <doc S|POP|1998|vino> <s 001-p107s3> ‘Подобных людей я призываю оставаться абстинентами’.

***Zakazují** každému střílet na policejní stanici.* <doc S|NOV|1993|jeruz> <s 049-p18s3> ‘Я запрещаю кому бы то ни было [букв. каждому] обстреливать отделения полиции’.

Следующая диаграмма иллюстрирует употребительность данных перформативных глаголов в составе рассматриваемых конструкций в текстах SYN2000:

Глаголы:

1) *doporučovat*; 2) *prosit*; 3) *žádat*; 4) *vyzývat*; 5) *navrhovat*; 6) *radit*; 7) *nabízet*; 8) *nařizovat*; 9) *vybízet*; 10) *zakazovat*

Таким образом, при выражении побуждения «третьего лица» в составе рассматриваемых конструкций наиболее употребительными в целом являются те же перформативные глаголы *prosit*, *žádat*, *navrhovat*, *doporučovat*, что и в случае с побуждением второго лица, правда, глагол *doporučovat* переместился с четвертого места на первое, а глагол *navrhovat* был несколько потеснен глаголом *vyžývat*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Побудительным является высказывание, в котором Говорящий сообщает Слушающему о *необходимости* и / или *возможности* осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и / или *возможность* осуществления Агенсом данного действия может обуславливаться *волеизъявлением* одного из участников плана коммуникации и / или его *интересами*.

2. Реализуясь прежде всего в рамках так называемой «целеустановочной модальности», функционально-семантическая категория императивности вступает в сложное взаимодействие с другими конституентами модального комплекса, в частности, с единицами плана «волеустановочной модальности» (характеристика обозначаемой ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости, желательности), плана эмоциональной и качественной оценки содержания высказывания, плана утверждения / отрицания, при этом развитие вторичных функций грамматической категории наклонения должно рассматриваться на уровне функционально-семантических категорий.

3. В обоих сопоставляемых языках функционально-семантическая категория императивности представляет собой конгломерат подкатегорий, вычленимых на основе актантной рамки предиката, при этом наиболее значимыми являются три подкатегории, выделяемые на основе следующих категориальных ситуаций: *категориальная ситуация 1* — Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Слушающему / Слушающим; *категориальная ситуация 2* — Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Слушающему / Слушающим + Говорящему; *категориальная ситуация 3*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Лицу / Лицам, не участвующему в коммуникативном акте.

4. В обоих сопоставляемых языках каждая из трех названных подкатегорий имеет ядро, образуемое конвенциализованными в языке конструкциями, формирующими иллокутивно универсальные и иллокутивно специализированные побудительные высказывания в

условиях минимального дискурсного окружения, и периферию, образуемую конструкциями, формирующими побудительные высказывания через тематизацию того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания (через тематизацию каузируемого действия или его последствий, тематизацию возможности этого действия, его необходимости или полезности, тематизацию волеизъявления Говорящего, Слушающего или иного Лица / Лиц), при этом центр подкатегории, выделяемой на основе *категориальной ситуации 1*, совпадает с центром всей функционально-семантической категории императивности.

5. В обоих сопоставляемых языках помимо морфологического императива существует значительное число различающихся узуальностью конструкций, способных рассматриваться в качестве форм аналитического императива, при этом в обоих языках многие грамматические архаизмы и псевдоархаизмы продолжают функционировать в качестве яркого стилистического средства.

6. Носители чешского и русского языков неодинаково структурируют иллокутивное пространство функционально-семантической категории императивности, причем наиболее заметными являются следующие различия: в русской языковой картине мира более дробно структурированным оказывается «авторитарный» сектор, в чешской – сектор, образуемый подтипами побуждения, не содержащими семы необходимости; в русской языковой картине мира «требование» ближе к «приказу».

7. Для чешского речеупотребления в заметно большей степени, чем для русского, характерна иллокутивная неопределенность (многозначность) побудительного высказывания, о чем, в частности, свидетельствует анализ эксплицитных перформативных высказываний и конструкций с интерпретирующим предикатом в сопоставляемых языках.

ИСТОЧНИКИ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

- Электронный корпус чешского языка, подготовленный сотрудниками Института чешского национального корпуса при фило-софском факультете Карлова университета в Праге: <http://ucnk.ff.cuni.cz/>.
- Электронный вариант словаря *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost* / Red. *J. Filipец, Fr. Daneš, J. Machač (1. vyd.), V. Mejstřík (2. vyd.) et al.* Leda_mi verze 2.0. LEDA, 1997.
- Электронный вариант «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. [CD, год и производитель не указаны].
- Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost* / Red. *J. Filipец, Fr. Daneš et al.* – Praha, 1978. – 800 s.; 2. vyd. – Praha: Academia, 2000. – 648 s.
- Slovník spisovného jazyka českého* / Red. *B. Havránek, J. Bělič, M. Heckl, A. Jedlička, V. Křístek, F. Trávníček et al.* – Praha, 1989. Dd. I. – 555 s.; II. – 594 s.; III. – 637 s.; IV. – 717 s.; V. – 654 s.; VI. – 425 s.; VII. – 442 s.; VIII. – 608 s. [2. vyd.].
- Чешско-русский словарь // Под ред. *Л. В. Конецкого и Й. Филиппа.* – Москва—Прага: Русский язык; SPN, 1976. Т. I – 580 с.; Т. II. – 864 с.
- **Adlová V. Růže z Flander.* – Praha: ČS, 1976. – 168 s.
- Bartůněk P. Smích z poslucháren.* – Praha: Magnet-Press, 1991. – 110 s.
- Bass E. Klapzubova jedenáctka.* – Praha: Státní nakladatelství dětské knihy, 1963. – 116 s.
- Bible. Podle posledního vydání králického. – [Místo není uvedeno]: Biblické dílo, [Datum není uveden]. – 831 s. + 272 s.
- Bible. Ekumenický překlad. – Praha: Ekumenická rada církví v ČSR, 1984. – 987 s.
- Bourali jsme vesele c. k. mocnářství zpuchřele: anekdoty, humoresky a satiry z konce rakousko-uherské říše [*J. Mahen, I. Olbracht, F. Dobrovolný, E. Bass, J. John, J. Haussmann, J. Hašek,* časopisy *Anekdoty a humoresky, časopisy Karikatury, Kopřivy,*

* Астериксом отмечены произведения, подвергнутые сплошной выборке.

- Hanácké kopřivy, Nájemník, Rašple et al.]. – Praha: Melantrich, 1978. – 191 s.
- Cibula V.* Pražské pověsti. – Praha: Orbis, 1972. – 519 s.
- Čapek K.* Loupežník. R.U.R. Bílá nemoc. – Praha: ČS, 1983. – 338 s.
- Čapek K.* Kniha apoktifů. – Praha: ČS, 1983. – 229 s.
- Čapek K.* Povídky z jedné kapsy. – Praha: Spirála, 1967. – 184 s.
- Čapek K.* Povídky z druhé kapsy. – Praha: Spirála, 1967. – 160 s.
- Čapek K.* Továrna na absolutno. Krakatit. – Praha: ČS, 1982. – 476 s.
- Čech S.* Výlety pana Broučka. – Praha: Melantrich, 1952. – 312 s.
- České pohádky Karla Jaromíra Erbena / *Havlová F.* – Praha: Státní nakladatelství dětské knihy, 1958. – 184 s.
- Daněk O.* Umění odejít. – Praha: Orbis, 1956. – 88 s.
- Dikobraz [časopis]. – Praha, Ročníky 1986, 1987
- Drda J.* České pohádky. – Praha: ČS, 1965. – 272 s.
- Drda J.* Němá barikáda a jiné povídky. – Praha: ČS, 1959. – 243 s.
- Dvořák A.* Mistr Jeroným. – Praha: MF, 1961. – 276 s.
- **Erben V.* Poklad byzantského kupce. Bláznova smrt. – Praha: ČS, 1986. – 352 s.
- **Frais J.* Klec plná siláků. – Praha: ČS, 1978. – 188 s.
- **Franková H.* Ubohý Džony. – Praha, ČS, 1988. – 304 s.
- Hanuš M.* Osud národa. – Praha: ČS, 1957. – 671 s.
- Hašek J.* Osudy dobrého vojáka Švejka. – Praha: KLHU, 1955. Dd. I-II. – 435 s.; Dd. III-IV. – 309 s.
- Havlíček Borovský K.* Vojna s hloupostí a zlobou. – Praha: MF, 1981. – 304 s.
- Heinlein R. A.* Všechny tvé stíny / Přeložil J. Hlavička // Od Heinleina po Aldisse. Cesta k science fiction. – Praha: AFSF, 1994. – S. 33-47.
- Hrabal B., Nývlt V.* Ostře sledované vlaky. – Praha: Dilia, 1980. – 66 s.
- Hrubá M., Raboch F. et al.* Kuchařka naší vesnice. – Praha: Státní zemědělské nakladatelství, 1988. – 608 s.
- Jirásek A.* Staré pověsti české. – Moskva: Nakladatelství cizojazyčné literatury, 1954. – 108 s.
- **Kadlec J.* Balada o smutném boxerovi. – Praha: ČS, 1981. – 208 s.
- **Kapek M.* A je to gól! – Praha: Práce, 1983. – 368 s.
- **Klevis V.* Abiturienti. – Praha: ČS, 1975. – 180 s.
- Kopš J.* Pražské pitavalý: Soudní příběhy ze staré Prahy. – Praha: ROAD Praha, 1992. – 224 s.

- **Körner V.* Anděl milosrdenství. – Praha, ČS, 1988. – 200 s.
- **Kratochvíl M. V.* Evropa tančila valčík. Evropa v zákopech. – Praha: ČS, 1982. – 528 s.
- Loutková J.* Bůh či ďábel. – Praha: Melantrich, 1983. – 293 s.
- Mácha K. H.* Básně a dramatické zlomky. – Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959. – 478 s.
- **Marek J.* Můj strýc Odysseus. – Praha: MF, 1979. – 276 s.
- Marek J.* Panoptikum starých kriminálních příběhů. – Praha: MF, 1968. – 252 s.
- **Navrátil J.* Košťýř. – Praha: ČS, 1978. – 144 s.
- Němcová B.* Babička. – Praha: Odeon, 1981. – 255 s.
- Neruda J.* Divadelní hry. – Praha: Státní nakladatelství krásné literatury a umění, 1961. – 263 s.
- Peřina E.* Na třech řekách. – Praha: MF, 1956. – 316 s.
- **Petiška E.* Svět plný lásky. – Praha: ČS, 1979. – 236 s.
- Procházka J.* Hrdelní pře majora Zemana: Sedm z třiceti případů majora Zemana. – Praha: Naše vojsko, 1984. – 400 s.
- **Psůtková Z.* Růže z Bertramky. – Praha: ČS, 1988. – 168 s.
- Rosenbaum Z., Szalai L.* Dvajásobný dvojník. – Ostrava: Profil, 1983. – 206 s.
- Řiha B.* Předemnou poklekni. – Praha: ČS, 1983. – 261 s.
- **Souhlop J.* Laskavý nezájem. – Brno: Blok, 1986. – 208 s.
- **Suchl J.* Hledání červené rukavičky. – Praha: ČS, 1977. – 120 s.
- **Štěpán L.* Vysoko letí ptáci. – Praha: ČS, 1980. – 180 s.
- Švandrlík M.* Černí baróni aneb válčili jsme za Čepičky // Dikobraz, 1990.
- Švandrlík M.* Rakev do domu. – Praha: SNTL, 1991. – 203 s.
- **Švandrlík M.* Vražda mlsného humoristy. – Praha: Práce, 1990. – 144 s.
- Týden* [časopis]. 4.12.2000.
- Tyl J. K.* Strakonický dudák. – Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1956. – 148 s.
- Vančura V.* Pekař Jan Marhoul. Pole orná a válečná. – Praha: ČS, 1984. – 264 s.
- **Volný Z.* Den neposkvrněného srdce. – Praha: ČS, 1980. – 236 s.
- Vrchlický J.* Epické básně. – Praha: MF, 1956. – 200 s.
- Výbor z literatury české XIX. a XX. století [J. Kollar, F. L. Čelakovský, K. H. Mácha, J. K. Tyl, J. V. Frič, K. Havlíček Borovský, K. J. Erben, B. Němcová, J. Neruda, V. Hálek, J. V. Sládek,

- J. Vrchlický, A. Jirásek, S. Čech et al.]. – Moskva: Nakladatelství cizojazyčné literatury, 1958. – 768 s.
- Weiss J.* Přišel z hor. – Praha: ČS, 1982. – 304 s.
- Wenig F.* Kašpárek a Spejbl v říši pimprlat. – Prešov, Západočeské nakladatelství, 1969. – 115 s.
- Winter Z.* Mistr Campanus. – Praha: Vyšehrad, 1952. – 488 s.
- Zlatá kniha historických příběhů [V. K. Klicpera, Jan z Hvězdy, J. K. Tyl, P. Chocholoušek, A. V. Šmilovský, A. Jirásek, Z. Winter, V. B. Třebízský]. – Praha: Albatros, 1975. – 344 s.
- Žeň českého humoru [F. E. Rubeš, J. Neruda, S. Čech, L. Stroupežnický, I. Olbracht, J. John, R. Těsnohlídek, J. Drda et al.]. – Praha: Práce, 1952. – 268 s.
- 100 ilustrovaných přísloví. Praha: Česká expedice, 1993. – 131 s.
- **Аксенов В. П.* Остров Крым. – М.: Изограф, 1997. – 416 с.
- **Алешковский Ю.* Кенгуру. – Воронеж: АМКО, 1992. – 192 с.
- Афиногенов Д. А.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии. – М.: Имрик, 1997. – 240 с.
- Беляев А.* Избранные произведения. – М.: Молодая гвардия, 1993. – 382 с.
- Бестужев-Марлинский А. А.* Повести и рассказы. – М.: Советская Россия, 1976. – 443 с.
- Библия. Перепечатано с синодального издания. – М.: Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов, 1968. – 925 с. + 296 с.
- Булгаков М. А.* Багровый остров: Ранняя сатирическая проза. – М.: Художественная литература, 1990. – 477 с.
- Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита. – М.: Художественная литература, 1994. – 448 с.
- Булгарин Ф. В.* Сочинения. – М.: Современник, 1990. – 704 с.
- **Булычев К.* Агент КФ. Подземелье ведьм. Город Наверху. – М.: Армада, 1998. – 474 с.
- Булычев К., Володин А., Данелия Г.* А слезы капали... // Русская фантастика. <http://www.sf.amc.ru/books/>
- Войнович В. Н.* Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. – М.: Вагриус, 1996. – 544 с.
- **Войнович В. Н.* Москва 2042. – М.: СП Вся Москва, 1990. – 350 с.

- Волков А. М.* Собрание сочинений в 6 томах. – СПб.: Просвещение, 1993. Т. 1. – 171 с.
- Гашек Я.* Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. Части 1, 2 и 3 / Перевод П. Богатырева. – М.: ММП, 1994. – 544 с.
- Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. – М.: Изд-во Академии наук, 1951. – 920 с.
- Гоголь Н. В.* Повести; Ревизор. – М.: Художественная литература, 1984. – 333 с.
- Горелов А. А. Н. С.* Лесков и народная культура. – Л.: Наука, 1988. – 296 с.
- Горький М.* Собрание сочинений в 16 томах. Т. 7. – М.: Правда, 1979. – 398 с.
- Грибоедов А. С.* Избранное. – М.: Правда, 1986. – 432 с.
- Джордан Р.* Огни небес / Перевод Т. Велимеева, А. Сизикова. – М.: АСТ, 1997. Т. 1. – 480 с.; Т. 2. – 480 с.
- **Довлатов С. Д.* Зона. – СПб.: Новый Геликон, 1996. – 224 с.
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в 7 томах. Т. 4. – М.: Лексика, 1996. – 650 с.
- Ефремов И. А.* Собрание сочинений в 5 томах. Т. 4. – М.: Молодая гвардия, 1988. – 667 с.
- Журавлева А. И., Макеев М. С.* Александр Николаевич Островский. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1997. – 112 с.
- Зоценко М. М.* Избранное. – М.: Советская Россия, 1988. – 432 с.
- Кабаков А. А.* Сочинитель. М.: Текст, 1991. 125 с.
- **Кабаков А. А.* Ударом на удар, или подход Кристаповича. – М.: Авлад-Файн, 1993. – 208 с.
- Коровин В. И.* Басни Ивана Крылова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1997. – 96 с.
- Крылов И. А.* Басни. – М.: Гослитиздат, 1944. – 223 с.
- Кюстин Астольф де.* Николаевская Россия. – М.: Терра, 1990. – 288 с.
- Лермонтов М. Ю.* Сочинения в двух томах. – М.: Правда, 1988. Т. 1. – 720 с.; Т. 2. – 704 с.
- Лесков Н. С.* Избранные сочинения. – М.: Гослитиздат, 1945. – 463 с.
- МетрОполь: Литературный альманах [В. Аксенов, Ф. Горенштейн, Вик. Ерофеев, Ф. Искандер, Е. Попов и др.]. – М.: Текст, 1991. – 608 с.

- Мольер Ж.-Б.* Пьесы. – М.: АСТ, 1997. – 768 с.
- Некрасов Н. А.* Стихотворения; Поэмы. – М.: Правда, 1984. – 560 с.
- Орлов В. В.* Альтист Данилов. – М.: Терра, 1994. – 554 с.
- Островский А. Н.* Пьесы. – М.: Художественная литература, 1982. – 382 с.
- **Пелевин В. О.* Жизнь насекомых. [Омон Ра]. – М.: Вагриус, 1997. – 352 с.
- Помяловский Н. Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. – М.: Художественная литература, 1987. – 415 с.
- Пригов Д. А.* Написанное с 1975 по 1989. – М.: Новое литературное обозрение, 1997. – 280 с.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в шести томах. – М.: Художественная литература, 1949. Т. 3. – 515 с.; 1950. Т. 4. – 494 с.
- **Пьецух В. А.* Государственное дитя. Повести. Рассказы. – М.: Вагриус, 1997. – 448 с.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Господа Головлевы. Сказки. – М.: Художественная литература, 1980. – 335 с.
- Сапковский А.* Крещение огнем / Перевод Е. П. Вайсброта. – М.: АСТ, 1997. – 480 с.
- **Солженицын А. И.* Один день из жизни Ивана Денисовича. – М.: ИЦ Новый мир, 1990. – 96 с.
- Стругацкие А. и Б.* *Понедельник начинается в субботу. *Сказка о тройке. Трудно быть богом: Повести. – М.: Текст, 1996. – 447 с.
- Стругацкие А. и Б.* Обитаемый остров: Роман. Пикник на обочине. За миллиард лет до конца света. Повести. – М.: Текст, 1996. – 577 с.
- Стругацкие А. и Б.* Жук в муравейнике. Волны гасят ветер: Повести. Отягощенные злом, или сорок лет спустя: Роман. – М.: Текст, 1996. – 495 с.
- Стругацкие А. и Б.* Попытка к бегству. Хищные вещи века. – М., 1995. – 415 с.
- Толстой А. К.* Драматическая трилогия. Стихотворения. – М.: Художественная литература, 1982. – 463 с.
- Толстой Л. Н.* Собрание сочинений в четырнадцати томах. – М.: Художественная литература, 1951. Т. 1. – 411 с.; Т. 4. – 363 с.; Т. 5. – 379 с.; Т. 6. – 407 с.; Т. 7. – 379 с.

- Трифонов Ю. В.* Избранное. – Минск: Высшая школа, 1983. – 541 с.
- Тургенев И. С.* Романы. – М.: Московский рабочий, 1955. – 655 с.
- **Филатов Л. А.* Любовь к трем апельсинам. Сказки, повести, пародии. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. – 416 с.
- Чапек К.* Сочинения в пяти томах. – М.: Художественная литература, 1958. Т. 1. – 583 с.; Т. 2. – 718 с.; Т. 3. – 461 с.; Т. 4. – 616 с.; Т. 5. – 488 с.
- Чехов А. П.* Собрание сочинений в двенадцати томах. – М.: Художественная литература, 1954-1957. Т. 1. – 512 с.; Т. 2. – 503 с.; Т. 3. – 615 с.; Т. 4. – 639 с.; Т. 5. – 504 с.; Т. 6. – 503 с.; Т. 8. – 558 с.
- Шендерович В. А.* Куклы. – М.: Вагриус, 1996. – 303 с.
- Шендерович В. А.* Куклы-2. – М.: Вагриус, 1998. – 305 с.
- Шолохов М. А.* Тихий Дон. – Л.: Гослитиздат, 1948. Книги первая и вторая. – 692 с.; Книги третья и четвертая. – 804 с.
- Шукишин В. М.* Брат мой. Рассказы, повести. – М.: Современник, 1975. – 447 с.
- Шукишин В. М.* Беседы при ясной луне. Рассказы. – М.: Советская Россия, 1974. – 319 с.

Видеофильмы и записи спектаклей на чешском языке:

- **Adéla ještě nevečeřela.* Režie O. Lipský, 1977.
- **Akt (Divadlo Járy Cimrmana).* Režie Z. Svěrák, 1997.
- **Báječná léta pod psa.* Režie P. Nikolaev, 1997.
- **Blaník (Divadlo Járy Cimrmana).* Režie L. Smoljak, Z. Svěrák, 1997.
- Byl jednou jeden král.* Podle B. Němcové, 1954.
- Cesta do hlubin študákovy duše.* 1939.
- **Císařův pekař a pekařův císař.* Režie M. Frič, 1951.
- Dědictví aneb kurvašogutntag.* Režie V. Chytilová, 1992.
- Dívka na koštěti.* Režie V. Vorlíček, 1971.
- **Dobrý voják Švejk (část 1).* Režie K. Steklý, 1956.
- Fešák Hubert.* Režie I. Novák, 1985.
- Jako jed.* Režie V. Olmer, 1985.
- Hej rup.* J. Werich a J. Voskovec, 1934.
- Kam čert nemůže.* Režie M. Frič, 1959.
- Knoflíkáři.* Scénář a režie P. Zelenka, 1997.
- Kolja.* Režie J. Svěrák, 1996.
- Lotrando a Zubejda.* Režie K. Smyczek; scénář Z. Svěrák, 1997.

Mach a Šebestová (11 multiplikačních filmů).
Němý Bobeš aneb český Tarzan (Divadlo Jára Cimrmana). Režie
L. Smoljak, 1997
Noc na Karlštejně. Režie Z. Podskalský, 1974.
*Obecná škola. Scénář Z. Svěrák, 1991.
O chytrém Honzovi. Režie L. Ráža.
Pane, vy jste vdova. Režie V. Vorlíček, 1970.
Pelíšky. Režie J. Hřebejk; scénář P. Jarchovský, 1999.
Rozpuštěný a vypuštěný. Režie L. Smoljak, 1984.
Skřivánci na niti. Režie J. Menzel, 1969.
S tebou mě baví svět. Režie M. Poledňáková, 1983.
To neznáte Hadimršku. Režie K. Lamač, 1931.
Tři vejce do skla. Režie M. Frič, 1937.
*Tři veteráni. Podle J. Wericha. Scénář Z. Svěrák, 1983.
U nás v Kocourkově. Režie M. Cikán, 1934.
Ukradená vzducholod'. Režie a scénář K. Zeman.
Vražda v salonním kupé (Divadlo Jára Cimrmana). Režie L. Smoljak,
Z. Svěrák, 1997.
*Vrchní, prchni! Scénář Z. Svěrák 1980.
Všichni moji blízcí. Scénář J. Hubač, 1999.
Vyšetřování ztráty třídní knihy (Divadlo Jára Cimrmana). Režie L.
Smoljak, 1997.
Záskok (Divadlo Jára Cimrmana). Režie L. Smoljak, 1997.

References

- Абрамов Б. А.* Функционально-семантическое поле побудительности в немецком языке // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 4-5.
- Адамец П.* К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности // *Česko-slovenská rusistika*. 1968, № 2.
- Акимова Т. Г.* Бенефактивность и способы ее выражения в английских императивных высказываниях // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 7-9.
- Алисова Т. Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка (Семантическая и грамматическая структура простого предложения). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 293 с.
- Алисова Т. Б., Бунтман Н. В.* Прагматическая природа побудительных высказываний (приказ и просьба) // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 9-10.
- Аллен Дж. Ф., Перро Р.* Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. Вып. 17. – С. 322-363.
- Алпатов В. М.* Предварительные итоги лингвистики XX века // Вестник Моск. ун-та, Серия 9. Филология. 1995. № 5. – С. 84-92.
- Андреева И. С.* Повелительное наклонение и контекст при выражении побуждения в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1971. – 18 с.
- Анисимова Л. В.* Об употреблении взводно-модальных слов в побудительных предложениях // Проблемы реализации системы синтаксиса. – Пермь, 1981. – С. 177-184.
- Апресян Ю. Д.* Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // Известия АН СССР, Серия литературы и языка. Т. XXVIII, 1969. № 1. – С. 11-23.

- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. I. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. 2-е изд. – 472 с.; Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
- Артемов В. А.* Коммуникативная, синтаксическая, логическая и модальная функция речевой интонации // Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи. – М., 1966. – С. 3-22.
- Арутюнов А. Р., Паролкова О., Лизунов В. С.* Чешско-русские речевые параллели в темах и ситуациях. – М.: Русский язык, 1988. – 336 с.
- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
- Арутюнова Н. Д., Булыгина Т. В. и др.* Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, действие. – М., 1992. – С. 111-127.
- Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 3-42.
- Бабкина Л. Г.* Вопросительные и побудительные предложения в системе гипотаксиса (немецкий язык) : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 22 с.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Иностр. лит., 1955. – 416 с.
- Баранов А. Н.* Императив и вежливость // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 16-17.
- Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. – С. 45-69.
- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. – С. 84-99.
- Барнет Вл.* К проблеме языковой эквивалентности при сравнении // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. – С. 9-29.

- Бахтин М. М.* Проблемы речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 237-280.
- Безяева-Гуськова М. Г.* О типологии языковых значений (на материале сопоставительного анализа русского и португальского языков) // Вопросы изучения русского языка в сопоставлении с другими языками. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – С. 34-51.
- Безяева М. Г.* Аспекты изучения волеизъявления в работах В. В. Виноградова и вариативный ряд русской просьбы // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова: Тезисы докладов. – М.: Филологический факультет Моск. ун-та, 1995. – С. 183.
- Безяева М. Г.* Вариативный ряд конструкций русской просьбы // Научные доклады филологического факультета МГУ. Выпуск 2. – М.: Диалог МГУ, 1998. – С. 51-70.
- Безяева М. Г.* Принципы анализа семантической организации коммуникативного уровня звучащего языка (на примере описания системы вариативных рядов конструкций целеустановок волеизъявления и выражения желания говорящего в русском диалоге): Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. – М., 2002. – 52 с.
- Безяева М. Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 752 с.
- Беликов В. И.* Авторитарный императив в русском языке // Русский язык: Исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Под общей редакцией М. Л. Ремнёвой и А. А. Поликарпова. – М.: Изд-во Московского университета, 2001. – С. 162.
- Беличова-Кржижкова Е.* О модальности предложения в русском языке // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М., 1984.
- Бельский А. В.* Побудительная речь // Ученые записки I МГПИИЯ им. Мориса Тореза. – М., 1953. Т. 6. – С. 81-147.

- Беляева Е. И.* Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 180 с.
- Беляева Е. И.* Функционально-семантическое поле императивной модальности в английском языке // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 19-21. (а)
- Беляева Е. И.* Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1988. – 33 с. (б)
- Беляева Е. И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1992. – 167 с.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 444 с.
- Бергельсон М. Б.* Проблемы императива в контексте теории речевых актов // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 21-23.
- Бердник Л. Ф.* Вопросительно-побудительные предложения в современном русском языке // Русский язык в школе, 1989. № 2. – С. 88-91.
- Бикель М. М.* Условия проявления коннотативных значений императива // Ученые записки Горьковского ИИЯ им. Н. А. Добролюбова. Горький, 1966. Вып. 27. – С. 23-42.
- Бикель М. М.* Экспрессивно-стилистические варианты побудительности // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: тезисы докладов к международной научной конференции. – Горький, 1966. С. 262-265.
- Бирюлин Л. А.* Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. СПб., 1992. – 41 с.
- Бирюлин Л. А.* Семантика и прагматика русского императива. – Helsinki, 1994. – 229 с.
- Болобова О. П.* Лингвистический аспект обеспечения надежности восприятия команд в автомобильном спорте // Актуальные проблемы языкознания и литературоведения. – М., 1994. – С. 49-54.

- Богданова Р. М.* Побудительная речь, проблемы типологии и интерпретации (на материале современного французского языка). – М., 1990.
- Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. – М.: Просвещение, 1971. – 239 с.
- Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984 [а]. – 133 с.
- Бондарко А. В.* О грамматике функционально-семантических полей // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984 [б]. Т. 43, № 6. – С. 492-503.
- Бондарко А. В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербургск. ун-та, 1996. – 220 с.
- Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. – Л.: Просвещение, 1967. – 191 с.
- Борисова Е. Г.* Семантический анализ усилительных частиц русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982. – 23 с.
- Братко А. А., Кочергин А. Н.* Информация и психика. – Новосибирск: Наука, 1977. – 198 с.
- Борщ Э. Г.* Средства выражения побуждения в агитационно-публицистических текстах // Методика преподавания русского языка и литературы. – Киев, 1989. Вып. 19. – С. 87-99.
- Брехт Р. Д.* О взаимосвязи между наклоном и временем: синтаксис частицы *бы* в русском // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 15. – С. 101-117.
- Брызгунова Е. А.* Императивные высказывания в устной речи // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 29-31.
- Брым Й.* К психологической и метаязыковой характеристике значений русских высказываний с императивом // Sborník prací filozofické fakulty Brněnské univerzity. Ročník 23 / 24, Řada jazyk. Brno 1974 / 75. Č. 22 / 23. – S. 103-116.
- Брым Йиржи.* К вопросу о собственно-императивном значении форм повелительного наклонения в условных придаточных предложениях // Československá rusistika. Praha, 1976. № 2. – S. 68-74.

- Бузаров В. В.* Безглагольные побудительные предложения в современном разговорном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1969 – 21 с.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Конвенциональные и неконвенциональные элементы в выражении побуждения // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 31-32.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
- Буралова Р. А.* Оптативные и побудительные высказывания с независимым инфинитивом в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1988. – 18 с.
- Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики. Ч. 2. – М.: Университет. тип., 1858. – 428 с.
- Валимова Г. В.* О сочетаемости повествовательных, вопросительных и побудительных предложений // Доклады VIII научно-теоретической конференции. Секция ФН. Т. 1. – Ростов-на-Дону. 1965.
- Ванников Ю. В.* Безглагольные повелительные конструкции в русском языке. – М.: УДН, 1962. – 28 с.
- Варшавская А. И.* О косвенном повелении // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 35-36.
- Василевская Л. И., Голубева-Монаткина Н. И.* Об использовании вокатива и вопроса в русских и французских предложениях со значением побуждения // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 36-37.
- Веденина Л. Г.* Истоки и принципы функциональной лингвистики // Функциональное направление в современном французском языкознании: Реферативный сборник. – М., 1980. – С. 7-41.
- Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 251-275.

- Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 238-250.
- Вербицкая Л. А.* Методика побудительных предложений в русском языке // Ученые записки ЛГУ. Л., 1964. Т. 325. Вып. 69. – С. 102-109.
- Вечерка Р. и др.* Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1994. – 842 с.
- Виноградов В. В.* Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Учпедгиз, 1938. – 590 с.
- Виноградов В. В.* Современный русский язык (Грамматическое учение о слове). – М. -Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
- Виноградов В. В.* О модальности и модальных словах в русском языке // Труды Ин-та русского языка АН СССР. М.-Л.: АН СССР, 1950. Т. II. – С. 38-79.
- Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
- Войскова М. Д.* Оттенки семантики побудительности в номинативных высказываниях // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 41.
- Войводич Д.* К вопросу о темпоральной перспективе перформативных высказываний // Русский язык: Исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Под общей редакцией М. Л. Ремнёвой и А. А. Поликарпова. – М.: Изд-во Московского университета, 2001. – С. 202.
- Володин А.П., Храковский В.С.* Русский императив: проблема инвариантного значения (схолии на полях работы Н.В. Перцова «К проблеме инварианта грамматического значения») // Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность/вариативность. – СПб.: Наука, 2003. – С. 236-250.
- Вольская Л. А.* Выражение темпоральной отнесенности действия в высказываниях с формами сослагательного и повелительного наклонения в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л, 1982. – 20 с.

- Всеволодова М. В.* Понятийный и терминологический аппарат функционально-коммуникативной грамматики // Русский филологический вестник, 1996. № 2. – С. 26-33.
- Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – М.: Изд-во Московского университета, 2000. – 502 с.
- Гак В. Г.* К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С. 5-15.
- Галактионова И. В.* Средства выражения согласия // Идеографические аспекты русской грамматики. – М.: Изд-во Моск. унта, 1988. – С. 145-168.
- Галактионова И. В.* Средства выражения согласия / несогласия в русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 238 с.
- Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М.* Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Учпедгиз, 1958. – 199 с.
- Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. – М.: Раритет, 1997. – 680 с.
- Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. – М.: Просвещение, 1955. – 408 с.
- Гвоздик А. А.* Сложные предложения с транспонированным императивом в синонимическом ряду условных конструкций (на материале современного русского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев, 1984. – 24 с.
- Гехтляр С. Я.* Семантика прохибитива в императивных высказываниях с инфинитивом // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 48-49.
- Гловинская М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 158-218.
- Гордон Д., Лакофф Дж.* Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 276-302.

- Городецкая Л. А.* Стратегия вежливости в английском языке в сопоставлении с русским // Россия и Запад: диалог культур. Материалы 2-й международной конференции 28-30 ноября 1995 г., МГУ. – М.: МААЛ, 1996. – С. 293-304.
- Грабье Вл.* Семантика русского императива // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским и другими славянскими языками. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – С. 105-128.
- Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 217-237.
- Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
- Грамматические уроки XX века: Материалы международной научной конференции «Грамматические уроки XX века» // Ломоносовские чтения 1994. – М.: Филология, 1994. – С. 139-168.
- Гудков Д. Б.* К вопросу об этнических стереотипах и межкультурных конфликтах (на примере рассказа Н. Н. Лескова «Железная воля») // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 4. – С. 67-77. [а]
- Гудков Д. Б.* Для чего мы говорим? (К проблеме ритуала и прецедента в коммуникации) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Филология, 1997. Вып. 2. – С. 26-40. [б]
- Давыдов М. В.* Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика. – М.: Изд-во Московского университета, 1984. – 204 с.
- Дмитриева Л. Д.* Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 16 с.
- Долинина И. Б.* Категориальные значения конструкций с *пусть* // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. повелительность». – Л., 1988. – С. 52-53.
- Дорошенко А. В.* Побудительные речевые акты и их интерпретация в тексте (на материале английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 26 с.

- Дурново И. Н.* Повторительный курс грамматики русского языка. – М., 1922. Вып. 1. – 114 с.
- Емасова М. Ш.* Побудительные предложения с глагольным сказуемым в современном русском языке и их соответствия в башкирском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1954. – 16 с.
- Ермолаева Е. С.* К историко-типологической характеристике категории побудительности // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 56-57.
- Есперсен О.* Философия грамматики. – М.: Иностр. лит., 1958. – 404 с.
- Жуков В. П.* Особенности употребления форм лица и повелительного наклонения в сказуемом, выраженным устойчивыми словосочетаниями глагольного типа // Ученые зап. Гурьевского пед. института. Серия ист. филол. – Гурьевск, 1958. Т. 2. – С. 101-115.
- Заикин Г. С.* Способы выражения косвенного побуждения посредством общевопросительных высказываний в современных русском и английском языке // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 57-58.
- Зализняк А. А.* Славянская частица *ти* // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков. – М.: АН СССР, 1989. – С. 15-17.
- Зарецкая Е. И.* Формы повелительного наклонения в русском языке // Филологические науки. 1976. № 3. – С. 47-55.
- Звегинцев В. А.* Мысли о лингвистике. – М.: Изд-во Московского университета, 1996. – 336 с.
- Зверева Е. А.* О выражении значения побудительности в английских научных текстах // Научная литература: Язык. Стиль. Жанры. – М., 1985.
- Зенчук В. Н.* Отрицательные императивные конструкции в сербохорватском и других славянских языках // Вестн. Ленингр. ун-та. 1971. Вып. 2. № 8.

- Зограф И. Т.* Выражение повелительности в среднекитайском языке // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 58-59.
- Золотова Г. А.* Модальность в системе предикативных категорий // Otázky slovanské syntaxe III. – Brno, 1973. – S. 93-97.
- Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 367 с.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Ин-т русского языка РАН; Филологический факультет МГУ, 1998. – 528 с.
- Иванова И. В.* Роль категории повелительности в организации директивного текста // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 59-60.
- Изотов А. И.* Чешские атрибутивные причастия на фоне русских. – М.: Филологический факультет МГУ, 1993. – 100 с.
- Изотов А. И.* Императивность в комплексе модальных категорий // Русский филологический вестник, 1995, № 2. – С. 57-63.
- Изотов А. И.* К вопросу о побуждении третьего лица // Русский филологический вестник, 1995, № 2. – С. 65-69.
- Изотов А. И.* Модальность в русской и чешской лингвистических традициях // Терминоведение, 1995, № 2-3. – С. 127-128.
- Изотов А. И.* Социально значимые разновидности побуждения к действию // Язык и мир его носителя. – М.: МАЛП, 1995. – С. 34-42.
- Изотов А. И.* Категориальная императивность в чешском и русском языках // Язык и мир его носителя. – М.: МАЛП, 1995. – С. 95-101.
- Изотов А. И.* О так называемом синтаксическом императиве // Русский филологический вестник, 1996, № 1. – С. 77-83.
- Изотов А. И.* Семантическая функция, функциональная семантика и языковое содержание // Русский филологический вестник, 1996, № 1. – С. 85-88.

- Изотов А. И.* Побуждение в коммуникативном контексте // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1996. [Вып. 1]. – С. 5-78.
- Изотов А. И.* Неспецифицированное побуждение как элемент языковой культуры // Россия и Запад: диалог культур. Материалы 2-й международной конференции 28-30 ноября 1995 г., МГУ. – М.: МААЛ, 1996. – С. 243-248.
- Изотов А. И.* К функциональной соотносительности парадигм чешского и русского императива // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1996. Вып. 2. – С. 9-23.
- Изотов А. И.* О перформативном побуждении в чешском и русском языках // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1996. Вып. 2. – С. 24-48.
- Изотов А. И.* Побудительные высказывания с именным перформативным предикатом // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации: Сб. статей. – М.: МАЛП, 1996. – С. 76-83.
- Изотов А. И.* Экспликация инклюзивного побуждения в чешском и русском языках // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации: Сб. статей. – М.: МАЛП, 1996. – С. 84-106.
- Изотов А. И.* Побудительное высказывание в тексте (к постановке проблемы) // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Тезисы международной конференции. МГУ. – М.: Филологический факультет МГУ, 1996. – С. 109-110.
- Изотов А. И.* Побудительность и императивность // Терминоведение, 1996, № 1-3. – С. 118-120.
- Изотов А. И.* Автопрескрипция в чешском и русском языках // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 3. – С. 21-34.
- Изотов А. И.* Чешские «ониканье» и «онканье» в побудительном высказывании // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 3. – С. 35-55.

- Изотов А. И.* Коммуникативная функция и ее интерпретация // Сопоставительная грамматика и теория коммуникации. – М.: МАЛП, 1997. – С. 47-51.
- Изотов А. И.* О смысловых интерпретациях побудительных высказываний // Сопоставительная грамматика и теория коммуникации. – М.: МАЛП, 1997. – С. 52-95.
- Изотов А. И.* Чешский кондиционал vs русское сослагательное наклонение в побудительном высказывании // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Филология, 1997. Вып. 1. – С. 181-191.
- Изотов А. И.* О так называемых скрытых перформативах // Терминоведение. 1997. № 1-3. – С. 75-77.
- Изотов А. И.* Адхибитивность и прохибитивность // Терминоведение. 1997. № 1-3. – С. 77-80.
- Изотов А. И.* О двух аналитических императивных конструкциях в современных чешском и русском языках // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 4. – С. 78-95.
- Изотов А. И.* Тематизация полезности / неполезности как средство формирования побудительного высказывания // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 4. – С. 96-102.
- Изотов А. И.* О постулативном долженствовании и постулативной возможности // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М.: Филология, 1997. – С. 134-140.
- Изотов А. И.* Оптативность и побудительность // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М.: Филология, 1997. – С. 141-144.
- Изотов А. И.* О лингвистическом механизме так называемой «некатегориальной императивности» // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 5. – С. 141-146.
- Изотов А. И.* Заповедь, наказ и повеление, или о трех русских маргинальных побудительных интерпретациях // Терминоведение. 1998. № 1-3. – С. 109-111.
- Изотов А. И.* Есть ли в чешском языке «страдательный императив»? // Терминоведение. 1998. № 1-3. – С. 111-112.

- Изотов А. И.* Функциональные разновидности «авторитарного» побуждения в чешском и русском языках // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Филология, 1998. Вып. 3. – С. 52-66.
- Изотов А. И.* О семантическом картировании поля побудительности чешским и русским языками // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Филология, 1998. Вып. 4. – С. 124-128.
- Изотов А. И.* Разрешение как побудительный речевой акт // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Филология, 1998. Вып. 5. – С. 97-100.
- Изотов А. И.* Семантическая карта императивности (на материале чешского и русского языков). – М.: Филология, 1998. – 112 с.
- Изотов А. И.* К соотносительности функционально-семантических категорий побуждения в современных чешском и русском языках // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – С. 171-228.
- Изотов А. И.* Ономаσιологический принцип описания функционально-семантической категории побуждения // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 9. – С. 72-78.
- Изотов А. И.* Устаревшие чешские этикетные формы обращения в побудительном высказывании // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2000. Вып. 14. – С. 55-63.
- Изотов А. И.* О чешском «оникании» и «онкании» // Терминологический вестник, 2000. № 1. – С. 37-40.
- Изотов А. И.* Об иллокутивно специализированном побуждении в современных чешском и русском языках // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2000. Вып. 15. – С. 62-70.
- Изотов А. И.* Чешские перформативные глаголы в побудительном высказывании // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 16. – С. 23-31.
- Изотов А. И.* Функционально-семантическая категория побуждения как фрагмент русской и чешской языковых картин мира // Русский язык: Исторические судьбы и современность:

Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Под общей редакцией М. Л. Ремнёвой и А. А. Поликарпова. – М.: Изд-во Московского университета, 2001. – С. 73.

Изотов А. И. Структура функционально-семантической категории побуждения в современных чешском и русском языках // Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания: Информационные материалы и тезисы докладов международной конференции. – М.: Изд-во Московского университета, 2001. – С. 40-42.

Изотов А. И. Концептуализация «авторитарного побуждения» в чешском и русском языковых пространствах // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2002. Вып. 21. – С. 8-23.

Изотов А. И. Исследования славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания // Вестник МГУ, Серия 9, Филология, 2002. № 2. – С. 208-211.

Изотов А. И. К вопросу об аналитическом императиве 2-го лица в современном чешском языке // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2003. Вып. 23. – С. 58-68.

Изотов А. И. Аналитический императив в современном чешском языке // Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы: Информационные материалы и тезисы докладов международной конференции. – М.: Филологический факультет МГУ, 2003. – С. 88-90.

Изотов А. И. Об одном грамматическом германизме в современном чешском языке: «ониканье» и «онканье» в побудительном высказывании // Славянский вестник: К 70-летию В.П. Гудкова / Под ред. Н.Е. Ананьевой и З.И. Карцевой. – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 132-140.

Изотов А. И. Об иллокутивных разновидностях чешской просьбы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 27. – С. 56-65.

- Ильяш М. И.* Наблюдения над синтаксисом поэтических произведений В. В. Маяковского (побудительные предложения): Дисс. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1963. – 243 с.
- Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность» / Ред. *Л. А. Бирюлин и др.* – Л.: АН СССР, 1988. – 158 с.
- Исаченко А. В.* К вопросу об императиве в русском языке // Русский язык в школе. – М., 1957. № 6. – С. 7-14.
- Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. – Братислава: АУ, 1960. Ч. 2. – 580 с.
- Кан Сон Хи.* Вариативные ряды конструкций, выражающие просьбу и требование в русском языке (в сопоставлении с корейским): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 24 с.
- Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 311 с.
- Кибрик А. Е.* Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник МГУ, Серия 9. Филология. 1995. № 5. – С.93-103.
- Ким Т. Я.* К вопросу о границах лексико-семантической группы глаголов побуждения // Вопросы русского языкознания. – Куйбышев, 1976. Вып. 2. – С. 90-94.
- Ким Т. Я.* Опыт описания лексико-семантической микросистемы (на материале глаголов побуждения): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Куйбышев, 1974. – 24 с.
- Кисловская Е. Н.* Побудительная модальность в структуре повтора в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1975. – 23 с.
- Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б.* Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 270-321.
- Князев Ю. П.* Императив в славянских языках: взаимодействие модальности и темпоральности // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 62-63.
- Кобозева И. М.* «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 7-21.

- Кобозева И. М.* Модальные слова и частицы в предложениях побудительного наклонения // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 64.
- Козырев В. И.* Актуализационные признаки безглагольных побудительных высказываний в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1983. – 204 с.
- Козырев В. И.* Семантико-смысловая структура безглагольных побудительных высказываний в русском языке (прагматический аспект) // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 64-65.
- Козырев В. И.* Актуализационные функции высказывания (на примере безглагольных побудительных конструкций). – Мичуринск, 1992. – 109 с.
- Кондзеля Е. С.* Функционально-семантическое поле побудительности и реализация его конститuentов в русской речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев, 1991. – 17 с.
- Конрад Р.* Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 349-383.
- Косериу Э.* Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1989. Вып. 25. – С. 63-81.
- Косилова М. Ф.* К вопросу о побудительных предложениях // Вестник Моск. ун-та, Серия филология и журналистика. 1962. № 4. – С. 48-56.
- Кошмидер Э.* Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. – М.: Иностран. лит., 1962. – С. 105-167.
- Красных В. В.* Матрица коммуникативного акта // Сопоставительная грамматика и теория коммуникации. – М.: МАЛП, 1997. – С. 14-22.
- Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог МГУ, 1998. – 352 с.

- Крекич Й.* Побудительные перформативные высказывания. – Szeged: Jgytf Kiadó, 1993. – 241 с.
- Кржижкова Е.* Первичные и вторичные функции и так называемая транспозиция форм // Travaux linguistique de Prague 2. – Praha, 1966. – S. 171-182.
- Кубрякова Е. С.* Введение: Основные направления в современном развитии грамматической мысли // Современные зарубежные грамматические теории: Сборник научно-аналитических обзоров. – М., 1985. – С. 5-29.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филологический факультет МГУ, 1996. – 245 с.
- Куликова Л. А.* Междометия в современном чешском языке (в сопоставлении с русским): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 22 с.
- Кулькова Р. А.* Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 22 с.
- Курбанова Н. Г.* Функционирование форм глагола в повелительном наклонении // Рус. яз. и лит. в азерб. шк. – Баку, 1982, № 4. – С. 60-66.
- Лазарь В. В.* Косвенная иллокутивная функция побуждения в сложносочиненном предложении-высказывании во французском и русском речевом дискурсе // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 67-69.
- Ласка И. В., Новицкая В. В.* О функционально-коммуникативной семантике императивных высказываний // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 69-71.
- Левцкий Ю. А.* Императив и каузатив // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 71-72.
- Лекант П. А.* Несогласие как одно из модальных значений высказывания // Семантика грамматических форм и речевых конст-

- рукций: Межвуз. сб. научн. тр. – М.: МОПИ, 1991. – С. 41-44.
- Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. – М.: Филология, 1995. – 606 с. [2 тома с продолжающейся нумерацией]
- Лобанова Н. А., Слесарева И. П.* Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Систематизирующий курс (третий год обучения) / Под ред. В. Г. Гака. Изд. 2.-е, испр. и доп. – М.: Русский язык., 1984. – 368 с.
- Ломов А. М.* О способах выражения волеизъявления в русском языке // Русский язык в школе. 1977. № 2. – С. 90-93.
- Лопухина Р. В.* Семантика и функции конструкций с частицей бы в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 16 с.
- Луценко Н. А.* Императивно-сдвоенные конструкции с отрицанием // Русский язык в школе. 1988. № 4. – С. 78-81.
- Любимов А. О.* Средства выражения побуждения в современном португальском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 20 с.
- Ляпон М. В.* Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 303-304.
- Малинович Ю. М.* Класс предложений-запрещений с доминантой угрозы // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 75-76.
- Мартынов В. В.* Категории языка. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
- Мещанинов И. И.* Понятийные категории в языке // Труды военного института иностранных языков. – М., 1945. № 1. – С. 5-17.
- Миллз М.* Речевой акт на уроках русского и английского языков, женщина, авторитет и перспективы власти // Россия и Запад: диалог культур. Материалы 2-й международной конференции 28-30 ноября 1995 г., МГУ. – М.: МААЛ, 1996. – С. 319-328.
- Милых М. К.* Побудительные предложения в русском языке // Ученые записки Харьковского университета, 1953. Т. 23. Вып. 4. – С. 5-47.

- Мискинянц Н. В.* Семантика и прагматика высказываний с отрицательной оценкой (отрицательная оценка факта, события и процесса как средство выражения интенциональных смыслов типа «неразрешение») // Актуальные проблемы описания и преподавания русского языка как иностранного. – М., 1989. – С. 47-52.
- Молошная Т. Н.* О так наз. аналитических формах императива в славянских языках // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков. – М.: Наука, 1989. – С. 29-30.
- Молошная Т. Н.* Об аналитических формах сослагательного наклонения в славянских языках // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. – М.: АН СССР, 1990. – С. 114-129.
- Молчанова Г. П.* Парадигма предложения и побудительная модальность // Семантические прагматические аспекты анализа основных языковых единиц. – Барнаул, 1982. – С. 157-163.
- Муравицкая М. П.* Полисемия императива // Математическая лингвистика. – Киев, 1973. Вып. 1. – С. 50-60.
- Мучник И. П.* О значении форм повелительного наклонения в современном русском языке // Ученые записки Московского областного пединститута. – М.: МОПИ, 1955. Т. 32. Вып. 5. – С. 13-35.
- Мучник И. П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. – М., 1971. – 298 с.
- Набиева В. М.* Прагматический аспект дискурса современной литургической проповеди: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 21 с.
- Найдич Л. Э.* Императив в волшебной сказке // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 88-89.
- Нгуен Туен Минь.* Повелительное наклонение русского глагола в сопоставлении с вьетнамским: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1970. – 453 с.
- Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола. – СПб., 1865. – 313 с.

- Немец Г. П.* Семантико-синтаксические средства выражения модальных отношений в русском языке: Дисс. ... доктора филол. наук. – Краснодар, 1989. – 418 с.
- Немешайлова А. В.* Повелительное наклонение в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пенза, 1961. – 27 с.
- Нещименко Г. П., Широкова А. Г.* Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. – М., 1978. – С. 9-85.
- Николаева Т. М.* Фразовая интонация славянских языков. – М.: Наука, 1977. – 278 с.
- Николаева Т. М.* Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). – М.: Наука, 1985. – 168 с.
- Новичкова Р. Н.* Императив в системе современного немецкого языка: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 186 с.
- Онипенко Н. К.* Обращение, вопрос, побуждение в лингвистике и поэтике художественного текста (обзор работ 1984-1986 гг.) // Филологические науки. 1988. № 4. – С. 80-85.
- Останин А.И.* О побудительном значении повествовательных предложений // Филологические науки, 1993. № 4. – С. 107-111.
- Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 22-130.
- Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье. О глаголе. – СПб., 1850. – 238 с.
- Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
- Пазухин Р. В.* Так называемое «повелительное наклонение» и его парадигма // Studia Rossica Poznaniensia. Poznań, 1974. № 6. – S. 85-95.
- Панин Л. Г.* Семантика форм повелительного наклонения в русском языке // Филологические науки. 1993. № 5-6. – С. 82-89.
- Панов М. В.* О парадигматике и синтагматике // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. 1980. Т. 39. № 2.
- Панфилов В. З.* Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977, № 4. – С. 37-48.

- Панфилов В. З.* Типы модальных значений и их роль в конституировании структуры предложения // *Otázky slovanské syntaxe IV/2.* – Brno 1980. – S. 9-15.
- Петрикеева А. П.* Модальная перспектива в побудительных предложениях: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 17 с.
- Пешковский А. М.* Интонация и грамматика // *Известия АН СССР. Отд. по рус. яз. и словесности.* – Л., 1928. Т. 1. – С. 458-476.
- Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
- Полинская М. С.* К соотношению императива и оптатива // *Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность».* – Л., 1988.
- Полищук Е. В.* Сопоставительный анализ вариантных рядов высказываний, выражающих значения требования, просьбы в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 26 с.
- Полякова Н. Ф.* Стилистическое использование побудительных предложений в научной и художественной прозе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1985. – 16 с.
- Полянский С. М.* К взаимодействию функционально-семантических полей побудительности и таксиса // *Функционально-типологические аспекты анализа императива.* – М., 1990. Ч. 1. – С. 100-105.
- Поройкова Н. И.* К семантической характеристике побудительных высказываний диалогической речи // *Лингвостилистические основы преподавания русского языка иностранцам на продвинутом этапе обучения.* – Л., 1977. – С. 87-103.
- Поройкова Н. И.* Морфологические и морфологизованные средства выражения побуждения, примыкающие к парадигме повелительного наклонения // *Функциональный анализ грамматических единиц.* – Л., 1980. – С. 77-99.
- Поройкова Н. И.* К характеристике семантической структуры ситуации побуждения // *Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания.* – Л., 1985. – С. 25-35.
- Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974. – 487 с.

- Потапова Р. К.* Коннотативная паралингвистика. – М.: МГЛУ, 1997. – 65 с.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. – М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1-2. – 536 с.
- Почепцов Г. Г.* Анализ перформативных высказываний // Филологические науки. 1982. № 6. – С. 63-66.
- Прибыток И. И.* Структурные и коммуникативные типы безимперативных побудительных предложений в современном английском языке. – Саратов, 1971. – 70 с.
- Прокопчик А. В.* Структура и значение побудительных предложений в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1955. – 16 с.
- Разилова З. Р.* Типы волеизъявительных предложений в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1954. – 17 с.
- Ранних Н. А.* Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 20 с.
- Распопов И. П.* Очерки по теории синтаксиса. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1973. – 220 с.
- Распопова Т. И.* Оптативные предложения (на материале русского и английского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 23 с.
- Рассудова О. П.* Употребление видов глагола в русском языке. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 138 с.
- Рождественский Ю. В.* Введение в общую филологию. – М.: Высшая школа, 1979. – 224 с.
- Рождественский Ю. В.* Техника, культура, язык. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.
- Романов А. А.* Некоторые особенности вопросительных высказываний, выражающих просьбу // Лексическая и синтаксическая семантика. – Барнаул, 1980. – С. 154-160.
- Романов А. А.* Семантическая структура высказываний-просьб // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин, 1981. – С. 68-75.
- Рословец Я. И.* Употребление форм 1 лица множественного числа настоящего и будущего времени изъявительного наклонения

- в значении повелительного наклонения // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1965, № 263. – С. 115-129.
- Русская грамматика. – Прага: Academia, 1979. – 1093 с. [два тома с продолжающейся нумерацией]
- Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. Т. II. – 710 с.
- Рябова А. И., Одинцова И. В., Кулькова Р. А.* Структурные и семантические типы осложнения русского предложения / Под ред. *М. В. Всеволодовой.* – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 176 с.
- Саранцаирал Ц.* Речевые акты побуждения, их типы и способы выражения в русском языке: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1993. – 48 с. [а]
- Саранцаирал Ц.* Речевые акты побуждения, их типы и способы выражения в русском языке: Дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1993. – 246 с. [б]
- Свободова Е.* Порождение русских побудительных предложений // *Otázky slovanské syntaxe III.* – Brno, 1973. – S. 15-22.
- Сергиевская Л. А.* Сложное предложение с императивной семантикой в современном русском языке: Дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1995. – 400 с.
- Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 170-194.
- Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 195-222.
- Серль Дж. Р., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 18. – С. 242-263.
- Скаличка В.* Типология и сопоставительная лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1989. Вып. 25. – С. 23-31.
- Слюсарева Н. А.* Функциональная грамматика в Великобритании и Нидерландах // Современные зарубежные грамматические теории: Сборник научно-аналитических обзоров. – М., 1985. – С. 175-212.
- Соболева Е. Г.* Лексико-синтаксическая репрезентация семантической модели глагольных предложений со значением «разрешение»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Свердловск, 1990. – 16 с.

- Сологуб А. И.* Формы повелительного наклонения в русских народных говорах: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1953. – 282 с.
- Стросон П. Ф.* Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 131-150.
- Табакова З. П.* Имплицитная повелительность в именных конструкциях типа N_3 — N_4 // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Часть 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. – М.: АН СССР, 1990. – С. 137-141.
- Тарланов З. К.* Методы и принципы лингвистического анализа. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. – 190 с.
- Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.
- Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – 370 с.
- Типология императивных конструкций / Под ред. *Храковского В. С., Бирюлина Л. А.* – СПб.: Наука, 1992. – 301 с.
- Уваров В. В.* Категория императивности в русском языке в сопоставлении с аналогичной категорией в чешском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 13 с.
- Федорова Л. Л.* Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6. – С. 46-50.
- Фефилов А. И.* Констатирующие предложения с глаголами речевого побуждения // Синтаксическая семантика и прагматика. – Калинин, 1982. – С. 84-92.
- Филатова Е. А.* Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 253 с.
- Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
- Формановская Н. И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. – М., 1982. – 126 с.

- Формановская Н. И.* Способы выражения просьбы в русском языке (прагматический подход) // Русский язык за рубежом. 1984, № 6. – С. 67-73.
- Франк Д.* Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 363-373.
- Фролкина Л. В.* Смысловые импликатуры при выражении и восприятии интенционального значения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 19 с.
- Хазова О. Н.* Неопределенно-личные предложения и выражение побуждения в русском языке // Императив в разнотипных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 137-138.
- Хилпинен Р.* Семантика императивов и деонтическая логика // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 18. – С. 300-317.
- Хоанг Ань.* Высказывания со значением разрешения и запрещения в русском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 1993. – 20 с.
- Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива: Русский императив. – Л.: Наука, 1986. – 270 с.; [2-е изд., стереотипное:] М.: Едиториал УРСС, 2002. — 272 с.
- Шаронов И. А.* О методах выделения и толкования побудительных речевых актов // Актуальные проблемы описания и преподавания русского языка как иностранного. Пушкинские чтения (III). Материалы для преподавателя. – М.: ИРЯП, 1989. – С. 78-83.
- Шаронов И. А.* Категория наклонения в коммуникативно-прагматическом аспекте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 20 с.
- Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
- Шевченко Н. А.* Семантика и прагматика побудительного микродиалога в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев, 1984. – 24 с.

- Шенберг А.* Лингвоконтрастивное исследование способов речевой манифестации категории императивности (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 21 с.
- Шидлак А. Э.* Сопоставительный анализ средств побудительности русского и польского языков в аспекте обучения польских филологов-русистов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1988. – 16 с.
- Широкова А. Г.* О функциональной нагрузке форм кондиционала в чешском языке (в сопоставлении с русским языком) // *Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby.* – Praha, : UK, 1974. – S. 19-47.
- Широкова А. Г.* Теоретические предпосылки сопоставительного изучения грамматического строя славянских языков // *Вестник Моск. ун-та, Сер. 9, Филология, 1978. № 6.* – С. 3-13.
- Широкова А. Г.* Некоторые вопросы эквивалентности в связи с транспозицией форм наклонения // *Съпоставително езикознание.* – София, 1980. № 3. – С. 3-13.
- Широкова А. Г.* Проблематика транспозиции форм наклонений в славянских языках (на материале чешского и русского языков) // *Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками.* – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – С. 83-104.
- Широкова А. Г.* Некоторые методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков на современном этапе // *Вестник Моск. ун-та, Сер. 9, Филология, 1987.* – № 4.
- Широкова А. Г.* Сопоставительное изучение категории побуждения в чешском языке (в сопоставлении с русским) // *Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков.* – М.: Наука, 1989. – С. 46-47.
- Широкова А. Г.* Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // *Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой.* М.: Изд-во Московского ун-та, 1998. С. 10-99.

- Широкова А. Г.* Декатегоризация и делексикализация как один из источников образования новых форм и частей речи // *Slavia, Ročník 68.* – Praha, 1999. – S. 107-113.
- Широкова А. Г., Васильева В. Ф., Едличка А.* Чешский язык. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. – 344 с.
- Шмелев Д. Н.* Значение и употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1955. – 332 с.
- Шмелев Д. Н.* О значении вида в повелительном наклонении // *Русский язык в школе.* 1958, № 4. – С. 13-17.
- Шмелев Д. Н.* Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке // *Русский язык в школе.* – М., 1961, № 5. – С. 50-55.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
- Штелинг Д. А.* О грамматическом статусе повелительного наклонения // *Известия АН СССР, Серия лит. и яз.* 1982. Т. 41, № 3. – С. 266-271.
- Элиешюте С. П.* К вопросу о воздейственности речевого побуждения: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – М., 1968. – 20 с.
- Юсупов У. К.* Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина // *Методы сопоставительного изучения языков.* – М., 1988. – С. 6-11.
- Якобсон Р. О.* Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами // *Новое в лингвистике.* – М.: Прогресс, 1965. Вып. 4. – С. 372-377.
- Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // *Принципы типологического анализа языков различного строя.* – М., 1972. – С. 95-113.
- Adamec P.* Modální slovesa a modální predikativa v češtině a v ruštině // *BVŠRJL I,* Praha, 1956. – S. 71-113.
- Adamec P.* Muset nebo mít? (K vyjadřování kategorie obligatornosti v současné češtině na pozadí ruštiny) // *Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby.* – Praha: UK, 1974. – S. 133-152.
- Austin J. L.* How to do things with words. – Oxford University Press. 1962. – 166 p.

- Barnet V.* Komunikativní situace a výpověď // Otázky slovanské syntaxe IV/1. – Brno, 1979. – S. 69-75.
- Barnet V., Barnetová V.* O konfrontačním studiu příbuzných jazyků // Slavica Pragensia, Praha, 1962. – S. 53-60.
- Bauer J.* Syntactica slavica. Vybrané práce ze slovanské skladby. – Brno, 1972. – 471 s.
- Brecht R. D.* Čtoby or Čto and By // Folia Slavica. Columbus, Ohio. 1977. V. 1. № 1. – P. 33-41.
- Chloupek J.* Modalita v živém komunikativním aktu // Otázky slovanské syntaxe III. – Brno, 1973. – S. 329-333.
- Clark H. H., Carlson T. B.* Hearers and Speech Acts // Language. Vol. 58., 1982. № 2. – P. 332-371.
- Conrad R.* Fragesätze als indirekte Sprechakte // Studia Germanica, XXII: Untersuchungen zur Semantik, R. Růžička und W. Motsch (Hrsg.). – Berlin, Akademie-Verlag, 1983. – S. 343-367.
- Čechová E., Trabelsiová H., Putz H.* Chcete mluvit česky? – Liberec, 1996. – 398 s.
- Čejka M.* Rozkaz a negace // Slovo a slovesnost. 1978. – S. 341-348.
- Čejka M.* Postavení jistotní modalit ve struktuře výpovědi // Otázky slovanské syntaxe IV/2. – Brno 1980. – S. 53-62.
- Davison A.* Indirect Speech Acts and What to Do with Them // Syntax and Semantics. Vol. 3; Speech Acts / Eds. Cole P., Morgan J. L. – New York — San Francisco — London, Academic Press. 1975. – P. 143-185.
- Dijk T. A. van* Studies in Pragmatics of Discourse. – The Hague. Mouton, 1981. – 285 s.
- Dokulil M.* Pojem modálnosti výpovědi ze stanoviska teorie odrazu // Otázky slovanské syntaxe III. – Brno, 1973. – S. 39-41.
- Flidrová H.* Reakce na apel v dialogu // Otázky slovanské syntaxe IV / 2. – Brno, 1980. – S. 213-217.
- Franck D.* Seven sins of pragmatics: theses about speech act theory, conversational analysis, linguistics and rhetoric // Possibilities and limitations of pragmatics. – Amsterdam, John Benjamins B. V., 1981. – P. 225-236.
- Fraser B.* Hedged Performatives // Syntax and Semantics. Vol. 3; Speech Acts / Eds. Cole P., Morgan J. L. – New York — San Francisco — London, Academic Press. 1975. – P. 187-210.

- Garde P.* L'emploi du conditionnel et de la particule *by* en russe. – Paris, 1962. – 362 p.
- Gordon D., Lakoff G.* Conversational Postulates // *Syntax and Semantics*. Vol. 3. / Eds. Eds. Cole P., Morgan J. L. – New York — San Francisco — London: Academic Press, 1975. – P. 83-106.
- Grepl M.* K podstatě modálnosti // *Otázky slovanské syntaxe III*. – Brno, 1973. – S. 23-38.
- Grepl M.* Komunikativně pragmatické aspekty výpovědi // *Otázky slovanské syntaxe IV/1*. – Brno, 1979. – S. 15-37.
- Grepl M., Karlík P.* Skladba spisovné češtiny. – Praha: SPN, 1986. – 474 s.
- Grice H. P.* Logic and Conversation // *Syntax and Semantics*, Vol. 3. / Eds. Cole P., Morgan J. L. New York — San Francisco — London, Academic Press, 1975. – P. 41-58.
- Havránek B., Jedlička A.* Česká mluvnice. – Praha: SPN, 1981. – 592 s.
- Hancher M.* The classification of cooperative illocutionary acts // *Language in Society*. 1979. Vol. 8. № 1. – P. 1-14.
- Jakobson R.* Shifters, verbal categories and the Russian verb // *Cambridge (Mass.). Russian language project*. Harvard University. 1957. – 14 p.
- Jungmann J.* Slovník česko-německý. – Praha 1989 D. I. – 852 s.; Praha, 1990. D. II. – 1032 s.; D. III. – 976 s.; D. IV. – 848 s.; D. V. – 990 s. [Репринт издания: Slovník česko-německý Josefa Jungmanna. Praha, 1835-1839].
- Karcevskij S.* Du dualisme asymétrique du signe linguistique // *Travaux du Circle linguistique de Prague*. 1929. – 312 p.
- Karlík P.* K problematice optativnosti // *Otázky slovanské syntaxe IV/2*. – Brno 1980. – S. 49-52.
- Kopečný Fr.* Základy české skladby. – Praha, 1958. – 337 s.
- Kořenský J.* Pojmy “sémantika”, “syntax”, “pragmatika” ve vztahu k funkční hierarchizaci sémantických a gramatických prostředků jazyka // *Otázky slovanské syntaxe IV/1*. – Brno 1979. – S. 39-45.
- Kotgaj J.* К вопросу об инвариантном значении формы русского императива // *Recueil linguistique de Bratislava*. Bratislava, 1968. Vol. 2. – P. 159-167.
- Leech G. N.* Principles of Pragmatics. – London — New York, 1983. – 250 p.

- Leška O.* K otázce tzv. transpozice // Rusko-české studie. – Praha, 1960. – S. 43-46.
- Leška O.* K systémovému a funkčnímu pohledu na jazyk // Problémy marxistické jazykovědy. – Praha, 1962. – S. 129-132.
- Leška O., Křížková H.* Hledání optimálního modelu lingvistického popisu // Československá rusistika. – Praha, 1974. № 2. – S. 57-64.
- Leška O., Kurimský A.* O konfrontační metodě v jazykovědě // Československá rusistika. – Praha, 1962, № 4. – S. 207-210.
- Mathesius V.* Základní funkce českého pořádku slov // Čeština a obecný jazykozpyt. – Praha, 1949. – S. 327-353.
- Mathesius V.* Obsahový rozbor současné angličtiny na základě obecně lingvistickém. – Praha, 1961. – 279 s.
- Mluvnice češtiny. – Praha: Academia, 1986. D. I. – 568 s.; D. II. – 536 s.
- Mluvnice češtiny. – Praha: Academia, 1987. D. III. – 748 s.
- Morris H.* Imperatives and orders // Theoria. 1960. Vol. 26. № 3. – P. 183-209.
- Mrázek R.* Эмоциональность предложения и перспективы ее сравнительного исследования // Otázky slovanské syntaxe IV/2. – Brno 1980. – S. 93-98.
- Müllerová O.* Komunikativní složky výstavby dialogického textu. – Praha, 1979. – 161 s.
- Novotný J.* Aktualizační prostředky a jejich vzájemné vztahy // Otázky slovanské syntaxe IV/1. – Brno 1979. – S. 83-86.
- Otázky slovanské syntaxe III. – Brno, 1973. – 399 s.
- Otázky slovanské syntaxe IV / 1. – Brno, 1979. – 220 s.
- Otázky slovanské syntaxe IV / 2. – Brno, 1980. – 230 s.
- Pala K., Svoboda A. et al.* Externí a interní pragmatika // Otázky slovanské syntaxe IV/1. Brno 1979. – S. 53-60.
- Palmer F. R.* Semantics. A new outline. – Moscow, 1982. – 111 p.
- Panevová J., Benešová E., Sgall P.* Čas a modalita v češtině. – Praha: UK, 1971. – 168 s.
- Panzer B.* Der slavische Konditional: Form—Gerbauch—Funktion. – München: Fink. 1967. – 317 s.
- Petr J.* Preface // Jungmann J. Slovník česko-německý. D. 1. – Praha 1989. – S. 5-38.
- Příruční mluvnice češtiny. – Brno: Lidové Noviny, 1996. – 800 s.
- Rejmánková L.* K otázce modalit v dialogu // Jazykovědné aktuality. Roč. XIII, 1976. Č. 1. – S. 22-24.

- Searle J. R.* Speech acts: An essay in the philosophy of language. – London, Cambridge University Press, 1969. – 261 p.
- Searle J. R.* Indirect Speech Acts // Syntax and Semantics. Vol. 3 / Eds. Cole P., Morgan J. L. – New York — San Francisco — London. Academic Press, 1975. – P. 59-82.
- Searle J. R.* A classification of illocutionary acts // Language in Society. – Cambridge University Press, London, 1976. – P. 1-23.
- Searle J. R.* A taxonomy of illocutionary acts // Searle J.R. Expression and Meaning. – Cambridge University Press, 1979. – P. 1-29.
- Skalička V.* Über die Transposition // Slavica Pragensia 1. – Praha, 1959. – S. 45-52.
- Sgall P., Hronek J.* Čeština bez příkras. – Praha, 1992. – 181 s.
- Straková V.* Argumentativní dialog a emocionalita // Otázky slovanské syntaxe IV/2. – Brno 1980. – S. 137-140.
- Svetlík J.* К вопросу о синтаксической модальности // Otázky slovanské syntaxe III. – Brno, 1973. – S. 127-133.
- Svoboda K.* Souvětí spisovné češtiny. – Praha, UK, 1972. – 242 s.
- Svoboda K.* O gramatické modálnosti se zřetelem k souvětí // Otázky slovanské syntaxe III. – Brno, 1973. – S. 233-241.
- Šmilauer V.* Novočešská skladba. – Praha, 1969. – 574 s.
- Trávníček Fr.* Mluvnice spisovné češtiny. – Praha 1949. D. II. – 871 s.
- N. S. Trubetzkoy's letters and notes* // Janua linguarum. Series maior. – The Hague; Paris: Mouton, 1975. – 506 p.
- Vachek J.* The Linguistic School of Prague. – Bloomington-London, 1966. – 184 p.
- Vendler Z.* Res cognitae: an essay in rational psychology. – Ithaca, 1972. – 225 p.
- Vendler Z.* Illocutionary suicide // Issues in the Philosophy of Language. – Yale University Press, 1976. – P. 135-145.
- Wierzbicka A.* Semantic primitives. – Frankfurt-am-Main, Athenäum 1972. – 235 p.
- Wunderlich D.* On problem on speech theory // Basic Problems in Methodology and Linguistics. – Dordrecht, 1977. – P. 243-258.
- Wunderlich D.* Methodological remarks on speech act theory // Speech Act Theory and Pragmatics. – Dordrecht, 1980. – P. 291-312.
- Zimek R.* Модальность высказывания и его глубинная структура // Otázky slovanské syntaxe III. – Brno, 1973. – S. 111-119.

- Zimek R.* Odraz emocionálnosti v sémantické a gramatické výstavbě výpovědi // *Otázky slovanské syntaxe IV/2.* – Brno 1980. – S. 99-103.
- Žaža S.* Přehled dosavadního stavu bádání o modalitě slovanské věty // *Otázky slovanské syntaxe III.* – Brno, 1973. – S. 15-21.